

ВРЕМЯ **МЕСТО**

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Выпуск 4 (32)

Нью-Йорк, 2014

ВРЕМЯ и МЕСТО

***Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал***

VREMYA I MESTO

***International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary***

Copyright © 2014 Vremya i Mesto

Produced by *Shikhman Publishing*

Artwork on front cover by Valery Bochkov

No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means – electronic, mechanical, photocopy, or any other – except for brief quotations in printed reviews, without prior permission from the Publisher.

For any information about obtaining permission to reproduce selections from the journal, please call 718-815-5000 or send an email to olga@flockusa.com

www.vmzhurnal.com

All rights reserved

ISBN: 978-1502866981

Редакция не рецензирует присланные материалы и не гарантирует их публикацию.

Printed in the United States of America

**Игорь Шихман, издатель и
главный редактор (США)**

Редакционная коллегия:

Давид Гай – зам. главного редактора (США)

Ирина Басова (Франция)

Марк Вейцман (Израиль)

Руслан Галазов (Испания)

Нина Генн (США)

Геннадий Кацов (США)

Надежда Кожевникова (США)

Давид Маркиш (Израиль)

Владимир Некляев (Беларусь)

Андрей Остальский (Англия)

Александр Половец (США)

Георгий Пряхин (Россия)

Семен Резник (США)

Михаил Румер-Зараев (Германия)

Марк Черняховский (США)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К ЧИТАТЕЛЯМ</i>	6
<i>ПРОЗА</i>	
ВИКТОР НОРД Две Золушки.....	8
САМУИЛ ХАРРИС Сэмми.....	56
МИХАИЛ ЗАРАЕВ-РУМЕР Повесть Бабея, не увидевшая свет.....	68
<i>ПОЭЗИЯ</i>	
РИТА БАЛЬМИНА.....	50
ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ.....	86
ВАДИМ ТЕЛЕШ.....	168
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР.....	200
<i>ИМЕНА В ЛИТЕРАТУРЕ</i>	
ЮРИЙ ОКУНЕВ Некто Розинер (окончание).....	92
<i>ДАТЫ</i>	
БОРИС РУМЕР Танец над пропастью.....	112

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

МАРК ТВЕРСКОЙ

Такое могли придумать только в
Одессе..... 174

СУДЬБЫ

ИСААК ВАЙНШЕЛЬБОЙМ

Друг академика Сахарова.....186

ВЕЧНАЯ ТЕМА

ЛЕОНИД ГОЛЬДИН

Достоинства выбора.....208

НАШ АРХИВ

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ:

Три неопубликованных письма.....226

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

МАРК ГИНЗБУРГ

Тропюю сефардов.....234

ПАМЯТЬ

М.Г.

Золотые россыпи.....250

**САРКАСТИЧЕСКИ-ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА И
ПОЭЗИЯ**

БАУРЖАН ТОЙШИБЕКОВ

Афоризмы..... 256

АВТОР ОБЛОЖКИ

Валерий Бочков.....260

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья! У вас в руках очередной, последний в нынешнем году выпуск нашего журнала. Надеюсь, и на сей раз мы не обманули ваших ожиданий. Мы стремимся таким образом формировать каждый номер "Времени и места", чтобы каждый наш подписчик, независимо от возраста, социального положения, вкуса и убеждений, мог найти на страницах журнала что-то интересное и полезное для себя.

Сужу по себе: я обычно с охотой читаю предисловия к различным повествованиям, а уж потом берусь за сам текст. Предисловия помогают легче и с лучшим пониманием войти в содержание. Мое традиционное обращение к вам, друзья, это тоже своего рода предисловие к очередному номеру журнала. Так вот, хочу обратить ваше внимание на то, что этот номер насыщен открытиями. "Впервые на страницах литературного издания" – так можно обозначить некоторые публикации, в определенном смысле маленькие сенсации. Незвестная повесть Бабеля; перевод на русский язык книги Самуила Харриса, вобравшей воспоминания ребенка о Холокосте; три неопубликованных письма Шолома-Алейхема; фрагменты уникальных документальных свидетельств о подготовке войны Гитлером и Сталиным...

Поверьте, выдерживать достаточно высокий уровень, заданный в самом первом выпуске, на протяжении восьми лет, а именно столько уже существует наше издание, непросто.

Особенно это стало сложно в последние годы, когда усилилась конкуренция вездесущих интернет-журналов, технические возможности которых безграничны.

Тем не менее мы (таково мнение многих читателей и литературных критиков) не сдаем свои позиции, не опускаем творческую планку.

Часто нам адресуют один и тот же вопрос: каким образом это удается?

Секрета нет. За годы существования "Времени и места" вокруг издания сложился круг единомышленников. Эти талантливые литераторы, не жалея времени и сил, участвуют в создании каждого выпуска. Они сами выступают на страницах журнала, привлекают к сотрудничеству новых авторов. Не случайно, в каждом очередном выпуске появляются новые имена писателей, поэтов, публицистов. Разумеется нам, сотрудникам журнала, одним, без помощи коллег, было бы трудно.

Мы постоянно обновляем состав редколлегии журнала. Недавно к нам присоединился Александр Половец – издатель, хорошо известный в литературном мире, друживший и продолжающий поддерживать добрые отношения со многими известными литераторами. Нынче список членов редколлегии вновь пополнился. В его состав приглашен Геннадий Кацов. Его имя на слуху наших читателей, прежде всего проживающих в США. Он – ведущий программ старейшего в эмиграции русско-американского телеканала RTN, главный редактор популярного интернет-портала RUNYweb.com, талантливый поэт и, наконец, добрый и отзывчивый человек. После долгого творческого перерыва Геннадий вернулся в поэзию. Свое возвращение отметил талантливой книгой стихов. Некоторые из них до выхода книги увидели свет в нашем журнале. Его стараниями в нашем поэтическом разделе появились новые авторы.

...Итак, мы завершили 2014-й и уходим в девятый год нашего существования. Согласитесь, срок уже немалый. Жизнь журнала продолжается.

Игорь Шихман
издатель и главный редактор

ВИКТОР НОРД

ДВЕ ЗОЛУШКИ

Отрывки из нового романа

Повествование, посвященное танцовщице Дайан Пассадж, ведется от лица воображаемого репортера скандальной хроники одного из нью-йоркских журналов. В них широко использованы материалы открытых публикаций различных изданий, таких как «Vanity Fair», «Spy» и «New York». Об Анне Кошелевой, иммигрантке из СССР, рассказывает ее муж.

Манхэттен расположен так, что если в июле стоять на Таймс Сквер, можно любоваться заходящим солнцем в западной части площади, а потом, повернувшись на восток, увидеть, как на другом конце всходит луна. Вся площадь, где пересекается Бродвей с Седьмой Авеню, в это время суток пронизана лучами, гуляющими в облаках пыли, в жирных столбах дыма от уличных жаровен, в обрывках бумажного мусора, вихрем взлетающего под крыши самых высоких домов. В эти недолгие минуты, ослепленные солнечным светом, блекнут вспышки реклам; прохожие и зеваки, задрав головы, вдруг вспоминают натуральный цвет неба и на мгновения возвращаются в реальную провинциальную жизнь с ее ограниченными бюджетами, семейными неурядицами, но – в любом количестве – свежим воздухом, и притом совершенно бесплатным!

Однако уже через четверть часа после заката небо погаснет, убитое ярким искусственным сиянием, шум многотысячной толпы заглушит даже летающие над площадью самолеты; они будут проплывать в темном воздухе молчаливыми рыбами, а их серебристые животы – светиться, отражая конвульсии пляшущих огней. Жизнь

снова потеряет реальные очертания, туристы вернутся в свое обычное состояние эйфории, и толпы живых существ, оказавшихся вечером на Таймс Сквер, вновь обретут уверенность, что именно здесь находятся ворота в рай неограниченных возможностей, именно отсюда все начинается. Что до счастья им всем – рукой подать, что удача гуляет где-то совсем рядом!

Одри Хэпберн, знаменитая актриса кино середины 20 века, славилась изысканностью своих романтических образов и почти неземной аристократической внешностью. Ее называли девушкой заоблачной мечты.

Девушке, не витающей в облаках, но точно знающей, чего она хочет, лучше зала «Navana» не найти – если удастся там проскочить мимо швейцара. Проще всего оказаться в Дубовом зале гостиницы «Plaza», но показываться там стоит только в начале недели: потом зал наводняют туристы и пригородные старшие бухгалтеры.

По средам солидные люди, жаждущие слегка расслабиться после работы, заполняют бар-ресторан «Jean-Georges», и если девушка поведет себя правильно, ее непременно угостят там обедом и выпивкой в баре. И вообще, если вам нравятся мужчины, которые на публике не прочь посорить деньгами, любое заведение от знаменитой компании Фон Герихтен вам подойдет.

Тем же, кто посерьезней, кому нужны более надежные знакомства, ну скажем, с состоятельным джентльменом зрелого возраста – для тех, конечно, больше подходит Верхний Ист Сайд, тот же, к примеру, отель «Mark», что на углу 77-й улицы и Мэдисон авеню. Ну и, разумеется, всегда к вашим услугам дежурное блюдо – бар на крыше отеля «Peninsula».

Именно там в этот душный июльский вечер восседает во главе стола Дайан Пассадж в окружении *«оч. интересн.*

мужчин», как она только что отстучала подружке на своем айфон 5.

Дайан со смехом вспоминает, как недавно в баре гостиницы «Waldorf Astoria» какой-то бедолага предложил ей сотню за один удар ему в пах: «Он там не то страданием, не то самоунижением увлекался, или чем-то в таком роде, – хохочет она.

Пассадж – небольшого роста брюнетка с дымчато-кариыми глазами; ее грейпфрутные груди, слегка прикрытые легкой блузкой, весело подпрыгивают в такт смеху.

«Ну, и ты что? – интересуется краснолицый здоровяк, преуспевающий агент по продаже недвижимости – назовем его Тони.

«Как что? Врезала ему по яйцам», – не моргнув, отвечает Дайан. Она в тот вечер была в баре с приятельницей, которая выглядела «ну точно как шлюха» – вот почему прилично одетый молодой человек, сперва угостив их коктейлем, решил обратиться к Пассадж с деловым предложением. «Ну вышли мы в коридор, и он, типа, мне на ухо: сначала, говорит, иди в туалет, а я чтобы там ждал тебя у двери. Ну я, значит, посидела в кабинке минут десять, отстучала всем подружкам тексты по Айфону, а потом вышла – и как въеду ему промеж ног, а он, – понижает голос Дайан, – типа шепчет мне, томно так: «о, благодарю...»

Она снова хохочет, и взрыв одобрительных возгласов заставляет Тони оторвать взгляд от проплывающей мимо пухлой блондинки. «Пьем! – решает он. – Эй! Всей компании – по коктейлю!» Друг Тони – назовем его Пол – грохает кулаком по столу в знак одобрения. Инвестиционный менеджер, огромного роста, с растущим брюшком, Пол весь вечер просидел молча с потухшим взглядом, однако после краткого визита в уборную, где у портье водится кокаин, он заметно оживился, и теперь глаза его лихорадочно блестят.

Когда приносят, наконец, каждому по «Патрону» на льду, Пассадж лишь слегка пригубливает из стакана; на протесты Тони она отвечает своей легкой *дымчатой* улыбкой – остальная компания, между тем, уже гудит во всю.

«Хороший я парень – или я плохой парень? – желает знать Пол.

«Ай, хороший ты парень! – смеется Пассадж. Она любит смеяться.

Пассадж – из тех существ, что кажутся неотъемлемой частью Нью-Йорка, хотя встретить их можно где угодно – повсюду, где пьяное мужское бахвальство сожительствоует с шальными деньгами. Она принадлежит к типу женщин, способных с помощью физической привлекательности, льстивого кокетства, а то и просто наглости заставить мужчин платить за... что там мелочиться – да за все что угодно! Она напоминает Холли, образ, созданный Одри Хэпберн в фильме «*Завтрак у Тиффани*». От изящной Одри, правда, никогда по роли не требовалось въезжать мужчинам в пах возле уборных – но времена меняются, и в нынешнем послекризисном Нью-Йорке, кто знает, может, и ей пришлось бы...

Не так давно, однако, идея удовлетворения мужских сексуальных причуд в обмен на сто долларов не показалась бы Дайан такой уж привлекательной. И вообще, вряд ли оказалась бы она в этом баре с пьяными риэлторами и потными менеджерами. И уж точно не стала бы по требованию кавалера затягиваться его обшлюявленной кубинской сигарой, пародируя наслаждение оральным сексом.

Совсем еще недавно Пассадж была героиней светских хроник, главным персонажем современной волшебной сказки со счастливым концом. Четыре года назад ее, тридцатилетнюю мать-одиночку, зарабатывавшую на хлеб стриптизом, заметил на подмостках ночного клуба преуспевающий финансист по имени Кеннет Старр. И он

вытащил Дайан оттуда, пообещав навсегда изменить ее жизнь. И не поверите, сдержал свое обещание!

Анина тетьа знала все. Куда пойти за настоящей «нашей» сметаной, где «у них» купить пачку хорошего чаю, какие сапоги покупать на распродаже, сколько «дать на лапу» за прочистку, если засорится унитаз.

Я был обязан ей многим. Это она разыскала мне квартиру в Чертовой Кухне Манхэтэна, где я и по сей день живу, познакомила со страстной любительницей театра Ингрид Рокфеллер (да, да, той самой), и в конце концов – самое главное – познакомила и с самой Аней, своей племянницей! Каждый Новый год я прошу Небеса, чтобы не забывали ее и не оставили ее своими милостями. Но прежде – несколько слов о том, как я с Аниной тетей познакомился.

Мы подружились, когда выяснилось, что в той своей, прошлой жизни она работала на Ленфильме и знает многих наших общих знакомых. Мне пришлось проработать на двух ленфильмовских картинах студентом-практикантом, так что вполне вероятно, что мы не раз оказывались в одних и тех же компаниях, хотя я этого и не помнил.

Тетьа давно уже жила в Нью-Йорке. А до этого, еще раньше – в Бостоне. Там она работала – разумеется, программистом. Так назывались люди необычных или невостребованных в США профессий, которых надоумили пойти на компьютерные курсы, оплаченные программой штата по трудоустройству. В течение нескольких месяцев слушателям, помимо денег на само обучение, выдавалось даже пособие на еду и транспортные расходы! Если перевести это скромное вспомоществование на тогдашние советские рубли, выходила гигантская сумма, превышавшая зарплату полковника Вооруженных сил СССР.

Тетя была счастлива. Уже на пятый день обучения она обратила внимание на молоденького застенчивого инструктора и сделала его своим любовником. Тете было сильно за сорок, ее новому Ромео – двадцать два. Оказалось, однако, что инструктор уже работал маленьким начальником в расчетном отделе одной большой фирмы. И он устроил тетю на работу, взял ее к себе в группу как только закончился курс обучения языку «*Си-плас-плас*», как раз совпавший с медовым месяцем этой новой романтической связи.

Конечно же, в этот период тете было не до занятий. Правду сказать, даже бытовой английский после года в новой стране давался ей с трудом, не говоря уж о языке «*Си-плас-плас*». Впрочем, помимо «*Програм эксперт, мэй ай хелп ю?*» она быстро научилась языковым оборотам, полезным в любви при выборе различных ее способов.

Когда все возможные методы соития были любовной парой исчерпаны, тетин начальник несколько притомился и перестал писать за нее программы на языке «*Си-плас-плас*». На попытки тети настаивать на продолжении свиданий начальник робко, но твердо посоветовал ей испробовать еще один способ любви: одиночный вибрационно-генитальный. Последовало бурное выяснение отношений в стиле песен Аллы Пугачевой. По традиции, прежде чем разрыдаться и хлопнуть дверью, тетя, что называется, крепко заехала по мордасам обидчику, но тот не захотел следовать старой русской традиции, и вместо ожидаемого миллиона алых роз и мольбы о прощении на следующее же утро уволил тетю за лень и некомпетентность.

В то время в Бостоне такая наглость со стороны мужчины еще могла сойти с рук. Начальник, впрочем, был готов дать тете наилучшие рекомендации, и даже сам договорился о ее новом месте работы, где главой отдела служил его приятель. Это была уже дань новой, американской традиции, и поняв суть, тетя поспешила ее

плодами воспользоваться и тотчас же завела роман с новым начальником, чтобы тот уже, в свою очередь, писал за нее программы.

Так прошло два года. Тетя, сменив четыре места работы, получила некоторые служебные и любовные навыки и с удивлением обнаружила, что прежде чем ее уволили за некомпетентность в четвертый раз, она успела заработать больше ста шестидесяти тысяч американских долларов, так и не научившись языкам: ни английскому, ни «*Сиплас-плас*». И ведь у нее была уже зарплата не какого-нибудь там советского академика, но завидный доход для американского водителя автобуса или даже начинающего уборщика мусора!

– Словом, решено! – заявила тетя своей племяннице Ане. – Ты станешь программистом.

Аня уже вторую неделю как приехала из Ленинграда, ей все было внове, все интересно. Что такое программист и в чем суть этой профессии, она не вполне себе представляла.

В Ленинграде она целый год обучалась английской литературе на вечернем отделении в ЛГУ, пока вся ее семья не решила эмигрировать в США. Ане пришлось прервать занятия, так и не выяснив точного значения слова «филолог» – это все же было вечернее отделение, и студенты там учились кое-как, а в основном пили кофе и читали вслух Есенина или слушали песни Высоцкого и пили водку. Однако самое звучание этого слова всем домашним Ани нравилось, и ее мама часто дерзко поддразнивала своего начальника: вы, мол, кто? – простой директор металлоремонтных мастерских, а у меня дочь будет – фи-ло-логом!

По-английски на Анином английском отделении не говорил никто – ни студенты, ни преподаватели, но вот английский алфавит знали все – только Аню неприятно удивило, что его последнюю букву в Америке произносили не так, как учили ее: не «зед», а просто «зи».

– Одна малина, зи, шми, – сказала тетя. – Я вообще выключаю звук, когда смотрю новости по телевизору. Мне уже по физиономии сразу ясно, кто врет, а кто – нет. И вообще не в языке дело. Главное в Америке – кто у тебя знакомые. Если ты им нравишься – так хоть на пальцах объясняйся: тебя поймут. Вон у меня есть одна – настоящая миллионерша! Кстати, она уезжает на два дня и ей нужно, чтобы кто-то присмотрел за ее собачкой. Вот хороший способ завести полезное знакомство: я за тебя поручусь. А если потом она захочет подарить тебе пять долларов, а то и больше, не вздумай отказываться, нечего из себя барыню строить. Мне знаешь как нелегко было на первых порах? – вот и ты пробуй, начинай новую жизнь. Так сказала тетя, которая знала все, и Аня пошла в новую жизнь сидеть с миллионершиной собачкой.

На первый взгляд, Кеннет Старр был совсем не похож на Прекрасного Принца. Ему было за шестьдесят, и был он давно женат. Сутуловатый и рано облысевший, он выглядел типичным провинциальным бухгалтером. А на самом деле был он крупным финансовым менеджером (не путать с прокурором, обвинителем по делу президента Клинтона), и не менее успешным в своем деле, чем этот его однофамилец. И если список клиентов на мобильном телефоне, которым Кен так любил хвастаться перед Дайан, показался ей поначалу наивной фантазией патологического луна – то вот он, этот список, попробуйте-ка сами поверить в такое с первого взгляда: *Генри Киссинджер, Аль Пачино, Кэролайн Кеннеди, Сильвестр Сталлоне, Уоррен Битти, Нейл Саймон, Мартин Скорсезе, Джон Саймон, Ума Турман*, и т.д. и т.п. ... – и это лишь малая часть списка. Люди, известные своими доходами и громкими именами, не сходящими со страниц прессы и светских альманахов «Кто есть кто в США 21-го века» доверяли Кену самое главное: коды

доступа к своим банковским счетам, что было несравненно важнее, чем старые простецкие ключи от сейфов.

Наличных у Кена в кармане было достаточно, чтобы щедрой рукой раздавать их направо и налево, особенно, как выяснилось, если при этом присутствовала его новая знакомая.

После молниеносного развода Кена Старра с женой – и не менее стремительного его бракосочетания с Дайан в Лас-Вегасе, она вместе с сыном переселилась из своей квартиры на четвертом этаже без лифта в апартаменты, купленные за семь миллионов на Ист Сайд, в здании, носившем вызывающе-снобистское название «ЛЮКС 74». Меньше чем за год Дайан прямо с колен пьяных гостей ночного клуба перепрыгнула в компанию опьяненных мировой славой знаменитостей и сама оказалась званым гостем на присуждениях им «Оскар» и на самых модных коктейлях, празднующих их успех.

Отмечая третью годовщину брака, счастливая пара принимала тосты и пожелания от избранных друзей и клиентов на закрытой вечеринке в знаменитом «Чиприани». Во главе стола Пассадж ослепляла гостей своим новым туалетом, гвоздем сезона от «Гуччи». Ей было хорошо сейчас. Она была женой щедрого и благополучного человека. Никаких предбрачных договоров, все было общим – то есть он принадлежал ей целиком, со всем имуществом. Никогда, никогда больше не придется ей думать о завтрашнем куске хлеба. Добрая Фея-крестная вспомнила о Дайан, и теперь она была самой настоящей, дери-ее-в-нос, Зо-луш-кой, вот так-то! Два дня спустя агенты ФБР постучались к ней в квартиру и арестовали ее мужа. Комиссия по Биржевым Операциям (SEC) совместно с Офисом Прокурора США предъявили Старру обвинения в крупном мошенничестве, в массивной пирамиде хищений по «схеме Понзи».

«Это недоразумение! – крикнул он жене, когда агенты вытаскивали его из платяного шкафа, где он попытался

спрятаться. Но, увы, ошибкой это не было: из документов явствовало, что Старр использовал в своих целях более тридцати трех миллионов долларов своих клиентов. Обвинение подозревало и Пассадж в соучастии, так что ее банковские счета были немедленно заморожены. Выглядело так, будто Добрая Фея, волшебница-крёстная, вновь явилась Золушке-Дайан – но на сей раз, просто чтобы забрать назад все свои чудеса и дары: мол, прощения просим, крестница, ошибочка вышла.

На самом-то деле тетя не знала ни черта.

Принадлежала она к той части иммигрантов из России, коих прибило к этим берегам силой стадного инстинкта и извечным советским страхом, что кому-то в жизни может достаться больше, чем им.

Это известное свойство населения России, на котором веками покоился мещанский антисемитизм, с приходом большевиков заразило и многих советских евреев. И, как и во многом остальном, евреи пошли дальше своих учителей. Убедившись, что ресурсы, что бы под этим ни подразумевалось, будут всегда при советском социализме ограничены, они поняли, что если что-нибудь такое там отломилось соседу, то кому-то другому это что-нибудь такое уже нипочем не достанется.

Именно поэтому в конце семидесятых массы вполне лояльных граждан, страстных болельщиков «Спартака» или «Черноморца» или советского фигурного катания; все эти сонмы любителей тортов «Киевский» и «Лямур», коммунальных квартир с люстрой «Невестой» и одним унитазом на пять семей, песен Аллы Пугачевой и вообще всего *«нашего»*, родного и привычного – вдруг сорвались с обжитых мест.

На малогабаритных кухнях теребили зачитанные до дыр листочки писем *«оттуда»* и, выкатывая глаза, со значением повторяли вполголоса, как индуистскую

мантру: «Сема уже купил «Шевроле!» Это могло означать только одно: «Надо ехать».

Ехать было страшно, хотелось бы подождать, подумать, осмыслить прожитую жизнь, но ночью жены жарко шептали в уши своим колеблющимся мужьям: «Пока ты будешь тут взвешивать, там уже всё расхватывают, раскупят все «Шевроле» – и мы как всегда останемся на бобах». Мужья вздыхали и соглашались с доводами: ведь в самом деле Сема, законченный бездельник, не добившийся в Херсоне даже должности сменного инженера, действительно *уже* купил «Шевроле!» Вот же на снимке он стоит и победоносно улыбается, небрежно опершись задницей о синий блестящий капот машины.

Ужас, что опять чего-нибудь *недодадут*, побеждал страх перед ездой в неведомое – и главы семейств, вовсе не склонные к приключениям, начинали лихорадочно укутывать свои сервизы пуховыми одеялами, покупать матрешек и собрания сочинений Теодора Драйзера в надежде продать их «там» за валюту – короче, совершать весь тот бесконечный набор глупостей, что так необходим Хомо Советикусу, прежде чем он решится закрыть глаза, набрать побольше воздуха в легкие и ухнуть во тьму, называемую этим жутким словом «эмиграция».

Тетя знала все, говорите? Да, знала она, как же... Черта лысого она знала!

Эта волна эмиграции советских людей зрелого возраста, в конце семидесятых сорвавшихся с мест, если и не теплых, то вполне уж насиженных, более всего поражала меня одним своим свойством: наглостью невежд.

Ничего, кроме бытовых ежедневных забот, в своей жизни по-настоящему не видавший, типичный представитель ее был уверен, что знает истину в последней инстанции. Что только он умеет правильно читать между строк газет, оценивать на основании советских телепрограмм международную обстановку,

сравнивать советское и *капиталистическое* общество и вообще – знает как жить.

В любом, даже самом затрапезном учебном заведении СССР, будь то бухгалтерские курсы или техникум коммунального хозяйства, образование начиналось с того, что студентов извещали, что государством им дарована единственно верная, научно обоснованная теория познания истины, и другой не может быть в природе, как не может быть четвертого Рима, а третьим является, как известно, Москва.

Повторенный сотни тысяч раз преподавателями и миллионы раз сданный на экзаменах, этот абсурд прочно угнездился в сознании податливых масс. Поэтому эмигранты конца семидесятых твердо верили, что в новой стране, им предстоит не *учиться* самим, но *учить* других, местных! «Они ведь не понимают нас, эти американцы, – то и дело слышалось по-русски в разных районах Бруклина и Квинса, – и никогда не поймут!»

Тот факт, что проблему эту можно легко решить, начав разговаривать на местном языке, вызвал у новоприбывших только презрительную усмешку. Действительно, не допускаете же вы всерьез, что уважаемый инженер-технолог пензенской древообделочной фабрики вдруг снова сядет за учебник английского языка, который проходят в пятом классе. Что он вам, школьник какой-нибудь?

Иммигрантскую уверенность, что вещи, коим другие люди обучались годами, он может в момент освоить при помощи хитрых логических построений, опыта и интуиции ничем было не поколебать. На улицах Бруклина то и дело слышалось: «...у него есть деньги и связи, а у меня – опыт и знания.» И еще – «...сам собой напрашивается вывод...» То что у многих в США могут оказаться и деньги, и знания никому не приходило в голову. Новоприбывшим казалось, что стоит только оглянуться вокруг, пораскинуть мозгами – и вывод придет

сам собой, он ведь *напрашивается*. Верхоглядство? Не забудьте, что иммигранты конца семидесятых были поголовно вооружены единственно верной и научно обоснованной теорией познания, и «американцы», лишенные таковой, казались большинству из них наивными, доверчивыми глупцами.

В марте 2011-го года Пассадж – ей тогда уже стукнуло 35 – сидела в зале суда и слушала, как судья, женщина в стальных очках и политически корректной прическе, выносит приговор ее мужу. «Думается, что моральный компас отказал подсудимому, – объявила судья, – и причиной тому оказалось, в частности, безумное увлечение молодой женой, его четвертой по счету...»

Пассадж, сидевшая во втором ряду, побледнела. Старр уверял, что до нее он был женат только дважды. Может, она ослышалась сейчас? Но нет, «Нью Йорк Пост» подтвердила слова приговора в репортаже из зала суда, не без ехидства заметив, что внимая судье, миссис Старр №4 в волнении сняла мешавшие ей солнечные очки и засунула их меж грудей – столь щедро одарила ее природа.

Щедрее некуда, думала Дайан – ее не просто оставили без гроша, забрав даже ее добрачные сбережения, но еще и публично, с судейского кресла объявили главной причиной преступлений мужа, сделали роковым символом греха. На странице в *Твиттере* Дайан с горькой иронией прибавила к сведениям о себе предупреждение: «Пассадж – угроза мужским моральным компасам». И оценившие ее чувство юмора мужчины тут же приняли эти слова к сведению. Что и приводит нас этим теплым июльским вечером снова в бар на крышу гостиницы «Полуостров».

Ризлтору Тони, ее недавно появившемуся новому другу, не требуется много текилы, чтобы дать волю

сентиментам. «Сердце у нее – золото, – объявляет он, положив волосатую лапу на левую грудь Дайан, – она чудо-человек!» Тон его предельно искренен, речь – отчетлива, ясна, выразительна, какой бывает она только у людей, пьяных в стельку. «С мужчинами – блистательна, – продолжает Тони, – она точно знает, чего от них хочет. Она просто пытается получить от них что возможно, пользуясь тем, что у нее имеется. И говорю вам, из этого дерьма она выберется, непременно! А главное, – добавляет Тони, давясь от смеха, – она всегда не прочь взять в ...»

Пассадж затыкает ему пасть игривой пощечиной. «Она всегда не прочь захватить наглецу промеж ног и поставить его на колени», – напоминает она. И легко поверить, что найдутся такие, которым это, поверьте, доставит большое удовольствие!

Одной из идей, тешивших Пассадж с тех пор, как деньги открыли ей мир неограниченных возможностей, было написать книгу. Она подумывает о публикации собственной биографии.

Начало таких мемуаров обещает быть весьма банальным, старой сказкой о провинциалочке, попадающей в Нью-Йорк, где ее ослепляют сверкающие рекламы Таймс Сквер. Она точно знала, как правильно одеться – простенькая юбка в цветочках в стиле Кортни Лав, ковбойские сапоги и фланелевая рубашка – но что, собственно, делать дальше, было ей гораздо менее ясно.

В ранней юности она мечтала стать популярной певицей (кто же нет?) или, может быть, даже... ветеринаром! Но полное отсутствие слуха и острая аллергия к шерсти животных положили конец этим детским грезам. К 18 годам, никаких талантов у себя не обнаружив, она поняла одно: надо поскорей убираться к чертям из родного Детройта. А там уж она разберется. «У меня всегда была деловая хватка, – хвастается она, – и уж пыль я могу пустить в глаза – только держись!»

Один из первых же мужчин, обративших на нее внимание в Нью-Йорке, обеспечил ее жильем, работой по продаже услуг аудио-почты и знакомством с музыкантом начинающей рок-группы, ставшим впоследствии отцом ее сына Джордана. Юная пара пробовала начать тихую семейную жизнь в Бруклине; Пассадж даже вымучила торговую степень в Институте технологии мод, но сводящая с ума скука вскоре заставила ее, с годовалым сыном на руках, перебраться в квартиру на Таймс Сквер, в самый центр Манхэттена.

Вне зависимости от своих политических взглядов или любви к той или иной футбольной команде, средний советский иммигрант был уверен, что любой не согласный с ним является либо круглым дураком, либо его личным врагом.

В результате многие тысячи представителей волны конца семидесятых попали в беду – они оказались не просто необученными, но и *необучаемыми*. В английском языке к привычному *unemployed* (безработный), прибавилось новое выражение: *unemployable* (не имеющий шансов найти работу). Позже его заменили на более мягкое, политически корректное *overqualified* (чрезмерно опытный). Это означало, что кандидат на должность, если взять его на службу, вместо того, чтобы работать, будет уличать своего начальника в невежестве и учить его жизни и правильным методам руководства. Разумеется, больше одного дня такой кандидат на работе не задерживался.

Как поведал мне один бригадир электросварщиков, глубоко религиозный еврей, прежде чем начать знакомить нового эмигранта с работой, сперва нужно было *отучить* его от всего, чему его уже *научили* – и это занимало ровно столько же времени, что и прошлое, советское обучение.

К счастью, тете повезло несколько больше, чем другим: определенной профессии у нее не было. В Ленинграде она начала, но по лично-романтическим причинам так и не сумела закончить курс института культуры, и пошла служить ассистентом режиссера на киностудию. То есть, никакой конкретной специальностью она не обладала. Зато именно от этого ее вступление в новую жизнь проходило легче и ускоренными темпами: ей нечего было терять и не за что цепляться.

Хотя, конечно, уверенность в обладании единственно верной теорией никуда от нее не делась. Как уже упоминалось, знание местного языка не входило в список ее предметов первой необходимости. Подобно многим обладателям научного метода, она верила в силу народной медицины, в тибетские заговоры, заряженные энергией кроличьи шкурки. Она верила в *мумиё*, то есть в окаменевшее птичье дерьмо, а также в целебную силу напитка из мочи беременной женщины.

Разумеется, как и девяносто процентов ее бывших соотечественников, тетья страдала пищевыми расстройствами. Это был один из важных аспектов массового советского психоза, в котором никогда не признается даже самому себе иммигрант из России. Шаг вправо или влево от привычно приготовленного водянистого борща казался ей безумным гастрономическим приключением. Идеалом праздничного стола – «Оливье», жидкий салат из картофеля с майонезом и *болоньей*. Впрочем, в России так называли не вареную колбасу, а дешевый плащ-дождевик. Щепотка молотого черного перца в супе была чревата опасностью запора, изжоги, хронического колита или наоборот, поноса. На тетиных застольях («хорошо сидим!») весь вечер ругали вредные для здоровья кондиционеры воздуха («я так свой никогда и не включаю!») и сравнивали вкусовые качества «*наших*» и «*американских*» помидоров – и сравнение, конечно, было не в пользу последних: за *настоящими*

помидорами надо было ездить на базар на Брайтон Бич и покупать их там только у зеленщика Фимы из Измаила – но ни в коем случае не у этих «грязных» корейцев.

Впрочем, Брайтон Бич способен был обеспечить человека не только помидорами: к началу восьмидесятых там уже можно было завести знакомства, обучиться ремеслу, поступить на работу, жениться, завести детей, смотреть телевизор, читать газеты, состариться, попасть в больницу и даже быть похороненным – так и не узнав ни слова по-английски. И при всем при этом – русская иммиграция считалась и агентами ФБР, и местной полицией одной из самых успешных и благополучных в истории США. В отличие от испаноязычных *латинос*, русские хотя бы не требовали, чтобы их детей в школе бесплатно обучали алгебре только на родном языке.

Боже, благослови Америку!

Пролетело 10 лет, пролетела жизнь в разных штатах, скитания, несколько городов, один недолговечный брак – и вот Пассадж с подросшим сыном снова попадает в Нью-Йорк и начинает продавать по телефону рекламу, чтобы содержать себя и ребенка. Но с деньгами туго, на двоих их едва хватает.

«Уж я бы знал на твоём месте, что делать, – ухмыльнулся однажды коллега, услышав о ее финансовых затруднениях. «Я подался бы прямо в ночной клуб, в стриптиз».

После подобных советов работающая женщина обычно подается прямо в отдел кадров с требованием поставить наглого сослуживца на место. Но Пассадж привыкла хладнокровно взвешивать любое, даже самое необычное предложение. «Правда? – спросила она, – я ведь никогда не бывала в стрип-клубе».

Она решила выйти на разведку. Сидя одна за стойкой бара в «Скорз», она глазела по сторонам и восхищалась

красотками, разгуливавшими по залу почти нагишом, но непременно на высоченных *шпильках*. «Эх, и давали же они прикурить клиентам, пыль пускали в глаза – позавидуешь, – говорит Дайан, – и главное – каждая была, типа, сама себе боссом». В тот же день она прошла пробный показ и уже вечером вышла на сцену *к шесту*. Для первого своего выступления она выбрала фонограмму Мадонны «Материальная девушка».

Вскоре Дайан стало ясно, что прежняя ее служба с *девяти до пяти* не стоила даже пробуждения поутру. «Днем я видела, как сослуживцы ломают спины, за гроши продавая свою несчастную рекламу, – вспоминает она, – а вечером – как девушки делают по три сотни в час, только чтобы заманить посетителя в комнату, где заранее известно, что... что ничего там не произойдет!» Ее зрочки расширяются от одних воспоминаний. «Вот и выходит, что девушки эти будут, типа, покруче тех, кто годами горбит за партой, чтобы добиться своих степеней бакалавров и магистров».

Клуб «Скорз» предоставлял девушкам совершенно иное образование. Работая у стойки бара, Пассадж училась *читать* клиентов и *вычислять*, по ее выражению, «людей серьезных», то есть таких, кто готов был тратиться не на шутку. Вскоре она добилась степени *зажигалки* – мастера давать прикурить. «Совсем не обязательно быть богатым, чтобы поставить себе целью расколоться на пару тысяч в неделю, – поясняет она. В грим-уборной клуба ее учили, как можно, с помощью несложных трюков, ощутимо увеличить свой доход, *делать* достаточно для оплаты приличного жилья, или, к примеру, погашения студенческой ссуды – или просто покупки пары новых сапог от «Гуччи».

Все премудрости, однако, сводились к единой, главной: «Есть великая фраза в книге «Иная девушка», – делится опытом Пассадж, – там мать советует дочери «всегда вести себя так, чтоб мужчине казалось, что парадом

командует он». И не без пафоса заключает: «Не это ли и есть искусство быть женщиной?»

Как известно, упомянутый совет мало помог героине популярной книжки, но для Пассадаж пришлось весьма кстати: она стала пользоваться тактикой клуба и за его пределами, в нерабочие часы. «*Дадим им прикурить*, что ли? – предлагала она подружкам – и они ехали в какое-нибудь злачное место *давать прикурить* – раскалывать посетителей. Одна ее тогдашняя знакомая наострилась в этом искусстве настолько, что пришлось устанавливать на ее айфон приставку для кредитных карточек, прямо как в такси. «И представьте, ей даже не требовалось для этого их упивать! – с восторгом вспоминает Пассадаж.

Но главной темой дискуссий в раздевалках клуба «Скорз» было, конечно, «*обустройство*». Опрыскиваясь лосьонами и замазывая розовым тоном свои татуировки, танцовщицы без конца обсуждали шансы знакомства с «добрым папашей», готовым позаботиться об одинокой девушке. От этого щебетанья в грим-уборных, от пьяного хамства посетителей, да и от собственных разочарований взгляды Пассадаж на романтические связи медленно, но бесповоротно менялись. «Как-то так выходило, что в своих романах я всегда оказывалась дающей стороной – а теперь вот решила, что наступило мое время, – смеется она, – время получать, а давать – пусть другие дают».

Прошел целый год проб и ошибок, прежде чем подходящий «другой» угодил к ней в объятия. Вернее, прежде чем она приземлилась к нему на колени.

Как я уже упоминал, ни малейшего понятия дремучая Анина тетья не имела о жизни в Новом свете. Ни бельмеса. Я охотно пользовался ее бытовыми советами, принимал от нее памятные подарки, но, честно говоря, плохо переносил пошлость ее поверхностных суждений: от единственно-верных и научно-обоснованных истин,

имевших хождение среди широких иммигрантских масс, мне частенько хотелось зажимать нос.

Любое самое тривиальное утверждение тетя тут же бросалась проверять по советскому энциклопедическому словарю – или по русскому интернету.*ру*. Но даже по-русски, чтобы прочесть хоть одно более или менее распространенное предложение, у нее не всегда хватало терпения: ей хотелось поскорее заглянуть в конец длинной фразы в надежде найти и понять ее суть; глаза ее при этом округлялись, а лицо принимало совсем уж недоуменное выражение. Послунив палец, она отыскивала в справочнике нужную страницу, лоб ее морщился от напряжения.

– Гляди-ка, действительно город Вашингтон и штат Вашингтон не имеют друг к другу никакого отношения и расположены разных местах, – восклицала тетя, – не соврал!

В такие моменты я обычно отставлял недопитый стакан чаю и спешил откланяться...

Я уходил от нее, напевая: «Нам не нужен Ренессанс, Ренессанс, Ренессанс: нам подайте только шанс, только шанс, только шанс»...

Однажды тетя попросила меня – и я согласился – встретиться на чашку кофе с ее племянницей Аней, чтобы наставить девицу (кто знает, все может пригодиться) советами о том, как жить дальше – и чему учиться. Я внимательно выслушал Анин ответ на мой первый вопрос – что ей в жизни действительно нравится? Ане шел двадцать первый год, и ответ ее был весьма лаконичным: «Путешествовать, – сказала она, почти не задумавшись, – а вот замуж пока ни за что не пойду, неохота».

Ясно, подумал я. Перед прибытием в Штаты Аня, разумеется, провела несколько дней в Вене, а затем – несколько месяцев в Италии. Римские каникулы – обычный маршрут беженцев из Совка. Такая жизнь показалась ей привлекательной. «И сколько романов

успела завести по дороге? – спросил я. «Три, – быстро ответила Аня, – из них два – с итальянцами. С ними – веселее: и в кафе водили, угощали вином, и катали на мотоцикле...

С Аней все было понятно. Как дальше жить и зарабатывать себе на пропитание, она не имела ни малейшего представления. Отец ее при этом был тяжело болен, а мать вообще не понимала, что с ней произошло: она находилась в глубоком эмигрантском шоке (мы называли это «сов.обморок»); она отчаянно скучала по своим «девочкам»-собутыльницам из Ленинграда и в данный момент больше всего боялась, что власти узнают, что по происхождению она не *настоящая* еврейка, а наполовину белоруска – и на этом основании лишат ее иммигрантского пособия или еще чего-нибудь.

«Значит так, – сказал я. – На все, что тетя решила за тебя – наплевать и забыть. Программист – во всяком случае так, как она это понимает – не профессия. Спрос на них насытится завтра – и всех их, наскоро обученных, полуграмотных, выкинут на улицу. Тебе надо закончить не курсы, а колледж и получить степень, ясно?»

«Ясно. Вот и тетя так говорит. Только она советует пойти изучать компьютерные программы. А я хочу путешествовать, ездить в командировки по всему миру. Может, попробовать пойти ученицей в бюро путешествий?»

Если судить только по ее высказываниям, Аня производила впечатление вполне безоблачной, лучезарной идиотки. Но было что-то в этой наивности подкупающе смелым и искренним, и главное – чувствовалась в ней вера в свои силы и надежда только на самое себя.

Пока что она присматривала за болонкой миллионерши и ее малолетними внуками. Разумеется, внуками миллионерши, а не собачки. Это было удобно – ибо оба мальчика еще только учились говорить – и в таком же положении была Аня. Это помогло ей находить с детьми

общий язык. Ане было невдомек, что о лучшем способе выучить иностранный язык можно было только мечтать. Миллионершиной дочери, матери мальчишек Аня нравилась: ведь ей можно было платить треть того, что получала нормальная нянька – и все были счастливы. На лето миллионерша увезла Аню с собой на курорт во Флориду, и там у нее в коттедже была собственная комната рядом с детской – и не слишком обременительный круг обязанностей.

Курорт был дорогим, хорошо охраняемым, «закрытым» – но жили там в основном только что поженившиеся молодые пары; кроме друг друга, им ни до кого не было дела, и Аня отчаянно скучала, вспоминая шальную жизнь в солнечной пляжной Италии.

Я, знающий все, был старше Ани на двадцать два года и, очевидно поэтому вызывал у нее доверие; говорила она со мной вполне свободно и откровенно, как с союзником. И без всякой просьбы с ее стороны я решил утаить от ее тети тот факт, что вместо чашки кофе Аня прикончила во время встречи со мной полбутылки красного вина и полпачки сигарет.

Прежде чем расстаться, я дал ей названия нескольких простых книжек по-английски и посоветовал прочесть их с американским (ни в коем случае не советским!) словарем – а в конце лета, если захочется, позвонить и рассказать, как она вращается в новую жизнь. На том дело и кончилось. Позже Аня записала обо мне в своем дневнике: «Просидела весь вечер с тетиним знакомым в актерском кафе. Четыре бокала «Каберне», много смеялась. Дал попробовать вкусный коктейль, называется «Уайт Рашн», не забыть. Хороший он дядька, но – не более того, разумеется».

Кен Старр не был вульгарным искателем ночных развлечений; тому свидетельством было его появление в

стрип-клубе под руку с женой Марисой. Клуб в тот вечер был переполнен, играл знаменитый ансамбль Корн, и даже миллиардер Марк Кьюбан заглянул туда на огонек. Но у четы Старр были свои планы – и достаточно наличных для их претворения в жизнь. Супруги пригласили группу девушек в зал «Шампань», а в конце вечера предложили Дайан Пассадж и еще одной танцовщице по тысяче долларов за ужин дома у них в пентхаузе на Парк авеню. Предложение показалось девушкам странноватым, но тысяча означала для них целую ночь работы, а супруги заверили, что даже раздеваться им не придется.

После ряда неловких пауз за китайской едой Кен, откашлявшись, начал: «Вам, держу пари, хочется узнать причину по которой вы здесь, не так ли?» Дело в том, объяснил он, что у них с женой – свободный брак, и сейчас Мариса желала бы найти подходящих кандидаток, чтобы составить компанию мужу, пока сама она будет занята с приятелем. Платить они готовы по тысяче за вечер. Девушки переглянулись и согласились на несколько пробных ужинов вчетвером. Но подруга Пассадж вскоре отсеялась за появление в джинсах в супер-дорогом ресторане. «А еще чуть позже, – вспоминает Пассадж, – Мариса отозвала ее в сторону, сообщила что нездорова и прошипела в ухо: «Надеюсь, тебе не взбрдет в голову увести его от меня?» Так или иначе, но встречаться стали все чаще только она и Кен.

Супруги часто хвастались своим положением в свете и связями с знаменитостями, но даже опыта, накопленного в «Скорз», не хватало Пассадж, чтобы определить, насколько крупным оказался ее улов. Она обратилась за советом к опытному человеку, заведующему рекламой в ее клубе, чтобы тот помог ей выяснить, так ли уж крут был в действительности этот новый ее знакомый.

«Знаешь что, попроси-ка его пригласить тебя в «Пер Се» – только не как-нибудь потом, а в тот же вечер, – предложил ей Пи Ар.

Когда в следующий раз Старр позвонил, чтобы назначить встречу, Дайан была готова. «Есть тут один ресторан, в который мне очень хотелось бы пойти, – как бы между прочим сказала она в трубку. Старр перезвонил через час: столик на двоих был готов и ожидал их в знаменитом «Пер Се».

Постепенно они все ближе узнавали друг друга, и уже через несколько встреч Дайан стала очевидной их общая страсть: производить эффект на публике, пускать пыль в глаза. Кен оказался мастером-зажигалкойне хуже нее самой.

Он вырос в Южном Бронксе, в 15 лет поступил в колледж, а после его окончания пробивался наверх, работая в большой бухгалтерской фирме. Кен рассказал ей историю, сильно смахивавшую на миф, о том, как случай свел его с немисливо богатым клиентом, когда он был еще простым клерком, бумажной крысой. Пола Мэллона, наследника одной из крупнейших в стране банковских империй, однажды разозлил его финансовый менеджер. Разозлил, вероятно, настолько, что прямо в его присутствии Мэллон спросил у своего садовника, кто занимается его налогами. Садовник, заикаясь от почтения, назвал имя: Старр, и Мэллон черкнул памятку на клочке бумаги. Этот случай все изменил в жизни Кена, поведал он своей новой знакомой. Работа для клана Мэллонов открыла ему двери и к счетам других серьезных клиентов.

Разумеется, и после этого случая само собой ничего не падало с дерева ему в руки. У Старра хватало ума годами держать оплату за сервис таким людям на самом скромном уровне: чем более состоятельным был клиент, тем меньше услуг ставилось ему в счет. По натуре Старр был обаятельным собеседником, он умел легко и приятно поболтать ни о чем. Но главной его заботой было следить,

чтобы его светское расписание было плотно заполнено важными мероприятиями – будь то благотворительный обед, премьера кинофильма, или открытие нового ресторана – там, где присутствовали влиятельные и богатые люди, где сновали репортеры и вспыхивали блицы фотографов, непременно появлялся и Старр.

Мало-помалу он начал брать с собой на такие сборища и Пассадж – то на новое нашумевшее бродвейское шоу, то на встречу с Генри Киссинджером в Совете по международным связям. «Не знаю, хватит ли у меня подходящей одежды для таких okazji, – сказала ему однажды Пассадж, – может стоит пойти подкупить пару вещей?»

Повторять свою просьбу ей не пришлось. Старр с энтузиазмом бросился менять ее облик; ему это доставляло наслаждение. Они ездили за обновками в «Эскада» и «Блумингдэйл», и Пассадж повторяла, что чувствует она себя «ну прямо как Джулия Робертс в «Хорошенькой женщине» – на что Старр возражал, что она гораздо больше напоминает ему Одри Хэпберн в главной женской роли из знаменитого «Завтрака у Тиффани». Когда Пассадж призналась, что никогда не слыхала об этом фильме, Кен тут же заказал для нее частный просмотр.

И все же... «Когда я гляжу на наши фотографии той поры, сразу видно, что меня *сняли* в стрип-клубе «Скорз» и просто нарядили в дорогие туалеты, – говорит Пассадж. – У меня там видны дешевые накладные ресницы и, если присмотреться, есть даже блестки на теле. Со стороны Кена было, конечно, настоящим героизмом таскать меня за собой на все эти высокие сборища».

Глядя назад, она понимает, что это было жизненно важно для мужа – эпатировать своих спесивых клиентов, которые порой обращались с ним как с лакеем, и напоминать им, что отныне – и ничуть не хуже любого из них! – он в силах из кого угодно создать что угодно,

невзирая на все их светские условности. Он любил, например, рассказывать в гостях, как Пассадж однажды заснула в середине речи Киссинджера. И при этом со смехом признавался, что и сам он задремал, настолько скучен был Киссинджер, давний его клиент.

Как-то в начале сентября я обнаружил, что у меня перестал работать автоответчик. Нажав несколько кнопок, я убедился, что весь запас памяти израсходован, оттого что какая-то запись голоса вовремя не остановилась. Тогда я решил стереть все старые сообщения, стал мигать огонек, и так я обнаружил запись голоса Ани. Она оставила сообщение длиной в девять минут, подробно описав мероприятия по устройству своей дальнейшей судьбы, а также все соображения, которые ею при этом руководили.

Огромную роль в этом монологе (полные четыре с половиной минуты) она отвела описанию энергических действий своей тети, потом – многословно благодарила меня за книжки (судя по тону, она даже и не пыталась их раскрыть) но в конце при этом – забыла указать свой номер телефона. Вероятно считала, что удовлетворив мое любопытство, она исчерпала мое участие в своей жизни. Я пожал плечами и аккуратно стер Анину запись, тем самым восстановив работу аппарата.

Но что-то мешало мне забыть Анин монолог – и кажется, я знал, что. Она сообщала, что подала документы в несколько высших заведений, но решила не спешить с компьютерами, узнав, что первый год, *junior year*, для того и существует в колледже, чтоб не спеша оглядеться, накопить побольше информации – и тогда уж начать думать, что делать дальше. «А там посмотрим, – так заключала Аня свою запись.

Это-то меня и разозлило. Большой глупости я представить себе не мог. Отложить решение насущных

проблем на «позже», в глупой надежде, что они потом *сами* как-нибудь разрешатся! А там посмотрим... Знакомое *авось!* От этих решений несло тетей, ее российской обломовщиной и, одновременно, тупой мудростью ее мещанских здешних миллионеров. Им-то, учившимся в своих колледжах на деньги родителей, некуда было спешить, а Анина семья существовала на вэлфер и мечтала получить жилье по особой, 8-й программе для неимущих.

Я нашел полузабытый телефон тети – и позвонил ей, чтобы сказать, что хочу с Аней встретиться, приврав, что у меня есть для нее кое-какие новости.

– Если ты ее *уболтаешь* и обрухатишь, а потом бросишь – я тебя зарезу, – предупредила тетя.

– Хорошо, но прежде, чем это произойдет, хорошо бы девушке заняться своими двумя передними зубами – и уж точно перестать в двадцать один год красить губы дешевой карминовой помадой. Да, и разумеется выбросить вон эти кошмарные голубые очки!

– Посмотришь лучше в зеркало, старый идиот, – сказала тетя. – В Италии от нее сходили с ума солидные женатые мужчины. Она выйдет здесь замуж за миллионера и покажет вам всем, образованным, длинный нос.

– В Италии *все* женатые мужчины сходят с ума от возможности любой внебрачной связи. Но догадайся, за что я люблю тебя, друг мой? – спросил я. – О нет, не за твой ум, не за оригинальность суждений, деликатность манер и изящество языка. Люблю я тебя за то что ты – простой советский человек.

– Двести двенадцать - три сорок пять-пятнадцать-десять, – прорычала тетя номер телефона, – но учти: я буду следить и проверять каждый твой звонок, каждое слово.

– Никогда в этом не сомневался: пристальное внимание органов всегда мне льстило, – ответил я и повесил трубку.

Встреча с Аней только убедила меня, что затеянное тетей сумасбродство продолжается. Оказалось, что один из колледжей согласился учесть Анины академические показатели, полученные в Ленинграде, и поэтому она теперь всерьез подумывала о возврате к филологии. Одновременно, ей хотелось стать архитектором или, *на худой конец*, юристом.

Когда я узнал причину таких странных колебаний, мне стало дурно. Оказывается за лето она успела познакомиться с Левкой, молодым бездельником, брат которого учился архитектуре, и ей понравились хорошенькие миниатюрные макеты церквей, стоявшие у него дома. Переспав с Левкой пару раз, Аня решила больше с ним не видеться, так как он принципиально не завязывал шнурки своих башмаков, и они волочились за ним по улице. Новый кавалер объяснял это модой и своей врожденной страстью к разгильдяйству: настоящий американец, считал он, должен быть свободен от любых условностей. Сам он, например, решил быть архитектором – но только его глупый брат верит, что для этого надо непременно учиться. Это давно устарело: самые успешные из молодого поколения не только ничему не учились, но просто не могли дожидаться, когда их, наконец, выпрут из университета. Левка называл Ане много ничего не говоривших ей имен, которые были известны всему миру. Он часто и со вкусом употреблял вошедшие тогда в моду выражения «*online*» и «*network*». Самого его выгнали из колледжа уже на второй месяц, и таким образом, в этом он на целый год обскакал самого легендарного Билла Гейтса.

Угостив Аню «Амаретто» в местном кафе, Левка дал ей понять, что в продолжении отношений он не заинтересован, ему нужно «*двигаться дальше*», но если иногда ей захочется курнуть с ним «*доброй травки*», он запросто достанет ее по приемлемой цене. На этом Аня с

облегчением рассталась с ним – но мысли об архитектуре не оставила.

Юристом же она хотела стать, так как за чаем тетины знакомые говорили, что все женщины в Америке мечтают иметь в мужьях доктора или юриста. К медицине Аня всегда питала страх и отвращение, а вот если юристом стать, думалось ей, то и мужа не обязательно будет иметь: сама юрист – она сама и будет решать, как ей жить. Ну как в советском кино «Москва слезам не верит».

Я внимательно выслушал ее рассуждения. На младенческом припухлом лице на меня глядели маленькие зеленые наивные глаза. Аня достала блокнот и пыталась записывать мои обыденные вопросы. Было ясно, что вместо снабжения полезными практическими советами тетушкины иммигранты ей окончательно заморочили голову.

Она с восторгом рассказывала мне, что в Нью-Йорке есть особое агентство, выдающее новым иммигрантам бесплатно детские соски, мыло, грелки, дамские тампоны, стульчаки для престарелых, клизмы, презервативы – коробками по пятьдесят штук в месяц – и подробные инструкции, как всем этим добром пользоваться на русском языке. Это доказывало, что мои проповеди о срочности овладения английским языком оказались очередной глупостью интеллектуала.

Мне стало ясно, что она пропадает – и вдруг, неожиданно для себя я предложил ей *сожительство*. Да-да, вы не ослышались, – совместное жительство, не больше и не меньше.

То есть, с точки зрения общества, и прежде всего Ани и ее семьи, сделал ей самое настоящее *грязное* предложение.

С Киссинджером могло быть скучно, но вот вдвоем с Кеном – никогда! Он был наблюдателен и остроумен и

«знал все обо всем», вспоминает Пассадж: «Чем больше времени проводили мы вместе, тем больше нравилось мне бывать в его компании.»

Незаметно они стали настоящими *друзьями по бизнесу*, хотя поначалу с *деловой* точки зрения выгода была явно в пользу Пассадж: ведь с Кеном она не спала. Она настаивает, что *с ним* она не была проституткой – и такая ситуация длилась больше года, пока однажды летом 2006-го Старр не объявился в летнем доме, снятом им для Пассадж в Хэмптоне, и не сообщил, что давно уже в нее влюблен и поэтому намерен расстаться с женой. «Только после этого мы решили по-настоящему вступить в интимную связь», – рассказывает Пассадж.

На Валентинов день в 2007 году Старр сделал ей предложение, подкрепив его бриллиантовым обручальным колечком, обошедшимся ему в 32 тысячи. Бракосочетание назначили на июнь в Лас-Вегасе, в роскошном отеле «Уинн» – и пригласили туда лишь самых близких друзей и родственников.

Ее сын Джордан и звезда баскетбола *Джулиус Эрвинг* взяли на себя роль эскорта невесты. В подружки Пассадж пригласила коллегу из клуба, некую девушку по имени Лидия. Других близких у нее не было.

Дома в Нью-Йорке новости вызвали шок и замешательство среди ее приятельниц в клубе «Скорз». «За *таких* вообще-то у нас не принято выходить *замуж*: это не в традиции и не к добру, – коротко заметила Джуди, самая опытная из них.

«Я была, признаться, здорово удивлена новостям, – вспоминает одна бывшая танцовщица – будем называть ее Дэйл. – Ведь встречаясь со Старром, Пассадж продолжала видеться и с другими состоятельными мужчинами: был среди них и известный продюсер поп-музыки, и даже шеф-повар знаменитого ресторана. Но, вероятно, именно Кен показался ей тем рыцарем в сверкающих латах, который заберет ее с собой в иную, сказочную жизнь, –

рассуждает Дэйл, – в конце концов, не вечно же девушке танцевать у шеста в клубе.»

Неделей позже новобрачные мистер и миссис Старр принимали в Нью-Йорке гостей уже на официальном свадебном банкете. Их было не менее сотни – и по этому случаю специально арендовали старый зоосад в Центральном Парке Манхэттена. Пассадж была одета в платье от *Александра МакКуина* (ну точь в точь как у принцессы Кэйт Миддлтон, вспоминает она). «Это было сногшибательно, – повторяет она с удовольствием, – с-ног-дери-его-в-нос-сшибательно!»

Единственная небольшая накладка произошла лишь в конце дня: когда основатель «*Планеты Голливуд*» продюсер Кейт Бариш поднял тост за новобрачную, обкурившийся диско-джекей по ошибке врубил не ту музыку – и на весь зоосад грянула «Добытчица золота».

После женитьбы Старр еще более уплотнил их и без того напряженную светскую жизнь. «Ему очень важно было все время находиться в центре внимания», – вспоминает Пассадж. И с ее помощью это оказалось делом несложным. Кто бы мог равнодушно пройти мимо мимо секс-бомбы, сверкающей брюнетки с высокими скулами а-ля Одри Хэпберн и парой подтянутых дорогим хирургом грудей, размером с хороший грейпфрут каждая? Да еще если сопровождает ее лысый бухгалтер с тараканьими бровями, вполне годящийся ей в отцы?

Всеобщее внимание кружило голову Старру. «Она была его радостью и гордостью, его любимой игрушкой – и он обожал выставлять ее напоказ», – так говорит о нем издатель светского обозрения «*Хэмптонский листок*» Джоан Джеделл. Это она, уступив настояниям Старра, поместила фото Пассадж на обложке своего журнала в 2008 году. И не пожалела об этом. На другой же день вышел «*Нью-Йорк Пост*» с реакцией на ее обозрение в колонке сплетен: «*ОГО!* Кто эта ослепительная красотка там на обложке «*Хэмптонского листка*»? Джоан Джеделл,

издатель, сообщает нам, что это новая жена финансового гения по имени Кен Старр».

Истины ради пора упомянуть, что в моем рассказе об Ане я опустил одну немаловажную деталь: пока я прослушивал запись ее монолога, у меня дома сидела дама. По-русски она не понимала, и терпеливо ждала, пока я закончу прослушивание.

Дама явилась ко мне, чтобы представить ультиматум. Ей было тридцать лет, и мы состояли в близких отношениях. На прошлой неделе она посетила врача, и тот напомнил ей, что годы идут, и ее биологические часы тикают. Даму звали Гуанин, она была концертирующей пианисткой родом из Кореи, и имя ее семьи стояло на половине всех электроприборов, выпускаемых в мире. Ультиматум ее при этом ничем не отличался от любых других, не раз слышанных мною от менее обеспеченных, но не менее разъяренных женщин. Одна полубедуинка, студентка, жившая в общежитии, даже обозвала меня однажды подлецом и мошенником, прежде чем безжалостно бросить навсегда.

Сейчас поясню. Дело в том, что меня всегда влекло к дамам зрелого возраста. С молодыми бывало скучновато, а вот со зрелыми мне было хорошо, было о чем поговорить. Одна беда: очень скоро наступало время, когда дам начинали интересовать мои дальнейшие планы. Я поначалу честно отвечал, что и сам был бы рад узнать ответ на этот вопрос. Потом понял, что для моих женщин это звучало как оскорбление. Они выходили из себя, говорили, что такой ответ достоин разве что Микки Мауса, но не солидного разумного мужчины. И каждая непременно цитировала при этом своего гинеколога и упоминала эти самые тикающие биологические часы.

Так или иначе, у меня, вероятно, развился комплекс неполноценности, ибо прежде чем послать меня на все

четыре, дамы утверждали, что я неспособен к серьезным человеческим отношениям. И я начинал им верить: не могут же все они ошибаться.

Так и на сей раз. Обозвав меня на безукоризненном британском глупцом и малодушно бегущим от своего счастья трусом, Гуанин дала мне ровно одну минуту на размышление и, услышав в ответ, что мне нужно чуть больше времени, чтобы решиться на предложение ей руки и сердца, молча повернулась и ушла, вполне по-русски хлопнув при этом входной дверью.

Почти сразу же после ее ухода раздался телефонный звонок; я подумал, что она одумалась, и обрадовался: ведь она действительно нравилась мне, особенно когда играла Листа. Но это оказалась совсем другая дама, с которой у меня тоже были, скажем так, не вполне платонические отношения – хотя и не такие серьезные, как с Гуанин. Дама вполне серьезно поставила меня в известность, что ожидает ответа на вопрос о моих семейных планах прямо сейчас, по телефону, и что где-то на другой линии подобного же ответа ждет от нее некто Янек, в любую минуту готовый взять на себя ответственность за ее будущее потомство. И что если я намерен, как обычно, отшучиваться и превращать ее жизненную драму в фарс, она этого не допустит, ибо биологические часы ее (о Боже, опять часы!) тикают, и на глупые игры не осталось времени.

Я молчал.

– Нас разъединили? – через некоторое время спросила дама.

– Нет, – ответил я, – я здесь, на линии.

– Тогда всё. – сказала дама, послала меня подалее по-польски и бросила трубку.

Такой выстрел дуплетом был чересчур силен даже для меня, закоренелого холостяка. Вот тебе и зрелые дамы. А я еще думал, что понимаю что-то о жизни в Новом свете и вообще – в жизни!

«Идж до дупы!... – повторил я в раздумье последние слова женщины, и вдруг вспомнил, что единственное, чего наивная Аня, открытая к любым приключениям, категорически для себя не желала – это замужества. И решил непременно с ней встретиться.

Остальное, как говорится, – история.

Я убедил ее, что на первых порах смогу ей оказаться полезным практически: помочь окончить колледж и получить степень, но главное – вытащить ее из иммигрантской трясины, этого добровольного гетто, где все разделено на «нас» и «них», где информация настолько однобока и униформна, что лучше б ее не было вовсе; где без конца, агонизируя, ищут ответ лишь на один вопрос: стоило уезжать или нет.

Я один знал все! (Именно так мне, старому дураку, тогда казалось!)

Разумеется, я выбрал для Ани самую надежную, самую востребованную в США специальность: финансовый учет. И школу – не лучшую, но самую известную в обучении этой специальности: Хантер колледж. Там не признали Анину справку из ЛГУ, но я готов был помочь ей набрать нужный минимум академических «кредитов». Лучше профессии для не знающей, чем заняться, юной простушки было и не придумать.

Обвинения ее разъяренной семьи в низведении дочери-филолога до уровня бухгалтера я парировал, разъясняя, что это недоразумение, вызванное незнанием тетей английского: Аня будет отнюдь не бухгалтером (*bookkeeper*), а *accountant*-ом, что можно с некоторой натяжкой перевести как *инженер-экономист*. Слово *инженер* успокоило родню: в Совке свято верили в профессию инженера, даже если он был инженером шипучей воды. *Инженер-экономист* звучало для ушей Аниной мамы не меньшей музыкой, чем *филолог*, и она согласилась поверить (или сделать вид, что поверила), что ее дочь просто снимает у интеллигентного пожилого

человека комнату в обмен на уход за квартирой и приготовление ему чая.

Вот и все. Через несколько лет мы отпраздновали Анино окончание колледжа и получение ею степени. Я был счастлив. Чаю от нее я так и не дождался, зато никто не заикался ни о каких биологических часах: Ане теперь следовало готовиться к экзаменам штата на лицензию – ей стукнуло двадцать шесть, мне – сорок восемь, и хотя к этому времени она уже занималась личными финансами всемирно известного автора *Стивена Кинга*(то есть, суммами со множеством нулей на конце!), ей все еще надо было догонять своих американских сверстников, уже получивших лицензию штата. По-английски эта лицензия называлось *CPA* (Си-Пи-Эй) и открывала множество путей наверх в финансовой карьере. Так что Ане снова пришлось отложить мечты о путешествиях, а мне – надолго позабыть о своей тяге к дамам бальзаковского возраста.

А еще через некоторое время, когда пришло, наконец, долгожданное извещение о том, что Аня сдала экзамены на лицензию успешно, и я объявил, что теперь уж точно она во мне не нуждается, ибо больше я ничем не смогу оказаться ей полезным, она поглядела на меня своими широко расставленными зелеными глазами и стальным голосом объявила, что вот уже четвертый месяц ожидает ребенка; врач говорит, что беременность ее проходит прекрасно, и никогда еще так хорошо она себя не чувствовала. Более того, она была уверена, что именно ожидание ребенка помогло ей сдать последний, самый трудный экзамен.

Вот тебе и наивная простушка. Вот тебе и биологические часы!

Мы официально поженились снежным январским днем, вызвав на дом знакомого судью, одного из Аниных солидных клиентов.

А вскоре после родов Аню, новоиспеченного лицензированного финансового менеджера, начали наперебой приглашать на работу. Все годы учебы она не переставала служить, так что к концу у нее накопился солидный стаж. Наконец ей предложили должность в фирме «Старр и партнеры» на условиях, скажем так, недостижимых для ее сверстников. Репутация специалиста, знающего, как оперировать частными миллионами, у нее уже имелась, а теперь ей предстояло распоряжаться уже семейными миллиардами.

И если прежде список ее клиентов часто напоминал историю мирового кинематографа и театра, то теперь имена ее подопечных просто не сходили с телеэкранов и страниц светской хроники. Отныне, кто бы ни победил на присуждении «Оскара» – он все равно оказывался клиентом ее фирмы. Кен Старр был вундеркиндом, настоящей знаменитостью! В Нью-Йорке присуждение премии национальной Киноакадемии так и называли в шутку: небольшой междусобойчик клиентов Кеннета Старра.

«У меня была несмываемая репутация *золотоискателя*, охотницы за деньгами, – признает Пассадж, – хотя множество гранд-дам с Парк Авеню по сравнению со мной обладали куда более хищными инстинктами, мне ли не знать?» Посвященный во многие финансовые секреты, Старр нередко делился с Дайан пикантными подробностями из жизни гостей модных сборищ. «В высшем свете оказалось полно дам с довольно пестрым прошлым, ставших женами влиятельных людей, – продолжает она. – И прикурить они давали не хуже любой девушки из клуба. Взять хоть ту же Х, законодательницу нравов Верхнего Ист Сайда: она когда-то вынудила мужа переписать все имущество на свое имя, угрожая разоблачением его гомосексуальных связей. Или другую,

светскую львицу У: в поисках мужа та ограничивала свои связи со сверхбогатыми ухажерами жесткими временными рамками. И лишь только истекал поставленный ею срок – а объект все еще тянул с предложением брака, она бросала такого медлительного миллионера и, не теряя времени, прыгала в постель к следующему.

Это было, по словам Пассадж, точной копией методов ее клуба, где девицы сразу переставали замечать посетителя, если после двух-трех номеров у шеста тот прекращал швыряться деньгами.

На одном из коктейлей Старр обратил ее внимание на старичка-миллиардера и его новую жену, с которой тот не так давно познакомился по интернету. Она тоже была матерью-одиночкой, жила в домике-караване на колесах в трейлер-парке, на дешевой автостоянке. И вот случилось так, рассказывал Старр, что эти двое нашли и безумно полюбили друг друга.

«О, Кенни, я тебя умоляю, – ухмыльнулась Пассадж, краем глаза следя за новобрачным, едва достававшим своей супруге до плеча. – Это всего лишь б... на контракте, не более того».

«Понимаете, он во всем видел прежде всего романтику, – вспоминает она. – Но я по-иному смотрела на вещи. Когда я глядела на 80-летних старцев, обнимавших своих 40-летних жен, мне представлялся домашний стриптиз, массаж старческой простаты, виагра, низкокалорийные съедобные трусики – словом, взаимность типа ты мне *шалости*, я тебе – «Мерседес».

Старр несколько сник после таких комментариев, но Пассадж настаивает на том, что их брак был совсем не похож на холодный бизнес – уж Кен-то, во всяком случае, точно был от нее без ума.

«Разумеется, в этом присутствовал элемент некоторого расчета, – признает она, – я была его, типа, призовой лошадкой». И от нее ожидалось прилежное исполнение

этой роли. Кен маниакально требовал ежевечерних выходов в свет; это омрачало даже ее отношения с сыном: мальчик приходил из школы, когда мать обычно была занята с парикмахером и модисткой, готовясь к очередному выходу. По какому случаю? Она и сама часто не имела об этом представления.

Иногда эти формальные сборища бывали до кошмара унылыми, но в конце концов «за» перевешивали любые «против». «Ни разу не слыхала я от Кена слово «нет», – улыбается Пассадж. Она старалась не зарываться – но любое ее желание исполнялось: бриллианты – пожалуйста, на четверть миллиона (как минимум – по оценке Офиса Прокурора США); знаменитые модельеры для обновления гардероба – каждый сезон; даже лучший в стране врач, сотворивший для нее новую грудь – и тот не был проблемой! Они ездили с Кеном в Египет забираться на гору Синай; в Рим – поглядеть на Сикстинскую капеллу; на Гавайи – сфотографироваться, плавая среди акул.

Старр заплатил 7,5 миллионов за чудо-квартиру с пятью спальнями, садом, бассейном и просмотрным залом, занимавшую три этажа в семиэтажном ультрасовременном стеклянном кубе «Люкс» на 74-й улице.

Через несколько недель они пригласили друзей отпраздновать новоселье в своем новом саду площадью в 140 кв. метров на третьем этаже, отделенном зарослями бамбука от шума и суеты Манхэттена. Пассадж принимала гостей в синем платье от Гуччи, последней новинке сезона. Она выглядела идеальной хозяйкой дома на Верхнем Ист Сайте, даже несмотря на кое-как замазанную татуировку: голубую змейку, обвивающую левое предплечье.

Это оказалось ее первой и последней вечеринкой в новом доме.

Джордан, ее сын, собирался в школу, когда федеральные агенты постучались в квартиру 1-Си с ордером на арест его отца. «В чем дело, мама? - спросил он со слезами на глазах, когда Старра под конвоем увели из дома. «Почем я знаю? – ответила мать. И действительно, только позже, включив телевизор, узнали они, что произошло. Узнали, как ворвалась в офис Старра разъяренная суперзвезда *Ума Турман* и потребовала немедленно вернуть миллион долларов, исчезнувший с ее счета; как за ней последовала волна клиентов, требующих возврата денег, доверенных ими Старру. И как Старр оказался не в состоянии выполнить их требования, ибо, по версии обвинения, он незаконно пользовался счетами своих клиентов «для собственных нужд, включая приобретение нового жилья, стоимостью в несколько миллионов.»

Последующие недели пролетели как в кошмарном сне.

«Ну так что, хороший я парень? Или, может, плохой? – все не отстает от нее уже сильно нанюхавшийся Пол, когда их лимузин тормозит у отеля «Марк».

Сам *Фредерик Феккаи*, известный всему свету парикмахер, прерывает беседу у стойки бара, чтобы проводить взглядом идущую к столу Дайан, и потом следит, как усаживаясь, она скромно, но без успеха пытается натянуть юбку на колени. Пока Пол обменивается объятиями со служащими ресторана, Тони, с багровым лицом уже синюшного отлива, быстро заказывает на всю компанию новый круг выпивки.

Недавно Пассадж обратилась к адвокату-специалисту по разводам. Кен пока ничего об этом не знает. «Зачем спешить? – рассуждает она, – я обещала, что никогда его не оставлю: ведь я и вправду люблю его. Но и замужем за ним больше оставаться ведь невозможно... *АЙ, ЦЕКОТНО!*

Накокаиненный Пол водит, шутя, по ее открытой шее уголком крахмальной салфетки: «Нет, ты скажи мне прямо, хороший я парень – или плохой? – требует он.

Адвокаты Пассадж трудятся вовсю, чтобы Комиссия позволила *разморозить* ее банковские счета, а на жизнь, между тем, хочешь-не хочешь, приходится зарабатывать.

Около полуночи приносят счет. Тони расплачивается только наличными – и тут же, на месте требует награды: он тянет Пассадж к себе на колени и заключает ее в медвежьи объятия. Пока оба милуются за столиком, заканчивается действие *сверкающей пыли*, и друг Пол быстро мрачнеет. «Неужто я гляжусь таким стариком? – стонет он. – Ведь кажется, вчера только я играл за «Нотр Дам», полузащитником!» – и Пол в отчаянии роняет отяжелевшую голову на ладони.

Как выяснилось впоследствии, Дайан не пришлось извещать Старра о том, что она подала на развод. Он сам об этом прочел в колонке сплетен на шестой странице «Нью-Йорк Пост».

В воскресном выпуске газета поместила ее фото рядом с Кеном, под заголовком статьи об испытаниях, выпавших на долю его жертв: некоторые из них потеряли до полутора процента своих состояний.

«Там на снимке, с накладными локонами, с бриллиантами в ушах, в блестящем вечернем туалете я вовсе на себя не похожа – это как бы и не я, а какое-то существо из другого мира, – вздыхает Дайан.

И действительно, то, другое существо навсегда растворилось и исчезло в иной, улетучившейся, как дым реальности, оставшись только на моментальном глянцевом снимке.

На прошлой неделе Дайан с сыном выехали, наконец, из заброшенных апартаментов в здании «Люкс» и снова поселились на Таймс Сквер, там где когда-то началась ее нью-йоркская эпопея. «Пожалуй, здесь мне легче вписываться в окружающую среду...»

Так говорит Дайан Пассадж, глядя из окна тесной квартирки на шумный, грязноватый, купающийся в огнях центр Манхэттена. Центр запыленного сверкающего мира,

куда каждый день приезжают люди со всех концов земли в надежде начать жизнь заново – и только единицы из них способны представить себе, насколько крутыми и непредвиденными могут оказаться сюжетные повороты их судеб.

Послесловие:

Кеннет Старр в данное время отбывает свои семь с половиной лет заключения в Оттисвилле, в Нью-Йоркском Федеральном исправительном заведении. Срок его освобождения – 2016, при условии благонравного поведения и положительных отзывов тюремного персонала.

Финансовому менеджеру Анне Кошелевой продолжают предлагать работу самые престижные частные фирмы, расположенные в Нью-Йорке – от Уолл-стрит и до Рокфеллер-центра. Одним из самых неперемных Аниных требований к работе является возможность ей добираться до своего кабинета на городском наемном велосипеде *Сити-байк*. Жалованье ей обычно предлагают назначить себе самой, но рабочий день ее и неделя при этом – не ограничены, как, впрочем, и у всех специалистов ее уровня. У Ани с мужем двое детей. Своего излишне рассудительного супруга она иногда упрекает за то, что тот выбрал для нее род занятий не по любви, а чисто по расчету, лишив ее, таким образом, возможности в жизни вольно путешествовать по свету с рюкзаком и спальным мешком за плечами, голосуя на дорогах, и не занимаясь ничем скучными цивилизованным.

Виктор Норд - режиссер и сценарист. Ему было 19, когда по его репортажу был сделан документальный фильм "Ночной вокзал". Это помогло ему поступить в Институт кинематографии на факультет режиссуры. В 1973 году В. Норд уехал в Израиль. Первой его работой там стали военные репортажи для Си-Би-Эс и документальный фильм "Третий день войны" ("Война судного дня" 1973 г.)

Главную роль в его художественном фильме "Сад" (1976) сыграла 17-летняя актриса Мелани Гриффит, и это положило начало ее успешной карьере в кино.

С 1982 года Виктор живет и работает в Нью-Йорке. Работы его представлялись на фестивалях (Канны, Сан-Франциско, Торонто, Таормина).

Недавно в Москве был издан его роман "Непредвиденные последствия" - первая большая работа, публикуемая на русском языке.

РИТА БАЛЬМИНА

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

С небес бросается пророчеством
Вначале сказанное Слово.
И, занимаясь словотворчеством,
Его приемли за основу.
Поэта разбивает лира
Параличом. Ему конец
Приходит - нищий, как Творец,
Еще до сотворенья мира.
К тому, кто с голоду подох,
Владея словом, словно Бог,
Не поворачивают лица, -
Но льется матерный поток
За грани гранок грязных строк -
И злится, продолжая литься...

9 МАЯ

Поскольку жизнь не стоит ни гроша,
Вдоль Млечного Пути мычат коровы,
Они идут - обречены, суровы -
Созвездья сокрушенные кроша.

Кто гонит их бессмысленно и грубо?
Чей хлыст свистит: скорей, скорей, скорей?
Никто в лицо не знает мясоруба,
Никто не видел звездных алтарей.

Но надо всем - кровавый знак Тельца,
И вой войны и вонь - на бойне смрадно,
И путается в нитях Ариадна,
И окруженным не прорвать кольца.

И миной в Лабиринте - Минотавр,
А пьяных победителей ватага
Стреляет вверх сквозь опаленный тавр
В провалы звезд над решетом рейхстага.

МЕГАПОЛИС

1

Мегаполис, продрогший до мозга костей
И промокший до синевы.
Я попала сюда, как в хмельную постель
К чужаку, с которым на "вы".
Мегаполис туннелей и эстакад,
Над Гудзоном дающих крен,
По мостам и трассам сползает в ад
Под воинственный вой сирен.
Мегаполис: Эмпайр попирает твердь,
Припаркованный к облакам,
На Бродвее рекламная круговерть -
Мельтешат мультяшки "дот кам",
Но армады высотных жилых стволов
Неустанно целятся в высь.
Пожирай журнальных акул улов
Да избытком быта давись.
Поздний брак по расчету с тобой - постыл,
Но вопящую душу заклеил скотч,
И на сотни миль твой враждебный тыл...
В мегаполис по-лиси вползает ночь.

2

город-ад
город-гад
ты настолько богат
что сидишь на игле без ломки
героиновой дури сырой суррогат
да прикольных колес обломки

город рай
самый край
здесь живи-умирай
марафетным жрецам на потребу
шприц-эмпайр обдолбанным шпилем шириай
варикозные трубы неба

смерти нет
это бред
упраздняю запрет
над тобой косяком проплывая
ты пейзаж я портрет
над бродвей лафайет
траектории тает кривая

я обкурен и пьян
и тобой обуян
и бореем твоим обветрен
обнимая кальян
разжимаю капкан
вертикальных твоих геометрий

3

Это просто Нью-Йорк и ноябрьская стылость,
Это просто полтинник уже "на носу",
И небесная твердь прорвалась, опустилась
На плечо, на котором ребёнка несу.

Он устал и уснул, шebutной почемука,
Я от стужи его прикрываю рукой.
И не крест, но крестец и крестцовая мука,
Мой последний шедевр, невербальный такой.

Что писать? и зачем? После Вертера - ветер,
После Бродского вброд сквозь бурлящий Бродвей.
Озаряется вспышками Верхний Манхэттен,
Подколёсной водой обдаёт до бровей.

Это просто Нью-Йорк, ноябрь декорации...
Как бы мокрым зонтом от борея отбиться и
На прокрустову лажу второй эмиграции
Положить отсечённые ею амбиции?

Там, где снег на ветках месяцами
В безлунном гипнотическом мерцании,
Где волки - воем, а собаки - лаем,
"Заре" или "отбою" подпевали,
Где вспоминали имена и отчества
Для протокола, -
Меня учили одиночеству
Семья и школа.

СТРЕКОЗА

Крыло прозрачнее намека,
Зрачки прозрачнее крыла,
И лжепророчество жестоко
О том, что молодость прошла.
О старости больной и нищей
Предупреждали муравьи,
Сказали - утоплю в винище
Все одиночества свои.
Со дна хрустального бокала,
За призму пристальных зеркал,
Где призрак муравья устало
И прозаически икал,
Взлетает праздничное чудо,
Пустая радостная прыть -
И я оправдывать не буду

Свое недоуменье жить,
Уменье взмыть и неуменье
Держать в уме немое слово.
Да не подвергнется сомнению
Безмерность мудрости Крылова.

РЕКВИЕМ

1

Кто выдумал тебя, дурная весть,
Порвавшая струну арфистки-стервы?
Употребляя ржавые консервы,
Мы угрожали дирижера съесть.
Скрипичный ключ скрипел, корежа нервы,
И струнные настроились на месть.
И только ты, вальяжный, как рояль,
Предпочитая на рожон не лезть,
Топтал в сердцах рояльную педаль
И неумно пил, зачем невесть.

Stakatto опрокидывал стакан,
На время обезвреживая рану,
И нотный стан бежал во вражий стан,
И пальцы беглые взлетали рьяно.
От горьких возлияний затяжных
На нет сходило нежное piano,
И уводили пьяного буюна
Под белы руки двое пристяжных.

2

В гастрольном, безалаберном раю
Шуршали по обоям тараканы.
Ни их, ни нас не приглашали в Канны.
Ты говорил: "Кантату раскрою,
Сошью не фрак, а тройку из пике
Фартовой, чем с помойки налегке".

Но дирижер был в черном сюртуке,
И он махнул на нас из горних сфер,
Своей волшебной палочкой взмахнул,
Чтобы душевной музыки баул
Скатился в скверный маргинальный сквер,
Где ты блевал и задыхался, силясь
Подняться, до скамейки доползти.
А у рояля ноги подкосились -
И сделалось с тобой не по пути.

3

Морозный миг финального аккорда,
Тромбон - небритая с похмелья морда -
Свое лекарство разливал по флягам.
Венки проплыли под пиратским флагом -
Вчерашние концертные цветы,
И наконец, с небес увидел ты,
Что, как невеста белый и нарядный,
Взбежал рояль по клавишам парадной,
Ампирные перила теребя, -
Туда, откуда вынесли тебя...

Рита Бальмина родилась в Одессе. По профессии художник-дизайнер. Часто публиковалась в периодических изданиях и литературных журналах России, Украины, США, Германии, Израиля и других стран, в многочисленных альманахах и антологиях, в том числе в антологии "Освобождённый Улисс". Член Союза писателей Израиля. Член Международного ПЭН-клуба. В Израиле изданы три книги стихов. Лауреат литературной премии имени Д. Кнута за 1995 год. В 2007 году была номинирована на Бунинскую премию.

С 2000 года Бальмина живет в США, публикует свои произведения в различных журналах. В США и России изданы ее новые книги.

САМУИЛ ХАРРИС

СЭММИ

История ребенка, пережившего Холокост

От переводчика

Мемуарная литература – важная часть общечеловеческой памяти. Когда великая трагедия обрушилась на семью и самого Сэмми, ему было ... пять лет. Ребенок запомнил многое из Холокоста, который для него продолжался до 1945 года. Взрослого человека обычно без особого труда можно обратиться к детским воспоминаниям. В случае Сэмми это оказалось сложной психологической проблемой – мальчик-подросток, желая стать таким как все в его новой американской жизни, «закрыл» прошлую детскую память о пережитом в родной Польше и «выбросил ключ», ... чем обрек себя на то, что называется дуализмом сознания. Пройдут десятилетия, прежде чем Сэм сумеет преодолеть терзания двойственности, восстановится и тем обретет себя в новой целостности. Так к жизни «вернулся» Сэмми – герой книги.

Мне довелось встретиться с Сэмом, когда двое нас, представлявших русскоязычную газету в Чикаго, приехали к нему домой с просьбой об интервью. Мы знали, хозяин был среди инициаторов, а потом возглавлял в течение многих лет Фонд Музея Холокоста. Этот частный Фонд был создан вскоре после получивших широкую прессу событий, связанных с противостоянием жертв нацизма, переживших Холокост, планам марша неонацистов в городе Скоки, штат Иллинойс. Интервью готовилось к предстоящему открытию Музея, где Сэм был избран президентом. По окончании встречи Сэм подарил нам подписанную им книгу. Прочитав «Сэмми», я проникся убеждением – с этой западающей в душу, невыразимо горестной, но полной жизнелюбия и

оптимизма книгой должны встретиться сегодняшние и будущие русскоговорящие читатели: дети, молодежь, взрослые...

«Сэмми» – воспоминания маленького ребенка, не способного осмыслить и понять до конца весь ужас происходившего вокруг него и с ним самим. Ребенок пережил Холокост, стал взрослым и написал историю своего спасения и последующей жизни.

Стивен Спилберг, режиссер-постановщик кинофильма *Shindler's List* («Список Шиндлера») назвал книгу «бесценным вкладом, который подарил поколениям возможность почувствовать дыхание истории».

Михаил Беренбаум (бывший президент организации, созданной Стивеном Спилбергом для сохранения в поколениях видеointервью с пережившими *Шоа*; являлся руководителем комиссии по Холокосту при Президенте США и руководителем проекта создания в США Мемориального музея Холокоста) написал о «Сэмми»:

«...В истории Сэмми присутствует совершенно особенная, ранящая душу щемящая, трогательная нота, идущая от сохраненного и слышимого в рассказе детского голоса. Просто, почти безучастно этот отдаленный десятилетиями голос ребенка рассказывает о восприятии и ощущениях происходившего с ним или у него на глазах, о дарованной ему интуиции опасности. Рассказывая, Сэмми не притворяется, что понимал больше, чем знал, или что сознавал происходившее во всей сложности; скорее, присутствует ощущение, что это ребенок ведет нас к такому миропониманию, которое не под силу даже самому искушенному из взрослых. При всей очевидной, искренней скромности книги, забыть историю Сэмми невозможно – она навсегда остается в душах».

Автор Самуил Харрис написал в предисловии к своим воспоминаниям: «Эта книга – правдивый рассказ о том, что я помню о своем детстве. Детстве, в котором были

мир, любовь и счастье родительского дома. Детстве, в котором на пятилетнего еврейского мальчика внезапно обрушился ужас гетто и концентрационных лагерей. Когда мне, ребенком пережившим Холокост, доводится рассказывать, как это все было, жестокость всегда очевидна. Действительно, во время войны были совершены самые ужасные и жестокие преступления в отношении еврейского народа (и не только), но я хочу также напомнить, что не все немцы, или поляки, или украинцы были плохими людьми. Есть и всегда было много хороших людей в каждом народе. Мы всегда должны стремиться найти хорошее в каждом человеке, найти пути любить, вместо того, чтобы ненавидеть. Это самое главное, что я хочу сказать своей книгой».

Холокост не обошел и моих родных. Самым маленьким в 1941 было 2 и 4 года – так что эта тема мне очень близка...

«Сэмми» должен стать частью общечеловеческой памяти, чтобы приближать время, когда станут невозможными преступления ненависти.

В том, что книга приходит к русскоязычному читателю, заслуга многих. Среди тех, кому я особенно обязан за решающую помощь и поддержку на разных этапах этого проекта – Самуил (Сэм) Харрис и его жена Диди, Луис Вебер, Илья Генн, Ванкарем Никифорович, Нина Генн, моя жена Альбина, и конечно, мой издатель Роза Хагенер. Всем им я приношу свою глубокую благодарность.

Марк Гутин

Книгу «Сэмми. История ребенка, пережившего Холокост» можно приобрести, обратившись на сайт www.SharedPen.com, в книжных магазинах и на сайте www.Amazon.com

ОБЛАВА НА ЕВРЕЕВ ДЕБЛИНА

Что-то происходило снаружи, какой-то шум, возня. Немцы врываются в дома евреев, хватали их и выволакивали на улицу. Люди кричали, стонали, а немцы угрожающе орали на них.

Шел 1942 год. Немцы начали арестовывать евреев в Деблине, как это они уже делали раньше в других городах Польши. Те несчастные, которых втолкнули в колонны, были загнаны в железнодорожные вагоны для перевозки скота и увезены туда, где их умерщвляли в газовых камерах и сжигали в крематориях – в Трешлинку, Освенцим.

В Деблине Сэмми слышал все эти крики, стенания. Когда Сэмми вместе со всей семьей втолкнули в одну из больших колонн, его охватил страх. Он понимал далеко не все из того, что происходило, но ясно сознавал – случилось что-то очень недоброе.

Оказавшийся в большой колонне, Сэмми из-за своего маленького роста не мог видеть лица людей, а только их ноги – лес ног. Если не задирать голову, он видел только ноги. Но подняв голову, он мог видеть небо.

Это было мрачное, низко и тяжело нависшее в тумане небо. Я мог почти прикоснуться к этому небу, оно орошало лицо нежными струйками морозящего дождя. Казалось, небеса оплакивали нас.

Сэмми был зажат в этой людской массе. Колонна, которую гнали к поезду, была такой плотной, что Сэмми, оказавшийся в ее середине, не мог пошевелить руками. Чтобы дышать, ему требовалось запрокинуть лицо вверх.

Помню свои мысли и молитвы с глазами, устремленными к небу. Не знаю, что это было, но какой-то голос внушал мне, что я останусь в живых, и все

сложится хорошо. Я так истово молился, что вдруг понял – мои молитвы услышаны. Словно ангел послал мне уверение в том, что все для меня обойдется.

– Уходи! Беги! Вон туда, к Саре!

Отец вытолкнул Сэмми из колонны в направлении каких-то груд кирпичей, за которыми уже пряталась Сара. Сара крепко ухватила Сэмми за руку. Оба были так напуганы, что не могли вымолвить ни слова.

Колонны пришли в движение. В них загнали слишком много людей, и потому вся масса двигалась медленно. Немцы, однако, орали, требуя двигаться быстрее, что было физически невозможно для такой огромной людской массы. Солдаты пинками подгоняли каждого проходившего мимо, и евреям ничего не оставалось, как двигаться по направлению к эшелону. Колонна медленно продвигалась, люди плакали – кто громко, кто едва слышно.

Евреев согнали к вагонам, в которых по обыкновению возили скот, и увезли прямо к газовым камерам. В памяти моей они все еще идут к этим вагонам. В этих колоннах были мой отец, две сестры, брат, многие кузены и кузины, друзья, соседи. Когда удалявшиеся колонны стали казаться все меньше и меньше и звуки рыданий стали затихать, я взглянул на небо и понял – со мной все будет в порядке.

Всех родных увезли, обрекая на смерть в газовой камере. У Сэмми не было возможности попрощаться с ними. Больше он никого из них не видел. Он чувствовал, что с ними должно было случиться что-то ужасное.

Роза посвятила всю себя заботам о Сэмми и Саре. Без нее никакими молитвами ни Сэмми, ни Сара никогда бы не выжили. Теперь они должны были прятаться. Выживали

на жалких крошках хлеба и объедках, которые Роза как-то умудрялась приносить им, но голод мучил их постоянно.

Голод был проблемой и для всех оставшихся в Деблине евреев. Его костлявая рука то и дело давала себя знать на улицах, где уже лежали опухшие от голода мертвецы. Временами Сэмми был настолько голоден, что ему хотелось умереть. Но он продолжал жить. Его ангел сказал ему, что ему суждено выжить.

В следующий раз, когда немцы отправились забирать евреев, они открыли огонь. Сотни людей были застрелены на месте и остались лежать на улицах. Роза, Сара и Сэмми не видели начала стрельбы, но услышали ее и бросились бежать. Они бежали, не останавливаясь. Сэмми чувствовал, что силы его берутся неведомо откуда, как если бы он мог бежать быстрее и прыгать выше, чем когда-либо до этого. Каким-то образом его ангел, несмотря на голод Сэмми и потерю сил, вдохнул в него неизбывную энергию. Сэмми ни разу не оглянулся, кто бы ни стрелял позади него, и так никогда и не узнал, стреляли ли именно в него или в кого-то другого.

На одной из ферм дети отыскивали уборную, в которой спрятались, прислушиваясь к шумам, в ужасе прижавшись друг к другу. Внезапно кто-то резким рывком открыл дверь. Фермер-поляк выгнал детей из их укрытия, и они снова бросились бежать.

Стрельба раздавалась все ближе и ближе. Сэмми мог разглядеть на расстоянии каски немецких солдат. Перед ними оказался дом другого фермера. Роза заметила, что на крыше сарая в одном месте не было доски, и предложила Саре взобраться туда. Сначала она подсадила Сэмми, а затем и сама пролезла в маленькое отверстие.

Дети передохнули, забросав себя сеном, которое укрыло их полностью, так что никого нельзя было увидеть. А звуки стрельбы продолжали доноситься из того места, откуда они бежали.

– “*Juden Raus !*” (нем.) Евреи, выходите!

Это снаружи сарая орали немецкие солдаты. Ужас охватил Сэмми. Солдаты продолжали орать, прочесывая сельскую местность в поисках евреев. Стрельба не смолкала до наступления темноты.

Выждав какое-то время, Роза, Сара и Сэмми выбрались из соломы и пошли обратно к себе домой. Было темно, но Сэмми смог заметить на улице кучи, о которых он подумал, что это мусор. Роза отправила его спать.

На следующий день я встал рано утром и вышел наружу. И тут я увидел самое страшное когда-либо виденное мной. Нет, это не был мусор, собранный снаружи в кучи. Это были мертвые люди, уложенные друг на друга. Это были наши соседи.

Дети обошли кругом, чтобы увидеть, кто лежал в этой груде тел. Вокруг собрались и другие люди, пытаясь определить, кто из их близких погиб во время стрельбы накануне.

Я заметил в груде среди мертвых какое-то шевеление. Было движение внизу. Несколько взрослых раздвинули тела убитых и обнаружили там маленького ребенка. Когда его вытащили из груды мертвых, малыш начал плакать.

Среди всего этого ужаса к грудам тел стали подходить польские горожане, высматривая, чем можно поживиться. Они снимали с убитых часы, забирали любые ценные вещи. Этим людям, похоже, было безразлично, что случилось с евреями, они были совершенно равнодушны к разыгравшейся трагедии.

Меня, ребенка, это глубоко задело. Не было плача, и это оставило осязаемый след. В то время это породило во мне гнев в отношении поляков, потому что я не знал их

как конкретных людей, а представлял, в целом, как бессердечный народ, который совершенно не волновало, что случилось с евреями.

Уцелевшим евреям в Деблине становилось все труднее и труднее выживать. Но Роза каким-то образом смогла сохранять свою группу вместе, и всех в ней живыми.

ДЕБЛИНСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ

Хотя большинство евреев Деблина были схвачены и отправлены на смерть в газовых камерах, какое-то количество евреев города отобрали для того, чтобы они работали на немцев. Смышленная, расторопная, сильная, и в то же время осмотрительная, Роза продолжала работать. Давид ушел с другой семьей, чтобы иметь лучший шанс, поскольку на Розе уже была забота о сохранении в живых Сэмми и Сары. Быть в концлагере значило очень много. Не работать в нем было равносильно смерти.

Розе было разрешено отправиться туда жить. Поначалу Сара и Сэмми не могли попасть в лагерь, и Роза передала их польской знакомой, чтобы та временно позаботилась о детях. К ночи напившийся вдрызг муж этой женщины услышал по радио, что за укрывательство евреев поляков будут расстреливать вместе с ними. Он заявил жене, что собирается выдать детей.

Понимая, что дети больше не могут оставаться с ней, знакомая Розы передала Сэмми одной семье, а Сару – другой.

Ситуация становилась все более угрожающей. Евреев, обнаруженных вне концентрационного лагеря, убивали на месте. Некоторым удалось бежать в леса, но большинство беглецов были пойманы немецкими карателями и умерщвлены в массовом порядке. Часть людей погибла от голода, холода и болезней. Несколько сот бежавших уцелели, несмотря на бесконечные облавы; им удалось

выжить в условиях зимы. Они скрывались в лесу и назывались партизанами.

Против партизан немцы вели крупномасштабные боевые действия, они сталкивались с враждебностью и предательством местного населения. Партизанам была недоступна какая-либо медицинская помощь, ощущалась нехватка продуктов, не было питьевой воды, они страдали от суровых погодных условий – той зимой ударили морозы. Однако, несмотря на все лишения, дух сопротивления оставался сильным.

Пока Сэмми ждал Розу, он был вынужден жить вместе с двумя десятками других евреев в подвале картофелехранилища.

Я помню, как спускаюсь по лестнице в очень темную, холодную комнату. Пол был мокрый и грязный. Потолок показался таким высоким. Вверху в потолке было небольшое круглое застекленное отверстие. Сквозь него пробивался солнечный луч. Польские ребята громко барабанили по стеклу и орали: «Грязные жида!»

Я был перепуган. Вскоре солнце село, и солнечный луч уже не пробивался сквозь стеклянное «оконце» в тот холодный подвал. Я стал дрожать. Каким-то образом мне удалось найти сломанный деревянный стул, у которого от сиденья оставалась только половина. Я просидел на этом стуле всю ночь, только чуточку поспав. Никто не проронил ни слова. Мне хотелось, чтобы у меня было одеяло или еда, но больше всего, чтобы был кто-то, кто мог утешить меня. Я был один без папы, без мамы, без моих сестер.

Вскоре Сэмми извлекли из подвала и сказали, что Роза устроила так, чтобы он мог пробраться в лагерь. Когда Сэмми добрался до места, Сара уже ждала его. Она приподняла «колючку», чтобы он смог пролезть под ней и оказаться в лагере. Проходя по огороженной зоне, он

слышал, как рядом лаяли немецкие овчарки. Он дрожал – в равной степени от страха и от холода.

Концентрационный лагерь стал убежищем, моим «счастливым билетом» в безопасность. В противном случае я бы отправился напрямик в газовые камеры или был бы застрелен на месте. Я бы присоединился к тем полтора миллионам еврейских детей, которых умертвили.

В концентрационном лагере стояли бараки для евреев, одни для женщин, другие для мужчин. Внутри барачных были деревянные нары в несколько рядов вверх с соломой и джутовыми мешками для спанья. Поскольку Сэмми был слишком мал для работы, его не должны были видеть охранники, так что большую часть своего времени он проводил в темноте. Немцы всегда были вокруг, вышагивая снаружи, чтобы никто не мог прошмыгнуть незамеченным.

Скудное питание включало жидкую похлебку, для приготовления которой кипятилась вода. В нее бросали жалкие куски конины; это пойло наливалось в старую ржавую банку, которую всегда носили с собой. Если кому повезет, в похлебке мог оказаться крошечный кусочек мяса. Роза как-то умудрялась добывать немного еды и поделиться ею с Сарой и Сэмми.

Охранники постоянно орали и избивали заключенных. Им не нужен был какой-то особый предлог для жестокого обращения с евреями. Иногда евреи пытались бежать, чаще всего неудачно. Если им удавалось добраться до леса, они присоединялись к партизанам, которые пытались выжить там. Но обычно это не удавалось. Немцы привозили пойманных обратно в лагерь и вешали между бараками и уборными, оставляя там казненных на несколько дней для напоминания узникам, что случилось с беглецами. Их трупы болтались между бараками.

Сэмми никогда не видел, как вешали беглецов, но видел тела, висящие между бараками и уборными. Если он покидал свое укрытие, ему приходилось видеть эту картину. Поэтому он избегал идти в уборную, особенно по ночам – было слишком страшно. В результате приходилось мириться с сырой постелью. Все же это было легче переносить, чем ночью идти в уборную мимо повешенных.

Мое первое воспоминание об этой проблеме – кто-то, вопящий в темноте с нижних нарядов моей: «Капают! Прекрати это!» Эти вопли разбудили около пары сотен людей. В бараках концлагеря зажглись огни.

Из-за того, что Сэмми мочился в постели, его дерюжный мешок был постоянно сырым весь день с предыдущей ночи. Он специально старался лежать на сырых частях этого мешка в надежде, что они высохнут от тепла его тела. Но полностью высушить никогда не удавалось. Вместо этого стала вонять солома, прогнил мешок, и в середине возникла большая дыра.

Вокруг этого отверстия образовался грибок, и все стало черно-зеленым. Вскоре на моей постели и одежде появилось множество мух и вшей. Но самые большие страдания доставляли глубокие язвы на бедрах и на боках, образовавшиеся из-за инфекции от лежания на прогнившем дерюжном мешке. Для людей в концентрационном лагере условия и без меня были невыносимые. Им не нужен был ребенок, создающий всю эту проблему, ребенок, старающийся прятаться в бараке, незамеченный немецкими охранниками. Я не помню физическую боль, но страх и стыд, который я испытал тогда, были худшими в моей жизни.

Сэмми предпочел мочиться в постель и получить инфекцию – только бы не идти в уборную и не проходить мимо повешенных, раскачивающихся в петлях снаружи бараков. Сделанный им выбор причинял страдания, но можно понять, почему он поступил именно так.

Недалеко от концлагеря проходила железнодорожная ветка, по которой мимо, без остановок, проходили товарные поезда, забитые людьми. Сэмми видел своими глазами, как из щелей вагонов для перевозки скота протягивались руки. Люди вопили и рыдали. Сэмми сознавал, что их путь лежал к чему-то ужасному, и ему было страшно на это смотреть.

В концлагере каждый узник делал все, зависящее от него, и все, что только возможно, чтобы выжить. Но Роза должна была еще кормить двоих. Чтобы заработать дополнительный кусок хлеба, накормить Сэмми и Сару, Роза взяла дополнительную работу – стирать нижнее белье. У людей не было туалетной бумаги, и потому подобная стирка была нелегким делом. Розу часто тошнило.

Иногда случалось и радостное событие. Еврей из Вены, Вальтер, отвечал за дезинфекционные душевые. Роза работала там же, стирая нижнее белье. Находясь в Деблинском концентрационном лагере, они полюбили друг друга и поженились. В тех нечеловеческих условиях они приспособлялись, как только могли. Они не могли жить вместе, потому что мужчины и женщины должны были жить в отдельных бараках.

Теперь у Сэмми появился шурин (муж сестры), новый пример для подражания и еще один человек, который делал все для того, чтобы Сэмми выжил. Вальтер очень любил Розу, был готов посвятить себя помощи ей в заботе о ее сестричке и братишке.

Судьба вновь помогала Сэмми выжить.

МИХАИЛ ЗАРАЕВ-РУМЕР

ПОВЕСТЬ БАБЕЛЯ, НЕ УВИДЕВШАЯ СВЕТ

Предисловие

В литературе есть своеобразный жанр находок. «Рукопись, найденная под кроватью», «рукопись, найденная в Сарагосе» – таковы заголовки, обозначающие этот жанр и фиксирующие вводимые в литературный оборот счастливые находки текстов.

Но вот ситуация реальная, а не выдуманная. Лев Фрухтман, поэт, публицист, переводчик и литературный критик, обнаружил неопубликованную и неоконченную повесть И. Бабеля «Еврейка». Он нашел ее отнюдь не под кроватью. Полвека она пролежала в домашнем архиве близких друзей Бабеля, а потом попала в рукописный отдел библиотеки имени Ленина. Фрухтман восстановил, отредактировал, прокомментировал текст и пытался в начале восьмидесятых годов прошлого века опубликовать его в толстых литературных журналах. Но безуспешно. Наконец, он перевел текст на идиш и напечатал его в 1987 году в сентябрьском номере журнала на идиш «Советише геймланд».

Шли годы. Лев Фрухтман переехал из Москвы в Израиль, где много и плодотворно работает в литературе, сотрудничая в том числе и в «Исрагео», интернет-журнале географического общества. Там он и опубликовал недавно «Еврейку» в оригинале, написанную по-русски.

Такова история прихода этой рукописи к современному читателю.

Теперь читатели "Времени и места" смогут познакомиться с повестью Бабеля в оригинале не в электронном, а в бумажном варианте.

I.

По закону старуха просидела семь дней на полу. Она встала на восьмой день и вышла на улицу в местечке. Погода была прекрасна. Перед домом стояло каштановое дерево с уже зажегшимися свечками. На нем расплылось солнце. Когда думаешь о недавних мертвецах в прекрасный летний день – жуть берет, бедствия кажутся беспощадными, безвыходными.

На старухе было черное шелковое старинное платье с тисненными черными цветами и шелковым «кружевом». Она оделась так для умершего своего мужа, чтобы соседи не подумали, что он и она жалки в смерти. В этом платье старая Эстер (Эрлих) пошла на кладбище.

Цветы, брошенные на могильный холм, свернулись. Она тронула их пальцами, они стали падать и ломаться. К Эстер подбежал кладбищенский завсегдатай Алтер.

– Панихиду, мадам?

Она раскрыла сумку. Медленно посчитала деньги, несколько серебряных денег, и отдала их Алтеру, торжественно молча. От ее молчания Алтеру стало /даже как-то/ не по себе. Он ушел на кривых ногах, тихонько разговаривая сам с собой. Солнце проводило его согбенную вылинявшую спину. Женщина осталась наедине с могилой. Ветер прошел по верхушкам деревьев и /всколыхнул/ их.

– Мне очень плохо без тебя, Маркус, – сказала маленькая старуха в шелковом платье, – нельзя тебе сказать, как мне плохо!..

Она просидела у могилы до полудня, сжимая в морщинистых руках осыпавшиеся цветы. Она сжимала пальцы до боли для того, чтобы отбиться от воспоминаний. Страшно вспоминать жене перед могильным холмом о тридцати пяти годах супружества, о днях и ночах совместной жизни.

Уничтоженная борьбой с воспоминаниями, она вечером поплелась в шелковом платье через нищее местечко

домой. На базарной площади лежали желтые лучи. Исковерканные старики и старухи продавали с лотков подсолнечное масло, увядший лук, рыбешку, ирисы для детей. У дома Эстер встретила пятнадцатилетняя дочь.

– Мама, – закричала девочка особым еврейским отчаянным женским голосом. – Ты не будешь нас мучить. Боря приехал...

Двигая пальцами, сын стоял в дверях – в военной форме, с орденами на груди. Сломанная старуха с /печальным лицом/ и лихорадочно /горевшими глазами/ остановилась.

– Как ты смел опоздать к постели своего отца?.. Как ты смел это ему сделать?..

Дети под руку ввели ее в комнату. Она села на скамейку, на ту самую, на которой просидела семь дней, и, глядя на сына в упор, стала терзать его рассказом о смерти отца. Рассказ этот был обстоятелен, в нем не было упущено /ничего, и главное / как звал отец умирая своего сына. Она /рассказывала, как/ стояла на коленях перед его постелью, /как/ сжимала в своих руках его руку. Отец отзывался слабым пожатием и произносил без отдыха имя своего сына. Выкатив сияющие глаза, он сначала /бормотал/ не отдыхая, произносил его имя – Борис, /и слово это/ жужжало в помертвевшей тишине, как жужжание веретена, – потом старик задохнулся. Он перевел хрипящее дыхание и прошептал: Боречка! Глаза его выкатились и он стал исходить воем и рычанием: Боречка!.. Старуха, согревающая его руки, сказала: «Я здесь, твой сын здесь». Рука умирающего налилась силой и /энергией/. Она стала /упругой/. Он начал /снова/ кричать это слово – Боречка – голосом таким, каким у него не было во всю его жизнь, и умер с этим словом на устах.

– Как смел ты опоздать? – сказала старуха сыну, сидевшему боком у стола.

Лампы не разжигали. Приехавший сидел во тьме, обливавшей /фигуру неподвижной старухи, которая/

тяжело, гневно дышала с полу. Борис поднялся, зацепив револьвером край стола, и вышел.

Полночи ходил он по еврейскому местечку, его родине... На реке дрожали чистые змеи /отражения звезд/. От избушек, стоявших на берегу, несло вонью. В синагоге, противостоявшей некогда бандам Хмельницкого, были взломаны трехсотлетние стены. Родина его кончалась. Часы столетия вызванивали конец беззащитной жизни. «Конец или возрождение?» спросил себя Борис. Сердце его так терзалось, что он не нашел в себе силы ответить на этот вопрос. Школа, где он учился, была разрушена атаманом Струком в 19-м году. В доме, где жила семья Н., помещалась теперь биржа труда. Он ходил мимо развалин, мимо кривых приземистых домов. Из подворотен полз дымок нищей вони – и /Борис, глядя на убогие дома, мысленно/ прощался с ними.

Дома ждали его сестра и мать. На столе кипел нечищенный самовар и валялся кусок синей курицы. Эстер пошла к нему на слабых ногах, прижалась и заплакала. Сквозь кофту, сквозь дряблую /материнскую/ кожу он чувствовал, как билось и улетало ее сердце — и /как отзывалось/ его сердце, – потому что они были одни и те же /плоть от плоти/. И запах сотрясающейся материнской плоти был так горек, так жалок, таким эрлиховским /родным/, что ему сделалось нестерпимо, невыразимо жалко /ее/ сердца. Старуха плакала, тряслась у его груди и двух орденов Красного знамени. Ордена были мокры от слез. Так началось ее выздоровление, /ее/ привычка к горю.

II

Наутро пришли родственники – остатки большой и старинной семьи. В семье этой были торговцы-авантюристы и робкие поэтические революционеры времен народовольчества. Тетка Бориса – фельдшерница, учившаяся /когда-то/ на 20 рублей/ в месяц в Париже,

/где/ слушала Жореса и де Геда. Дядька его был неудачливым и трогательным местечковым философом. Другие дядья были торговцами хлебом, коммивояжерами, лавочниками, теперь вышибленными из жизни, /какая-то/ толпа распавшихся и жалких людей, в /нелепых/ рыжих пальто и в распаренных галошах.

/Тетка/ еще рассказала Борису, как пухли ноги его отца, где образовались у него пролежни, кто бегал в аптеку за кислородом. Торговец хлебом, богатый когда-то человек, выгнанный теперь из своего дома и обвязывавший старые худые ноги солдатскими обмотками, отвел Бориса в сторону и, глядя на него мигающими глазами, /как бы/ ослепшими изнутри, рассказал (и сделал это для того, чтобы сблизиться с племянником), что он никогда не ожидал, чтобы у отца сохранилось такое чистое, гладкое тело, они смотрели, когда его обмывали, – он был строен и гладок как юноша... И /он/ подумал, что /всего отказал/ какой-то клапан где-то в сердце, /какая-то/ жила в один миллиметр... Дядька говорил это и думал, верно, что ведь и они с покойником рождены от одной матери и у него, верно, точь-в-точь такой же сердечный клапан, как у брата, умершего неделю тому назад...

На следующий день у Бориса, сначала робко, потом с содроганием давно сдерживаемого отчаяния, попросили рекомендации в профсоюз. Никого из Эрлихов из-за бывшего их положения не принимали в члены профсоюза. Жизнь их была невыразимо печальна – дома развалились и протекли, продано было все, даже платяные шкафы; на службу их не брали – плата за квартиру и воду высчитывалась с них как с людей не занимающихся трудом, кроме того они все были стары и больны ужасными болезнями как во всех полагающихся старых еврейских семьях.

/.../Он превозмог себя и пошел к председателю исполкома.

Председатель исполкома, петербургский рабочий, –

казалось, ждал его всю свою жизнь для того, чтобы рассказать, как тяжела, /как/ мрачна работа исполкома в этой бывшей проклятой, так называемой черте оседлости, как трудно воскресить эти местечки /Юго-/западного края, издыхающие на глазах /.../ и создать /здесь/ основы нового благополучия /.../

Несколько дней перед Борисом стояло кладбище его родного города и молящие глаза его дядьев, веселых когда-то, щеголеватых бывших коммивояжеров, мечтающих теперь о вступлении в профсоюз или на биржу труда.

Бабье лето сменилось осенью. Пошел слякотный местечковый дождь. Грязь с камнями катила как будто с горы. В передней было полно воды. Под скважины потолка подставили заржавленные миски и пасхальные кастрюли. Идя по передней надо было балансировать, чтобы не попасть ногой в миску.

– Едем, – сказал тогда матери Борис.

– Куда?

– В Москву, мама!

– Без нас в Москве мало евреев, что ли?

– Вздор, – сказал Борис, – нам нет дела до того, что болтают...

Сидя в своем углу в протекавшей передней, у окна, из которого видна была избитая мостовая и обвалившийся дом соседа, вот так сидя и обделяя душевной слезой и старческой страстью всех своих сестер и шуровьев, которым судьба не дала такого сына как у нее, – Эстер ждала, что рано или поздно они заговорят о Москве, и знала, что она сдастся. Но она сделала все для того, чтобы замучить себя и пропитать свою сдачу горем всей жизни. Она сказала, что ей смертельно грустно ехать одной без него, который так мечтал о Москве, так мечтал оставить проклятые богом места и прожить остаток жизни, от которой /уже/ ничего не хочешь, кроме покоя и радости, с сыном – в этом новом мире... И вот – он лежит всю ночь в

могиле, а она поедет в Москву, где, говорят, люди счастливы, веселы, бодры и полны планов и делают какие-то особенные дела.

Эстер сказала, что ей тяжело оставить все их могилы – отцов и дедов, раввинов и цадигов, талмудистов, покоящихся под традиционными серыми камнями. Она их больше не увидит – и как он, ее сын, ответит перед ней, когда ей придется умирать в чужой земле, среди невообразимо чужих людей... И потом — как простит она себе – если ей в Москве будет хорошо житься?..

/Искривленные увлажнившиеся пальцы ее старческих подагрических рук дрожали, когда Эстер высказывала, как нестерпимо ей быть счастливой в это время. На желтой ее груди страшно выступали и ходили жилы. В железную крышу стучался /меленький/ дождь.../ Во второй раз, с тех пор как приехал ее сын, — маленькая старая еврейка в местечковых туфлях заплакала. Она согласилась поехать в Москву, так как больше некуда было ехать и потому, что сын ее так был похож на мужа, что ей нельзя было оставить его /.../.

III

Больше всего споров было из-за вещей. Мать хотела взять все с собой, Борис настаивал на том, чтобы со всем развязаться, продавать. Но продавать в Кременце было некому, жителям было не до мебели, маклаки, похожие на погребальщиков, маклаки, неведомо откуда взявшиеся, похожие на пришельцев с того света, злобные люди, давали гроши. Маклаки имели в виду крестьян. Но тут помогли родственники. Опомнившись от первых душевных движений, они стали тащить к себе – кто что мог. И так как по душе своей они были честные и не мелочные люди, то зрелище этого глухого тасканья было особенно печальным.

Мать, растерявшись, /и/ покрывшись болезненным румянцем, пыталась было схватить чью-то руку, но /.../

/вдруг/ все поняла, в одно мгновение, и всему ужаснулась – и тому, что кому-то надо воспрепятствовать в таком мучительном /деле/ – и тому, что люди, с которыми она выросла, не помня себя, уносят шкафы и простыни из ее дому. Вещи были отправлены большой скоростью. Родственники, расплатившись, увязывали тюки. Они вдруг опомнились и, сидя на тюках, /поняли/, что они остаются в Кременце и никогда его не оставят. Старуха сунула-таки в тюки пуховый топчан и корыто для выварки белья.

– Ты увидишь, – сказала она сыну, – нам понадобится все это в Москве. И потом, нельзя, чтобы от шестидесяти лет жизни не оставалось ничего, кроме пепла в душе и слез, которые текут уже тогда, когда не хочешь плакать...

У старухи, когда отправляли вещи на вокзал, снова появились пятна во впадинах щек, и глаза заблестели настойчивым слепым страстным блеском. Она металась по оборванной, загрязненной квартире, /какая-то/ сила вела трясущееся старое плечо вдоль стен, с которых свисали рваные куски обоев.

Утром, в день отъезда Эстер повела детей на кладбище. На нем под талмудическими плитами, в провалах столетних дубов были похоронены еще раввины, убитые казаками Гонты и Хмельницкого. Старуха подошла к могиле мужа, вздрогнула и выпрямилась.

– Маркус, – сказала она /рвущимся голосом/, – твой сын везет меня в Москву... Твой сын не хочет, чтобы меня положили рядом с тобой...

Она не отводила глаз с поръжавшего холма с осыпавшейся ноздреватой землей, сын и дочь крепко держали ее за руки. Старуха тихонько падала вперед, качалась, прикрывала глаза. Сухие руки ее, отданные детям, напрягались, обливались потом /и/ слабели. Глаза ее все расширялись и пылали светом. Она вырвалась, упала в шелковой кофте своей на могилу и стала биться. Все тело ее содрогалось и только рука с жадной

нежностью, гладила желтую землю и шуршащие цветы.

– Твой сын, Маркус, – высокий голос оглашал еврейское кладбище, – везет меня в Москву... Попроси, Маркус, чтобы он был счастлив...

Она проводила кривыми путающими как при вязанье пальцами по земле, прикрывавшей мертвеца... но встала, когда сын дал ей руку. Борис шел по тропинке, прикрытой ветвями дубов, – и все существо его пылало и поднималось вверх от каменного давления слез на глазницу и горло. Он узнал вкус слез, которые никогда не уходят и остаются в /душе/. У ворот старуха остановилась. Она освободила свою руку, на которой пот возникал, как подземный источник, то кипящий, то мертвенно-холодный, – и помахала ею кладбищу и могиле, как будто они отплывали от нее.

– Прощай, мой друг, – сказала она тихо, не плача /и не содрогаясь/, – прощай!..

Так оставила семья Эрлихов свою родину.

IV

Борис повез свою семью в севастопольском экспрессе. Он взял билеты в мягкий вагон.

На станцию их вез знаменитый когда-то своим шутовством, присказками и громадными вороными лошадьми балагула Бойгин. Прежних лошадей у него уже не было, тарантас влекла гигантская грязно-белая кляча. Сам Бойгин постарел, его скрючил ревматизм.

– Смотри, Бойгин, – сказала маленькой круглой его спине Эстер, когда тарантас визжа подъезжал к станции, – я вернусь в будущем году. Ты должен быть здоров к этому времени...

Холмик на спине Бойгина сделался еще острее. Белая кляча ставила в грязь подагрические несгибающиеся ноги. Бойгин обернулся и показал вывороченные кровавые веки, кривой нос и пыльные пучки волос, лезшие из-под /дождевого/ мешка.

– Наверяд ли, мадам Эрлих, – и вдруг завопил: «С ярмарки /да/ с ярмарки домой...»

Мягкий вагон был переделан из бывших вагонов министерства. Эстер сквозь низкие зеркальные окна в последний раз увидела сбившуюся толпу родных, рыжее пальто, солдатские обмотки, косые тальмы – старых сестер с большими, уже ненужными грудями, шурина Самуила, бывшего коммивояжера, со вздутым перекошенным лицом, шурина Ефима, бывшего богача, в обмотках на сухих старческих бездомных ногах. Они толкались на перроне и что-то выкрикивали, когда поезд отошел. Сестра ее, Геня, единственная бежала за поездом...

/Он показы/вал ей Россию с такой гордостью и уверенностью, точно эта страна была им, Борисом Эрлихом, создана и ему принадлежала... Впрочем, до некоторой степени так это и было, во всем: и в международных вагонах, и в отстроенных сахарных заводах, и в восстановленных железнодорожных станциях была капля его меду, его, комиссара корпуса червонного казачества.

/В дорогу старуха опять надела свою шелковую кофту с тисненными цветами. Когда-то она надевала ее в синагогу – на Судный день и в Новый год. Она неловко ела поданную ей котлету, ела медленными глотками, крошки падали на ее колени, она вытирала их украдкой и боязливо оглядывалась по сторонам. Боязнь и робость были в ее взгляде с тех самых пор, когда они сели в тарантас Бойгина; красное дерево, фарфор и хрусталь нового ее жилища наполняли ее еще большим страхом./

Вечером он потребовал для всех белья и с детской гордостью показывал, как открывается синий свет на ночь, и сияя открыл секрет шкафчика из красного дерева. Шкафчик этот оказался умывальником – тут же в купе. Лежа в прохладных простынях, укачиваемая маслянистым качанием рессор, Эстер вглядывалась в синюю тьму

глазами, в которых не погас еще /интерес к жизни/ и, слушая дыхание сына – он вскрикивал и метался во сне – и ровное дыхание дочери, она думала: не может быть, чтобы кому-нибудь не пришлось заплатить за этот замок, залитый огнем люстр /и/ согреваемый сияющими медными трубами, /замок/, несущийся по России. Это была еврейская мысль. Она /уже/ не приходила Борису в голову.

Подъезжая к Москве, он все тревожился – получил ли Алешка Селиванов телеграмму и выехал ли на вокзал с машиной.

Алешка телеграмму получил и выехал с машиной. Машина эта была тридцатитысячный Паккард штаба. Она увезла Эрлихов в давно приготовленные Борисом комнаты на Остоженке. Алешка даже свез кое-какую мебель на квартиру своего товарища. И там – в двух комнатах – /было/ новое неисчерпаемое для /них/ наслаждение. Не давая опомниться матери, он водил ее на кухню с газовой плитой, в ванную с газовой колонкой, показывал холодильные шкафы. Комнаты были великолепны. Они составляли часть квартиры, зани/маемой/ до революции помощником московского генерал-губернатора. И таская мать по кухням, ванным и антресолям княжеской этой квартиры, Борис, сам того не сознавая, исполнял предназначение семитической своей крови.

Кладбище в /Кременце/, могила неудачливого, ничего не дождавшегося, его отца разбудили в нем ту могучую страсть семейственности, которой столько лет держался его народ. На тридцать третьем году /своей жизни/, повинувшись древним этим велениям, он ощутил себя сыном, и мужем, и братом – защитником женщин, их кормильцем, их опорой и ощутил это со страстью, с мучительным и упрямым сжатием сердца, свойственным его народу. Его мучила мысль – отец не дождался – и он хотел /за/гладить вину опоздания тем, что /вот теперь/

мать /и/ сестра перешли от отца в твердые руки и если им будет лучше в этих руках... – то /значит/ таков безжалостный ход жизни.

Борис Эрлих, студент Психоневрологического университета (Психоневрологического потому, что во всех других была процентная норма для евреев) проводил лето 17-го года у своих родных в местечке. Обходя пешком окрестные буйные села, он объяснял крестьянам основы большевистского учения. Этой пропаганде мешал горбатый нос Эрлиха, мешал, но не слишком – в 17-м году не до носов было.

В то же лето к бухгалтеру уездной земской управы приехал из Верхоянской ссылки сын Алеша. Отдыхая от тюрьмы, поглощая родительские настойки и вареники с вишнями – Алеша раскопал, что род Селивановых происходит от полковника Запорожской сечи Селивана. В бумагах /.../ он разыскал даже литографированный портрет своего предка в жупане с булавой, верхом на карточном коне. На портрете была выцветшая надпись на латыни – Алеша утверждал, что узнает руку украинского канцлера при Мазепе. Романтические эти изыскания сочетались в Алеше с принадлежностью к партии социалистов-революционеров. Перед глазами его всегда стояли образы Желябова, Кибальчича, Каляева.

В двадцать один год жизнь Алеши была полна. Юношескую ее страсть возмутил Эрлих, носатый студент университета со странным наименованием. Они сдружились, и Алеша сделался большевиком. О книгах и коммунистическом манифесте позаботился Эрлих. После переворота Алеша собрал своих местечковых друзей — девятнадцатилетнего еврея, механика из кино «Чары», другого еврея – кузнеца, неприкаянных нескольких унтер-офицеров и несколько ребят, вольницу из соседнего села. Он посадил их на коней и назвал отрядом, а самый отряд – повстанческим полком красных украинских казаков.

Унтер-офицера сделали начальником штаба, Бориса – комиссаром.

Так как в Алешкином полку дрались за правое дело и бойцы в нем жили дружно и гордо и ввали невесть что – то к отряду что ни день прибывали силы, и он, /отряд,/ испытал судьбу ручейков – из которых сложилась Красная Армия. Из полка стала бригада, из бригады дивизия; дрались с бандами, с Петлюрой, с добровольцами, с поляками. При полках были уже политотделы, корп/усные/ части, трибуналы и /чрезвычайные?/ комиссии.

Во врангелевскую кампанию Алешка вступил командиром корпуса. Ему было в это время 24 года. Иностранные газеты писали о Буденном и об Алексее, что они изобрели новую тактику и стратегию кавалерийской войны. Иностранные академии стали изучать молниеносные рейды Алексея Селиванова, слушатели академии решали тактические задачи, изучая операции корпуса украинских казаков. Вместе с ними изучали собственные свои операции Селиванов и бессменный его комиссар, посланные в Академию.

В Москве они образовали вместе с бывшим киномехаником и бывшим унтер-офицером коммуны. Как и в корпусе, честь и чувство товарищества – высоко, с мучительной страстью – держал Борис Эрлих... От того ли, что раса его так долго лишена была лучшего из человеческих свойств – дружбы в поле битвы, в бою – Борис испытывал потребность, голод к дружбе и товариществу.

/И чувство это было/ так болезненно, что в этом отношении его к дружбе можно было заметить болезненную горячность. И в этой горячности и рыцарственности, и самопожертвовании было то /облагораживающее/, что делало всегда конуру Бориса клубом «красных комиссаров».

Клуб это пышно расцвел, когда к столу вместо колбасы

МСПО и водки стала подаваться фаршированная рыба – в форме которой вся история проперченного этого народа. Вместо жестяного чайника появился самовар, привезенный из Кременца, и чай разливала старушечья успокоительная рука. Много лет Алексей Спиваков и бригадные командиры не видели старушки за самоваром. Эта перемена была им приятна. Как-никак – а лучше говорится о победе социализма, когда запиваешь эту надежду чаем...

Старой Эстер нашлось место в столице СССР. Старуха была кротка и боязлива, и тиха как мышь, а в фаршированной рыбе чувствовалась истинная с большим перцем страсть.

Поначалу из-за этой рыбы на /Остоженке/ сгустились тучи. /Дело в том, что/ жилища-профессорша /соседка/ сказала в кухне, что, благодарение богу, квартира совершенно провонялась. И действительно – с приездом Эрлихов душок чесноку, жареного луку /ощущался/ уже в передней...

На этом рукопись повести И.Бабеля «Еврейка» обрывается. К работе над этой вещью он, очевидно, больше никогда не возвращался.

Герои и прототипы

Проза Бабеля в контексте его времени

Неоконченная повесть или рассказ Бабеля, предлагаемый вниманию читателей журнала, несет в себе не только черты неповторимого стиля писателя, но и его восприятие времени. Умиряющее местечко, сын этого местечка – красный командир, герой Гражданской войны, который дружит с другим героем, потомком запорожских казаков, отъезд семьи после смерти отца в Москву, где герой поселяется вместе с матерью и сестрой в роскошной квартире на Остоженке... Сквозь все эти сюжетные коллизии и детали быта проступает окружение писателя и

вместе с тем восприятие им времени, национального прошлого и настоящего, свойственное не только Бабелю, но и его литературной среде.

И в связи с этим стоит вспомнить некоторые факты литературной жизни двадцатых годов прошлого века, когда был написан рассказ «Еврейка». Тогда же Эдуард Багрицкий написал поразительное по исповедальной силе и художественной точности стихотворение «Происхождение». С отвращением описывает он свое местечковое детство: «Еврейские павлины на обивке, еврейские скисающие сливки, костыль отца и матери чепец – все бормотало мне: – Подлец! Подлец!». Но изображению традиционного бунта романтической юности сопутствует подспудное осознание своих национальных духовных корней: «Меня учили: крыша – это крыша, груб табурет, убит подошвой пол. Ты должен видеть, понимать и слышать, на мир облокотиться, как на стол. А древоточца часовая точность, уже долбит подпорок бытие... Ну как, скажи, поверит в эту прочность еврейское неверие мое». Неверие поэта – еврейское.

Стремясь показать противоестественность мещанского существования, Багрицкий изображает опрокинутость мира, заставляя вспомнить сюрреалистические детали живописи своего современника, такого же, как и он, сына еврейского местечка Марка Шагала.

И, конечно же, в финале еврейское мещанство вышвыривает за дверь лирического героя стихотворения: «Отверженный! Возьми свой скарб убогий. Проклятье и презренье! Уходи! Я покидаю старую кровать: – Уйти? Уйду! Тем лучше! Наплевать!»

В русскоязычной литературе двадцатых годов тема разрыва с патриархальным прошлым была доминирующей как в творчестве писателей русского происхождения, так и в особенности евреев. Иосиф Уткин в поэме «Повесть о рыжем Мотеле», довольно точно воспроизводя в русской речи идишистские интонации,

повествует о еврейском портном, который стал комиссаром.

Михаил Светлов, чей своеобразный печальный юмор и мягкий лиризм имеют в своей основе ту же идишитскую традицию, в поэме «Хлеб» рассказывает о лавочнике Самуиле Либерзоне, который братается с погромщиком Игнатом Можаяевым. У обоих погибли в Красной армии сыновья. И прозревший, перевоспитавшийся, постаревший Игнат говорит: «Извиняюсь, Либерзон, за ошибку свою извиняюсь! За изнасилование дочерей, за разбитые ящики вашего комода я очень извиняюсь, товарищ еврей, бывшая жидовская морда». Самуил принимает извинения врага, так как, говоря словами Светлова, «извиниться перед евреем, значит стать его лучшим другом».

Тема забвения исторической розни, объединения в общей советской семье и происходящей в процессе такого рода объединения ассимиляции на базе русской культуры, проходят через творчество многих русских писателей еврейского происхождения. Дается такое отрицание своего национального прошлого им просто, весело, как-то беспамятно, разве что мелькнет иногда элегическая нотка, обладающая подчас страшноватым подтекстом: «Оттого ли, что жизнь моя отдана, – пишет молодой Светлов, – дням беспамятства и борьбы, мне не имевшему родины, родину легче забыть».

Вернемся, однако, к Бабелю. Для понимания текста и подтекстов «Еврейки» нам важны не только детали времени, но и прототипы героев этого произведения, легко угадываемые исследователями творчества писателя. Вот главный герой Борис Эрлих – красный командир, герой Гражданской войны, комдив, награжденный двумя орденами Красного знамени. Здесь угадывается друг Бабеля, колоритнейшая фигура того времени Дмитрий Аркадьевич Шмидт, он же Давид Аронович Гутман. Шмидтом он стал, вступив незадолго перед революцией в

большевистскую партию, где ему дали партийную кличку в честь героя революции пятого года лейтенанта Шмидта. А почему – Дмитрий Аркадьевич? Видимо, по отдаленному созвучию с родовым именем-отчеством – Давид Аронович.

Но биография у этого сына сапожника из украинского городка Прилуки сложилась невероятная. Отправившись восемнадцатилетним солдатом на Первую мировую, он дослужился до прапорщика, что для молодого местечкового еврея казалось необычным, так еще и полный бант георгиевских крестов получил.

Организуя Советскую власть в родных Прилуках, был расстрелян, но, видно, не дострелян, так как, будучи раненым, уцелел. Дальше – партизанский отряд, превратившийся под его командованием в кавалерийскую часть – полк, затем дивизию, входившую в корпус червоного (сиречь красного) казачества, которым командовал друг всей его последующей жизни Виталий Примаков.

Узнаете дружбу героя «Еврейки» Бориса Эрлиха и Алеши Селиванова, которого Бабель вдруг где-то, видимо, по случайной описке называет Спиваковым, что так близко к Примакову? Оба этих лихих кавалерийских командира тянулись к литературе, дружили с писателями, а Примаков к тому же был женат на музе Маяковского Лиле Брик. Память о гражданской войне выражалась для них, помимо всего прочего, и в преклонении перед Троцким, военным лидером в этой войне.

И не случайно Шмидт, будучи человеком страстным и импульсивным, в 1927 г., взбешенный решением об исключении своего кумира из партии, примчался в Москву на XV съезд партии. В перерыве между заседаниями он отыскал Сталина и, выругавшись, публично пригрозил: «Смотри, Коба, уши отрежу!» Сталин стерпел оскорбление и даже позволил Шмидту продолжать служить в армии. Но в 1936 г. Шмидт был

арестован первым из высших армейских командиров и после года пыток, сломленным, умолявшим о пощаде, расстрелян. А в 1937-м вслед за ним последовали все участники «заговора Тухачевского» и в том числе Виталий Примаков. А еще два года спустя, в 1939-м в эту кровавую мельницу попал и сам Бабель с тем, чтобы разделить участь своих друзей.

Такая вот прототипическая подоплека у этого неоконченного рассказа со скромным названием «Еврейка».

Михаил Румер-Зараев – бывший москвич, ныне живет в Берлине. Член Союза писателей Москвы. Работал в различных газетах и журналах: “Московской правде”, “Сельской жизни”, “Огоньке”, “Веке”. Его перу принадлежат нескольких документальных книг. Публикует прозу и публицистику в ряде российских литературных журналов.

Михаил Румер-Зараев – член редколлегии журнала “Время и место” и наш постоянный автор.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

СПАСИБО

жизнь? и ладно – и живы покуда
смерть? и значит – законный удел
я спокоен – вот счастье и чудо –
не Иуда – и что-то успел

я обегал полмира – так заяц
обегают нечастый лесок
я любил гениальных красавиц
я воспитывал Настю как мог

хоть бывало я нес разный бред – но
вел за правду – надеюсь – бои
и – молился – молился усердно
дабы смыть прегрешенья свои

1992

Женева

КЛЕН

блаженство-счастье-благодать –
рот – на замок – лежать молчать

не вспоминая о фейсбуке
где могут укусить гадюки

блаженство-счастье-благодать –
клен как товарища обнять

чай заварить в доме казенном
и восхищаться стойким кленом

2014

Переделкино

САМ ПО СЕБЕ

Я знаю, я знаю – большая вина
На мне – я стою на краю.
Да, я состою из воды и говна,
Но в партиях не состою.

Я сам по себе, я стою на своем.
Я помню и зной, и пургу.
И думать о бизнесе вашем гнилом,
Политики, я не могу.

2014

Москва

и снова брат идёт на брата
горят степные ковыли
душа персоною нон-грата
летит с обугленной земли

хандрит Майдан скорбит Мтацминда
и новый рок берёт разбег
и улыбается ехидно
какой-то странный имярек

2005

Киев

ЗАТМЕНИЕ

Руины – смысла – Украины
Любви – спасения – руины

2014

ПАМЯТИ МЕЖИРОВА

хорошо здесь – на даче – мы спим
улыбаясь – а там – недалече
артиллерия

бьет
по своим
и своих убивает-калечит

мы поедем – наверное – в Крым
а пока – о мой праведный Боже –
артиллерия
бьет
по своим
и – по мне – получается – тоже
31.05.2014

КРЫМ
бывший друг – так нередко случается – враг
не кончается свара меж наций
и печальная рифма Карабах – Карадаг
прозорливей победных реляций
2014
Берлин

СНЫ
эти сны и просты и невинны
снится море – а море не врет
и на скрипках играют дельфины
и поет о любви кашалот
2014

ПРАВДА ЖИЗНИ
Ведя священную войну,
Я вряд ли победил в войне.
Ногой ударив по говну,
Я оказался сам в говне.
2014
Замоскворечье

ВЕЧНАЯ ИСТИНА

тихо ветшает тело
страсть сожжена дотла
если бы юность умела
если бы старость могла

2014

Москва

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

гибельно-глобальной фирмы винтики
бизнес под прикрытием политики

лозунги красивые как фантики
фюреров истошные фанатики

козероги ставшие кентаврами
бездари увенчанные лаврами

гении как водится в изгнании
письма неба ставшие желаннее

ИЗДАТЕЛЬ

жил человек творил пахал
пахал как лошадь в мыле
за то что издавал журнал
его гнобили

не то печатаешь не тех —
долбали словесами
он отвечал скрывая смех:
да сами мы с усами

он отвечал: ценней наград
издательское бремя

лет через сорок-пятьдесят
всех нас рассудит время

2014

Берлин

ПИСЬМО

рвете дружеские нити
не идете на контакт

не хотите – как хотите
значит – так

не хочу по фене ботать
комментировать фейсбук

кто-то должен и работать
будьте счастливы мой друг
2014

Евгений Степанов – литератор, лингвист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Стихи печатались в журналах «Юность», «Звезда», «Дружба народов», «Арион», «Юность», «Интерпоэзия», «Новый берег», «День и Ночь», «Дон», «Крещатик», «Слово», в альманахах «Поэзия» и «День поэзии», в газетах «Московский комсомолец», «Труд», «Литературная газета» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии. Живет и работает в Москве. Главный редактор журнала поэзии «Дети Ра» и портала «Читальный зал», президент Союза писателей XXI века. Лауреат премии имени А. Дельвига.

ЮРИЙ ОКУНЕВ

НЕКТО РОЗИНЕР

Окончание. Начало в номере 3 (31)

Еврейская тема звучит в романе мягко, приглушенно, чаще – отдаленно, лишь в редких случаях выдвигаясь на передний план и никогда не доминируя в его сюжетных коллизиях. Розинер отнюдь не педалирует эту тему, а, скорее, подает ее незначительной составляющей противостояния интеллигенции и власти, как некую своеобразную российскую приправу к этому противостоянию. В компании русских интеллигентов, к которой примыкает Финкельмайер, вообще не интересуются национальностью своих единомышленников – здесь всё понимают, но как бы считают ниже своего достоинства реагировать на исходящие от режима антисемитские благоглупости.

Именно к такому заключению, по-видимому, придет современный читатель романа «Некто Финкельмайер». Однако те, кому довелось прочитать роман при Советской власти в Самиздате или Тамиздате, те, кому пришлось тайно листать эти страницы, приглушив настольную лампу, задвинув занавески на окне и заперев двери, те воспринимали это отнюдь не так просто и не столь ламинарно. Уже само имя главного героя романа – Аарон-Хаим Менделевич Финкельмайер – было в те годы дерзким вызовом гнусной системе советского государственного антисемитизма, о котором все знали, что он есть, но обязаны были делать вид, что его нет. Образ гениального русского поэта с таким длинным еврейским именем – это было подобно террористическому акту в чинной гостиной советского социалистического реализма с его лицемерной «дружбой народов», это было

подобно матерному ругательству в добропорядочном обществе...

Да, да – не удивляйтесь, юные читатели из XXI века, именно матерным ругательством. Писатель Юрий Нагибин, вспоминая те времена, говорил, что слово «жид» стало таким же заветным, как и другое трехбуквенное *«самое любимое слово русского народа»: «Два заветных трехбуквенных слова да боевой клич – родимое «... твою мать» – объединяют разбросанное по огромному пространству население...»* Поэт Иосиф Бродский, живший в СССР во времена Феликса Розинера, еще более определенно утверждал (цитирую по очерку Юрия Солодкина – Ю.О.): *«В печатном русском языке слово "еврей" встречалось так же редко, как "пресущствление" или "агорафобия". Вообще, по своему статусу оно близко к матерному слову или названию венерической болезни».* Собственно говоря, бывшие советские люди старшего поколения хорошо помнят – все избегали произносить слово «еврей». Это слово в частных разговорах подчас заменяли на «француз»: «Он из французов?» – спрашивали о человеке с еврейской внешностью, и все всё понимали.

Феликс Розинер, насколько я помню, первым нарушил эту языковую традицию, присвоив своему главному герою имя, отчество и фамилию, имевшие в советской языковой практике, по словам Иосифа Бродского, статус, близкий к матерно-венерическому. Даже Василий Гроссман, впервые в советской литературе мощно поднявший тему совгосантисемитизма, не решился на подобное – он назвал одного из главных героев романа «Жизнь и судьба», гениального физика еврейского происхождения, достаточно нейтрально – Виктор Павлович Штрум. Феликс Розинер решился! Он писал в стиле кафкианского абсурдизма, и он решился...

Людмила Штерн в очерке о еврействе Иосифа Бродского заметила: *«Только евреи знают, как “неуютно”*

было быть евреем в Советском Союзе». Неуютность эту герой Феликса Розинера познал сполна – со сталинских времен в коммунальном доме-сараяе на окраине Москвы до времен брежневских в сибирском ссыльном лагере. Неуютность эта не раз оборачивалась тяжелыми ударами, которые, однако, Финкельмайер задним числом излагает с мягким юмором – для него советский госантисемитизм есть нечто вроде своеобразного природного явления, подобного промозглой дождливой погоде, явления, которое следует воспринимать как неизбежную заданность, а не злой людской умысел.

Директор школы, милейший Сидор Николаевич, лишает его Золотой медали по причине указания из районо, что мол, *«три золотых у Штерна, Певзнера и этого... как там?... Финкельмайера...»*, и *«мы столько пропустить не можем, одного снимаем.»* Затем Финкельмайера не принимают в МВТУ, поставив ему тройку за незаурядное сочинение по «Евгению Онегину», которого он знал наизусть от первой до последней строчки. Какие известные до боли ситуации, какой «знакомый до слез» выверенный событийный ряд!

Служба Финкельмайера в советской армии, с многочисленными приключениями из-за его *«еврейской рожки»*, описана в романе с сатирическим блеском на уровне «Приключений бравого солдата Швейка» или «Жизни и необыкновенных приключений солдата Ивана Чонкина». Приключения солдата Аарона-Хаима Финкельмайера, прославившегося сочинением военного марша «Знамя полковое» и популярных броских, ловко рифмованных лозунгов для солдатских сортиров, завершаются блестящей сатирической сценой в издательстве Военной литературы! Сотрудники издательства предупредили, что «А. Ефимов» – псевдоним автора, но это ничуть не уменьшило *«силу удара, который испытали редактора, увидев»* его самого:

«Они согласились бы, чтобы у автора оказалась любая невозможнейшая внешность – хоть одноглазого пирата с кинжалом за поясом, хоть бармалея или старца в чалме, но такого длинноносого верзилу – еврея... Пусть за псевдонимом А.Ефимов стоял тысяча первый Иванов; пусть какой-нибудь неблагозвучный Говнюков; пусть бывший граф Толстой или пусть советским военным поэтом стал последний из князей Болдыревых; но военный поэт – Шапиро? Эпштейн? Рубинштейн?!...

– Как у вас настоящая фамилия будет?...

– Рядовой Финкельмайер, товарищ майор!

Наступившая тишина была столь длительной, что девочка-секретарша, соскучившись, начала редко-редко стучать по клавишам машинки».

Когда роман «Некто Финкельмайер» был наконец опубликован, в официальной гостинной советской литературы наступила очень длительная тишина, прерываемая отнюдь не постукиванием девочки-секретарши по клавишам машинки, а зубным скрежетом тех, кто когда-то мог одним мановением мизинца отлучить от литературы и задвинуть в темный угол забвения всех этих финкельмайеров...

Я привык с некоторой опаской ждать финала произведения, которое мне поначалу понравилось. Многие неплохие романы начинаются с великолепной завязки, быстро набирают драматические обороты, но затем... теряют темп, обрывают мелодию и завершаются невыразительным, скучным финалом, оставляющем читателя в недоумении – а зачем это вообще надо было читать...

Роман «Некто Финкельмайер» развивается по нарастающей, держит читателя в напряжении до последней страницы, ни на йоту не теряет набранной высоты. Читатель нетерпеливо ждет развязки, едва

сдерживаясь, чтобы не заглянуть в конец, он понимает – так просто, тихо и мирно эта история завершиться не может. И действительно, в сюжете наступает крещендо – страшная, нелепая, но вполне predetermined гибель главных героев.

Поэт умирает от мстительного выстрела Охотника, вознесенного Поэтом на вершину чиновничьей карьеры и литературной славы. Убитый Поэт тонет в далекой сибирской реке накануне своего освобождения, и его мечта о возрождении и маленьком кусочке счастья с любимой женщиной тонет вместе с ним в мерзлой воде – нет Поэту места в этом мире зла, и никогда не удастся ему вписаться в эту бесчеловечную систему, как бы он ни старался подладиться под нее. Пьяный в хлам, счастливый Охотник замерзает под вой сибирской пурги, превращается в снежный холм вместе со своими мечтами о возвращении в естественное состояние простого охотника за пушиной. Вознесенный поначалу на партийно-литературный Олимп, а затем грубо сброшенный с него, он «отомстил» Поэту, но и ему, Охотнику, нет места в этом мире, и ему тоже не удалось вписаться в эту чудовищную систему, несмотря на все старания подладиться под нее...

Вслед за крещендо финала следует раздумчивый и неспешный эпилог со своим мощным пророческим завершением: постаревший интеллектуал и тонкий знаток поэзии Леонид Никольский *«в подвале стоит в длинной очереди за водкой; а высоко на восьмом этаже в его комнате»* сын погибшего в советской ссылке Аарона-Хаима Финкельмайера читает неопубликованные стихи своего гениального отца. Юный Финкельмайер твердо решил уехать в Америку – *«Я... здесь жить не буду... Я не привык, понимаете? И знаю, что не привыкну. Тем более, теперь ведь все равно нет никого – ни матери и ни отца...»*

Таков финал этого творения Феликса Розинера – романа о жизни и судьбе интеллигенции в тоталитарном обществе...

В посвящении к первому изданию романа «Некто Финкельмайер» 1981-го года автор писал: «Говорят, что, создав своего героя, автор поневоле повторяет выдуманную им судьбу. Так ли это или нет, но однажды будто кто-то подтолкнул меня: я сделал шаг, за которым стояла эта судьба. До сих пор не знаю, что спасло меня тогда. Но я знаю тех – и их много, близких моих друзей, и друзей мне мало знакомых, – кто спасали роман от почти неминуемой гибели.»

История спасения романа известна, а автора, смеем предположить, спасла от неминуемой гибели эмиграция в 1978 году в Израиль, еще до публикации романа на Западе. Тем не менее, Феликс Розинер, как это видно из посвящения, несомненно ощущал бремя судьбы выдуманного им Аарона Финкельмайера – в этом мире личности столь мощного, «обременительного» таланта редко награждаются безоблачным благополучием. Феликс Розинер прожил в Израиле до 1985 года, затем переехал в Бостон, США, где скончался в 1997 году в возрасте 60 лет.

Мне удалось поговорить о писателе с людьми, близко знавшими его по Москве, Тель-Авиву и Бостону. Их бесценные воспоминания создают портрет этого выдающегося человека, а некоторые штрихи к портрету писателя имеют прямое отношение к теме данного очерка. Азарий Мессерер описывает Феликса Розинера как универсальную творческую личность наподобие титанов эпохи Возрождения: «С Феликсом мы дружили в течение многих лет. Это был человек самых разнообразных талантов: прекрасный инженер, тонкий музыкант и музыковед, написавший книги о Григе, Прокофьеве и Файере, бард, сочинивший много прекрасных песен, поэт,

опубликовавший несколько сборников стихов, и, конечно, выдающийся писатель. Он также прекрасно разбирался в живописи и написал несколько книг о Чюрленисе...

В последние годы – а умер он очень рано, долгое время страдал от лимфомы – Феликс писал многотомную «Энциклопедию Советской цивилизации» о реалиях ушедшей советской жизни, включавшую словарь советских терминов, культуру, идеологию холодной войны и многое другое. Главы печатались в "Новом русском слове"... Феликс закончил эту работу, но просрочил представление рукописи в издательство, и американское издательство, почему-то воспользовавшись такой формальностью, отменило договор. К сожалению, Татьяна, жена Феликса, не сумела завершить издание этого уникального труда. Она умерла несколько лет назад. Сейчас этот труд был бы очень актуальным.»

Раиса Сильвер знала Феликса и его семью еще по Москве 60-х годов – во времена действия будущего романа «Некто Финкельмайер» и за десять лет до его написания.

Она вспоминает: «Я познакомилась с Феликсом в начале 60-х в московском литобъединении «Знамя строителей». Это был замечательный клуб, где собирались интеллигентные ребята, а руководил нами известный поэт Эдмунд Иодковский. Потом из клуба вышло немало известных писателей и поэтов, но тогда выделялись несколько человек, аристократия – среди них, конечно, Розинер. Феликс был приятным, немножко насмешливым и весьма ироничным в разговоре молодым человеком лет двадцати пяти. Как-то мы вышли из клуба вместе – неожиданно выяснилось, что живем мы буквально в соседних домах на далекой окраине Москвы в поселке ЗИЛ (это теперь район вблизи станции метро «Каховская»). В этом рабочем поселке наши семьи были едва ли не единственными евреями. Поселок тогда

застраивался унылыми пятиэтажками, «хрущевками». В одной из них, в двухкомнатной квартирке жил Феликс с женой Людмилой и маленьким сыном Володей. Феликс и Людмила окончили Московский полиграфический институт и работали инженерами. Жили они скромно, пожалуй, даже скудно, как и все инженеры тех времен – нищенская зарплата, шестидневная рабочая неделя, поездки на работу в переполненных трамваях и автобусах, домашние заботы...

Я бывала у них, иногда мы вместе справляли праздники, дни рождения. Припоминаю, что Феликс любил и хорошо знал музыку, неплохо играл на скрипке – позднее он оставил инженерную работу и переквалифицировался в музыкального критика. В доме Феликса собирались интересные люди – вероятно, это был прообраз Прибежища, описанного в «Финкельмайере». Наверное, некоторые из частых посетителей дома Розинеров послужили прообразом персонажей будущего романа. Например, среди друзей Феликса был Борис Николаевич Симолин – русский интеллигент с аристократическими манерами, эрудит, преподававший в ГИТИСе и широко известный в актерских кругах. Нельзя не заметить его черт в Леопольде Михайловиче – друге Финкельмайера и лидере кружка московских диссидентов из романа Розинера... Феликс был легок на подъем, любил путешествовать, узнавать что-то новое... Я общалась с Феликсом в Москве вплоть до его ухода из семьи и переезда ко второй жене – Татьяне. С Людмилой мы потом встречались в Израиле, но это, как говорят, уже совсем другая история...»

Раиса Сильвер так же, как и Азарий Мессерер, подчеркивает необыкновенную, многоплановую одаренность Феликса Розинера. Она, вместе с тем, припоминает его внутреннюю замкнутость, которая при внешней доброжелательной общительности создавала ощущение нераскрываемой тайны. Раиса считает, что

некоторые черты личности Арона Финкельмайера являются производными от этой тайны автора.

Людмила Левит, первая жена писателя, живущая ныне в Реховоте в Израиле, дополняет рассказ Раисы Сильвер о временах вызревания и создания романа «Некто Финкельмайер»:

«Почти все 60-е годы – с 1962-го, когда родился Володя, и до 1969-го, когда мы с Феликсом расстались, – мы жили на окраине Москвы, которая тогда называлась “поселок ЗИЛ”.

К этому времени относится основное действие романа, но тогда его замысла еще не было, хотя, наверное, в голове Феликса накапливался нужный материал, ведь у нас в квартире часто собирались очень интересные люди – наши друзья. Думаю, однако, что прообразом Прибежища являются, скорее, не сборища у нас дома, а регулярные встречи молодых еще не печатавшихся поэтов у Бориса Николаевича Симолина на Арбате. Борис Николаевич был искусствоведом, преподавал не только в ГИТИСе, но и в театральных училищах – Щукинском и МХАТа. Он оказал на Феликса очень сильное влияние, а герой романа Леопольд Михайлович – точный портрет Бориса Николаевича. Где-то в 1973-74 годах мне довелось быть кем-то вроде издательского корректора романа «Некто Финкельмайер»: Феликс передавал мне машинописную рукопись, а я со всем тщанием выискивала описки, знаки препинания и т.п.

Мы с Феликсом всегда, и в Москве после его ухода, и здесь в Израиле, поддерживали добрые, дружеские отношения, сохранившиеся после того, как ушли другие, и мы старались, чтобы у сына всегда оставались и мать, и отец.»

Людмила не согласна с характеристикой Феликса, как замкнутого человека. Напротив, она вспоминает, что он был достаточно открытым и общительным – *«у него было*

очень много друзей, он не был замкнуто-самодостаточным, а, наоборот, очень нуждался в постоянном общении с людьми».

Илан (Владимир) Розинер, сын писателя, служил офицером в Армии обороны Израиля, а ныне живет в Тель-Авиве и работает научным сотрудником Бар-Иланского университета в области социальной психологии. Сведения о жизни Феликса Розинера в Израиле я почерпнул, в основном, из его рассказов. Феликс работал в Израиле главным редактором русскоязычного издательства религиозной литературы, сочинял и издавал стихи и рассказы, вместе с сыном подготовил и опубликовал иврито-русский разговорник. Там же он написал одну из знаковых работ – художественно-документальное исследование о семи поколениях своей семьи под названием «Серебряная цепочка».

Марина Хазанова позднее, уже в бостонский период, вспоминала: *«Почти все наши... разговоры с Феликсом сворачивают к серебряной цепочке»* – писатель присваивал этой работе и ее теме концептуальный статус. Феликс с женой жили в пригороде Тель-Авива, были материально обустроены – Татьяна работала в крупной фирме в области прикладной математики. Тем не менее, далеко не всё в Израиле нравилось Феликсу Розинеру, о чем определенно указывает в своих воспоминаниях Азарий Мессерер. Это, а еще более – отъезд Розинеров в США, породили такую точку зрения, что, мол, Розинер со своим масштабом просто «не вписался в израильскую жизнь». Вероятно, в этом есть доля истины, но Илан не вполне согласен с таким мнением.

«Отец воспринимал видные ему недостатки израильской действительности без всякого надрыва или трагизма. Он считал своей главной целью – уехать из СССР, избавиться от тирании, и поэтому искренне ценил, что Израиль дал

ему такую возможность. Более того, он здесь был счастлив, обретя наконец-то свободу. Переезд отца в США был вызван совсем другими причинами, главная из которых – это, конечно, болезнь, которая хотя и была остановлена в 1985 году, но могла проявить себя снова в любой момент. Врачи рекомендовали ему сменить климат и пройти в Америке курс профилактики, которого тогда еще не было в Израиле. Конечно, обещанная работа в Гарварде тоже сыграла роль...»

Лиза Шукель (Синофф), близкий друг и соседка Феликса Розинера по двухсемейному дому в бостонском пригороде Ньютоне, рассказывает, что в Бостоне Феликс одно время читал лекции по русской культуре на летнем Русском отделении Бостонского университета. Он также сотрудничал с Русским отделением Гарвардского университета, где его очень ценили, но он не стремился стать штатным сотрудником и никогда им не был. Феликс отличался, по ее воспоминаниям, аккуратностью и даже методичностью во всем, что касалось его литературной работы – незадолго до смерти он тщательно упаковал свои материалы и их электронные копии в картонные коробки с намерением сдать их в архив Русского отделения Массачусетского университета в городе Амхерст¹.

Я спросил у Лизы, тесно общавшейся с Феликсом в последние 11 лет его жизни, был ли он похож на своего героя Арона Финкельмайера? Она ответила с

¹ Илан Розинер подтвердил, что материалы Феликса Розинера хранятся в упомянутом архиве, их профессионально обработал штат архива во главе с проф. Стэнли Рабиновичем, хорошо знавшим писателя. Полный список материалов можно найти на вебсайте <https://www.amherst.edu/system/files/media/1942/Roziner%252520Finding%252520aid.pdf>

удивительной проникновенностью: «Нет, он скорее походил на Леонида Никольского по своему характеру и отношению к жизни. Как и Никольский, Феликс был большим жизнелюбом с эдакой хулиганской жилкой, он не боялся нарушать правила, если они мешали ему. С другой стороны, по взглядам на искусство, по представлениям о связи автора со своим творением, он приближался к Финкельмайеру и, особенно, – к философии наставника Финкельмайера Леопольда Михайловича. Так что, можно сказать, Феликс был личностью, сочетавшей в себе и Никольского и Финкельмайера....»

Вообще же, он был человеком необыкновенным... В нем удивительным образом совмещались общительность и застенчивость, в компаниях он отнюдь не старался выделиться, но, тем не менее, притягивал к себе общее внимание. Его интерес ко всему в жизни был непомерным. Уже тяжело больным, Феликс поехал со мной в путешествие по Испании – перед смертью он хотел увидеть все... Он говорил мне: «Я не боюсь смерти, я был в Москве – теперь меня там нет, я был в Израиле – теперь меня там тоже нет, я был в Бостоне – меня и там не будет... »

Марина Хазанова вспоминает, что с первой же встречи в Бостоне на домашнем литературном семинаре *«Феликс привлек сразу всем: мягкой манерой держаться, милой улыбкой, интеллигентным чтением»*. Марина написала трогательно теплый очерк о встречах с Феликсом. Вот пронзительные строки из этого очерка, посвященные последним творческим усилиям смертельно больного писателя:

«В середине лета 96-го Феликс попросил меня организовать в Бостонском университете литературно-музыкальный вечер, посвященный его шестидесятилетию. Я не спрашивала ничего, только подумала: “Господи!...”

Опять поэт будет говорить нам свое последнее прости”. Я сказала: “Да”, повесила трубку и заплакала. Другой раз мы говорили о сроках. Я думала о ноябре-декабре, Феликс спокойно возразил: “Будет поздно. Надо пораньше”. Всю программу вечера Феликс подготовил сам... попросил меня вести вечер, строго предупредив: «Никаких славословий в мой адрес...»

Марина внезапно прерывает свой рассказ о последних месяцах жизни Феликса, словно не в состоянии сдержать свои эмоции:

«У Феликса получалось в жизни, что он задумал. Его любили читатели, любили женщины, любили старики. Каждый за свое, но чаще всего все за одно и то же: за талант, за деликатность».

Писатель скончался примерно через полгода после своего юбилейного вечера в Бостонском университете. Была весна 1997 года, жена Феликса Татьяна и его сын Илан неотлучно находились с ним в одной из бостонских больниц вплоть до конца... Илан вспоминает: «Отец чувствовал себя плохо, был очень слаб, но и за несколько дней до смерти, зная, что они – последние, не терял самообладания и присущего ему ироничного и в то же время доброго отношения к происходящему. В эти дни он продолжал работать на своем ноутбуке. Двенадцать лет он жил под знаком конкретной возможности быстрой смерти (рак возвращался семь раз), но никак не давал этому определять свою жизнь до последнего момента».

Феликс Розинер похоронен на старинном кладбище MountAuburn в Кембридже в роскошном парке, на высоком холме, с которого открывается вид на озеро. На этом же кладбище среди многих знаменитых американцев похоронен великий поэт Генри Лонгфелло...

EXCELSIOR

Вот такой удивительный, людскому воображению недоступный виток истории мировой литературы: великий американский поэт Генри Вудсворт Лонгфелло английского происхождения – прямой потомок пилигримов, прибывших в эти края на паруснике «Мэйфлауэр», и выдающийся русский писатель Феликс Яковлевич Розинер еврейского происхождения – прямой потомок знаменитого средневекового раввинского рода из итальянской Падуи, закончили свою земную жизнь здесь, на кладбище в Кембридже... Два человека – такие непохожие, две судьбы – такие разные, два гения – как всегда уникальные и неповторимые, но одинаково непостижимые для окружающего мира. Оба они шли «навстречу туманному будущему без страха, с мужественным сердцем», а когда пришел час каждого,

Рука сжимала стяг, застыв,

И тот же был на нем призыв:

Excelsior!

Другой не менее удивительный виток во времени и пространстве нарисовала то ли слепая историческая судьба, то ли рука самого Провидения – это путь Феликса Розинера от предков к потомкам.

Азарий Мессерер рассказал потрясающую, окутанную легендами, историю предков семьи Розинеров, достойную шекспировских драм. Эта история основана на его собственных изысканиях а также на кропотливых исследованиях исторических документов и семейных архивов сыном Феликса Розинера Иланом. Мы приводим здесь лишь ее краткую хроникальную канву с некоторыми собственными добавлениями.

Вглядываясь в бездонный колодец прошлого еврейского народа, можно предположить, что далекие предки Розинера были изгнаны со своей родины еще римлянами, разрушившими Иерусалимский Храм. С одной из волн еврейской эмиграции из Палестины они двинулись в

страны северного Средиземноморья, оседая по дороге в Италии, на юге Франции и в германских землях.

В раннем средневековье предки Розинеров оказались в немецком городе Katzenelnbogen в прирейнской области вблизи Майнца, где располагалась значительная ашкеназийская община; отсюда и пошла первая родовая фамилия их предков – Каценелинбойген. Согласно «Еврейской энциклопедии» Брокгауза и Ефрона, король Людовик Баварский разрешил евреям селиться в Каценелинбогене в 1330 году. По-видимому, евреи недолго наслаждались здесь германским гостеприимством – разразившиеся вскоре жесточайшие преследования, связанные отчасти с эпидемией чумы в Европе, вынудили их мигрировать на Восток и Юг.

В конце XV века мы застаем первого носителя фамилии Каценелинбойген в Италии – им был Меир бен Ицхак Каценелинбойген (1482-1562), знаменитый талмудист, главный раввин и руководитель ешивы этого города и по совместительству раввин Венеции, вошедший в историю под именем Меир из Падуи. Меир был женат на дочери другого известного талмудиста и философа Иегуды Минца, тоже эмигрировавшего из Германии. Сын Меира и дочери Иегуды стал наследником раввинской должности в Падуе – его звали Самуэль Каценелинбойген. Самуэль был уважаемым в Италии раввином и меценатом, которого среди прочих знаменитостей посещал литовский князь Николай Радзивилл. Впоследствии Радзивилл сделал своим советником сына рабби Самуэля – Саула Каценелинбойгена, учившегося в Брест-Литовском университете.

Саул Каценелинбойген, вошедший в историю под именем Саул (Шауль) Валь (1541-1617), был крупным общественным деятелем Речи Посполитой и даже кратковременно исполнял обязанности польского короля – о нем в «Еврейской Энциклопедии» имеется большая, почти двустраничная статья. В статье, между прочим,

упомянуты многочисленные потомки Саула Валя и его тринадцати детей, носивших фамилию Каценелинбойген; среди потомков Саула были знаменитые раввины Польши, Литвы, Германии и Англии, а также, судя по всему, и такие известные личности как Генрих Гейне и Карл Маркс. Потомки Саула Валя имеют прямое отношение к родословной семьи Розинеров: Илан Розинер доказал, что его далеким прапредком из XVI века является дочь Саула Валя – Хенеле Каценелинбойген, вышедшая замуж за Эфраима Шура, сына раввина Шломо Элиезера Шура, бывшего главой знаменитой Брест-Литовской ешивы.

Со времен Эфраима и Хенеле карета предков семьи Розинеров покатила по ухабам истории восточно-европейского еврейства. Через полтора столетия после смерти их знаменитого предка Саула Валя когда-то могущественная Речь Посполитая была уничтожена, и вследствие трех разделов Польши предки Розинеров стали подданными Российской империи – жителями черты еврейской оседлости. В феврале 1917-го года они были уравнены в правах со всеми другими народами России, а после октября 1917-го стали гражданами СССР, столь же бесправными, как и все другие народы советской империи. В книге «Серебряная цепочка» Феликс Розинер рассказывает о нескольких поколениях своей семьи, от раввинов до коммунистов, прошедших все мыслимые и немыслимые испытания: отъезд в Палестину и возвращение в СССР, аресты, антисемитизм, антисионизм, несвобода, и как финал – возвращение на Родину своих предков в Израиль, где ныне живут сын, внук и внучка писателя.

Вот такова эта удивительная семейная Одиссея – невероятный спиралевидный виток истории, странствие одной семьи в координатах времени и пространства, покинувшей Иерусалим более двух тысяч лет тому назад и вернувшейся к нему по гигантской криволинейной дуге на пространствах двух земных континентов.

Свойство гениальности не удалось ни проанализировать, ни, тем более, объяснить даже совместными усилиями социологии, психологии, эволюционной биологии, генетики, информатики и прочих наук... Уже давно понято, что гениальность – это не просто дальнейшее развитие талантливости, одаренности. Напротив, как мы уже упоминали, гений и талант, в определенном смысле, есть вещи несовместные и даже противоположные. Сталкиваясь в нашей обыденной жизни с гениальностью, мы подчас, не замечаем этого, в отличие от таланта, который тотчас виден невооруженным глазом. Общаясь повседневно с гениальным человеком, мы совершенно естественно оцениваем его нашими собственными мерками, сопоставляем черты его характера и поведения, его достижения и даже его бытовые слабости с понятными нам житейскими планками, даем обобщающие оценки по известным нам критериям, но... мы не в состоянии проникнуть за черту, отделяющую гения от остального мира...

Мне не хотелось бы говорить о Феликсе Розинере с чрезымерным пафосом – похоже, он не любил славословий в свой адрес и, вероятно, с присущей ему иронией отнесся бы к оценкам, которые я собираюсь произнести. И тем не менее, размышляя о нем и герое его романа Ароне Финкельмайере, нельзя не заметить, что здесь имеет место особый случай, когда автор, принадлежащий к тем, кому история присваивает редкое звание гений, создал литературный образ гения. Мне поначалу представлялось, что..., или даже, пожалуй, хотелось, чтобы... автор вложил в образ своего героя собственные земные черты, высветив тем самым и связь между творцом и творением, и таинственную сущность гениальности.

Увы, этого не произошло, потому что общность черт или даже слияние автора и его главного героя имеет место

за доступной нам чертой, за чертой, отделяющей даже очень талантливое произведение от высшего и непостижимого творческого проявления, вызывающего ощущение чуда...

Среди произведений художественной прозы XX века, посвященных судьбе интеллигенции в тоталитарном обществе, очень немногие дотягивают до уровня романа «Некто Финкельмайер». Это мое личное мнение входит в противоречие с тем фактом, что роман, на самом деле, мало известен «широкой читательской аудитории» и в России и на Западе – он никогда не был бестселлером подобно, например, роману Артура Кёстлера «Слепящая тьма». Впрочем, ссылка на «широкую читательскую аудиторию» вряд ли доказательна – такого уровня литература всегда была уделом достаточно узкого круга читателей во всех странах, а «широкий круг», как правило, узнавал о подобной литературе из кинофильмов, подчас очень высокого уровня. Почему роман «Некто Финкельмайер» – готовый блестящий сценарий психологической драмы-триллера – не экранизировали, пусть объясняют профессиональные искусствоведы и кинокритики.

Что касается Запада, то его вялую реакцию подчас объясняют сравнительно благополучной судьбой автора – вот, мол, если бы Феликса Розинера самого посадили, как Иосифа Бродского, или затравили насмерть, как Бориса Пастернака, или расстреляли, как Исаака Бабеля, или хотя бы выслали из страны, как Александра Солженицына, вот тогда бы... Что же, возможно, и такое объяснение имеет право на жизнь, хотя, оно отнюдь не украшает западных интеллектуалов.

В России роман напечатали через 15 лет после его написания, и то только потому, что тоталитарный режим рухнул, а затем... постарались побыстрее его забыть и, по мере возможности, не вспоминать, в чем, конечно, нет ничего удивительного, учитывая двухвековую

русскую традицию вымарывания всего лучшего из своей собственной литературы. Так что 15 лет романа «Некто Финкельмайер» – это смешной срок для русской литературы, тем более, что автор дожил до публикации своего произведения! Другое дело – упорное замалчивание романа в российском литературоведении, преднамеренное, на мой взгляд, отторжение этого выдающегося произведения.

Некто Розинер, как и «Некто Финкельмайер», не занял еще своего заслуженно высокого места в русской классической литературе. Причины этого лежат на поверхности, и я даже не хочу утомлять умудренного опытом читателя пересказыванием известных банальностей о литературной судьбе подобных личностей в советском и российском литературном пространстве, однако, со всей возможной мягкостью и политкорректностью намекну – в России и власть предрержащие, и их околотературная обслуга не очень любят персонажей с подобными фамилиями, а насильно мил не будешь!

Есть, тем не менее, и в России, и на Западе, немало самостоятельно мыслящих интеллигентов, интеллектуалов высочайшего калибра, людей, «душевно готовых к достойной жизни, жизни разума и сердца». К ним и обращены наши размышления о писателе Феликсе Розинере, к тем, для кого он создавал свой выдающийся роман, к тем, кому понятно и близко жизненное кредо писателя – быть в постоянном поиске, идти непреклонно вперед, всегда только выше и выше – Excelsior!

Юрий Окунев – ученый в области теоретической радиотехники, писатель-публицист, автор научных монографий и книг историко-публицистического жанра на русском и английском языках. Возглавлял ведущую исследовательскую лабораторию СССР в области цифровой радиосвязи. С 1993 работает в телекоммуникационной индустрии США. В 2007 году Институт инженеров электроники (IEEE) присудил ему награду имени Чарльза Гирша (IEEE Charles Hirsch Award) за «выдающийся вклад в теорию фазовой модуляции и разработку мобильных систем радиосвязи».

Юрий Окунев опубликовал несколько книг и большое число очерков на русском и английском языках: историко-мемуарную книгу «Письма близким из XX века», новеллу-антиутопию «The Lost War – Проигранная война», сборник эссе на темы еврейской истории и философии «Ось всемирной истории» (книга «The Axis of World History» получила награду USA Book News – «The National 2008 Best Book Awards»), мемуары «Детство, которого не было...» и книгу избранного «По дороге в XXI век». Недавно вышла в свет его новая книга «Феномен еврейской культуры».

Ряд очерков Юрия Окунева опубликованы в интернет-изданиях.

БОРИС РУМЕР

ТАНЕЦ НАД ПРОПАСТЬЮ, ИЛИ КАК НАЧИНАЮТСЯ ВОЙНЫ

Через несколько месяцев мир отметит 70-летие окончания Второй мировой войны.

Журнал “Время и место” посвятит этой знаменательной дате ряд публикаций. Первую вы сможете прочесть в этом номере.

Говоря об окончании страшной, кровопролитной войны, важно проанализировать, как и в какой обстановке она началась, то есть, вернуться к ее истокам. 22 июня 1941 года должно постоянно напоминать, к чему приводит абсолютная диктатура, вера в непогрешимость «нацидлера», в его высший, беспрекословный авторитет, к чему приводит его ошибка в критический для нации, роковой момент. По авторитетным данным В.Г. Первышина, к концу 1941 г. немцы «захватили в плен 3.8 миллиона солдат и офицеров... было разгромлено два состава нашей Действующей армии – свыше 6 миллионов человек». Такова, не говоря уже о всех других, непередаваемо трагических последствиях, была цена ошибки убежденного в своем абсолютном превосходстве диктатора.

Самое время напомнить об этом сейчас, когда очередной «культ личности» захлестнул массовое сознание россиян, когда опять все бесконтрольно решает лишь один человек и никто, ничто не может возразить ему, остановить его. Даже многие, вполне просвещенные, вполне, казалось бы, способные к самостоятельному мышлению, способные

противостоять пропагандистской атаке, обладающие исторической памятью люди, примкнули к массовой, безоговорочной поддержке очередного российского нацидлера.

Густав Лебон в «Психологии народов и масс» еще в начале прошлого века показал, как в массе, в толпе снижается интеллект индивидуума, независимость суждений, критическое восприятие происходящего, в целом, как в толпе, в массе растворяется личность, индивидуальность, как утрачивается иммунитет к внушаемости. Мы наблюдаем это сейчас на примере ряда многих, казалось бы, вполне вменяемых людей в России.

Хочется сказать воображаемому россиянину: «включи мозги». Ну как же можно опять отдать судьбу страны, твою и твоих детей судьбу, одному человеку, будь он семи пядей во лбу? Ты уверен в его психике, в его озабоченности благополучием людей, а не самопоглощенностью собой, своим величием, упоенностью своей неограниченной властью? Ты забыл, как Хрущев подвел мир вплотную к апокалипсису? Барбара Такман (Barbara Tuchman) в переведенной еще в советское время книжке «Августовские пушки» (The Guns of August) убедительно показала, как политические противостояния в Европе в начале прошлого века, достигнув «критической массы», взорвались Первой мировой войной, при том, что ни Николай, ни Вильгельм, никто из лидеров той Европы не хотел войны. Но уже ничего нельзя было поделать. Ни-че-го! Обаму удержит Конгресс, а Путина кто, что?.. Будем надеяться на его самоконтроль. Но, повторяю: как можно полагаться только на состояние психики, на выдержку одного человека? Опомнитесь, пане панове!

Среди постимперских нацидлеров есть такие, которым не свойственен реваншистский синдром, они сосредотачиваются на экономическом, социальном, моральном выздоровлении страны, на благо нации

проводят фундаментальные реформы. Таким был реформатор Кемаль-паша, абсолютно заслуженно ставший «Ататюрком». Таким был реформатор де Голль, культовая фигура созданной им Пятой республики, с риском для жизни (сколько было на него покушений!) осуществивший деколонизацию Северной Африки, освободивший Францию от Алжира, Алжир от Франции. Увы, нынешний российский демиург не таков. Не тот калибр. Не те цели.

Но вернусь к роковой дате. Почему, вопреки очевидностям, Сталин был убежден, что в июне 1941-го нападение Германии на Союз не состоится? Какое-то поразительное для него, параноидально никому и ничему не доверяющего, ослепление. Верил Гитлеру, как писал Солженицын? Нонсенс. В чем же дело? Как, почему этот выдающийся политический манипулятор дал себя провести Гитлеру, несмотря на огромный поток детальнейшей агентурной информации, раскрывающей планы фюрера? Хрущев вспоминает, как после подписания «Пакта Молотова-Риббентропа» 23 августа 1939-го Сталин говорил членам Политбюро, что видит ходы Гитлера наперед, что он перехитрил его, что Сталин «буквально ходил гоголем... и говорил «надул Гитлера, надул Гитлера». Почему же, как же это Гитлеру удалось «надуть» его?

Прежде всего, в голову приходит не объяснимое логикой, здравым смыслом, но известное из истории, из теории катастроф иррациональное невосприятие очевидностей, гипнотическое пренебрежение опасностью, вопреки убедительным фактам и предупреждениям. Почему, например, капитан «Титаника» пренебрег очевидностью – не прореагировал должным образом аж на пять радиограмм, предупреждавших о приближении айсбергов, и, вместо принятия мер предосторожности, дал

команду увеличить ход? Относится ли поведение Сталина к той же загадочной категории «невосприимчивости очевидностей»? Нет, конечно. Не тот был персонаж.

Политики, журналисты-международники, дипломаты чувствовали, как сгущаются тучи, видели сполохи на горизонте, ждали, что буря вот-вот грянет. Точно назвал Черчилль посвященный этому периоду первый том своей истории Второй мировой войны – *The Gathering Storm*, т.е. надвигающийся шторм. Но ничто не могло поколебать уверенность Сталина, отказывающегося верить со всех сторон поступающей информации, неопровержимым фактам, запретившего истолковывать их, как очевидность вот-вот готовящегося вторжения, воспринимающего их, как провокации, дезинформацию. Чем же объясняется такая его «упертость»?

Сталин ведь был очень осторожным, очень трезвым, очень расчетливым, не поддающимся эмоциям, тщательно взвешивающим все proandcontra политиком. Тем более непостижимо, почему он был так непоколебимо убежден, что Гитлер не нападет в июне 41-го? Чтобы попытаться найти ответ на этот, обсуждаемый в течение всех послевоенных десятилетий, вопрос, надо окунуться в ту раскаленную, наполненную предчувствием мировой катастрофы, эпоху. Только в контексте европейской политической реальности конца тридцатых – начала сороковых годов прошлого века – переплетения противоречий, тайных переговоров, фальсификаций, изолированной дезинформации -можно воспроизвести ход, логику мышления Сталина, смысл его маневрирования в накаляющейся с каждым днем обстановке. Все главные персонажи разыгрываемой мировой драмы вели двойную игру -на сцене и за кулисами. Вел её и Сталин.

Двойная игра Сталина

После прихода Гитлера к власти, выхода Германии из Лиги наций в октябре 1933-го, её отказа от обязательств

Версальского договора, взятого ею курса на реванш, на вооружения, во всех европейских столицах в этой новой ситуации начались поиски соответствующей внешнеполитической линии. И Сталин обдумывал свою стратегию. Было два варианта. Один – участвовать в укреплении антигерманского фронта, совместно с Англией и Францией. Другой – сохранять «дух Рапалло», т.е. деловые, неконфронтационные отношения с Германией. В свете декларируемой Гитлером бескомпромиссной враждебности по отношению к России: «нацистская Германия – форпост борьбы с большевизмом», в свете объявленной им цели – завоевания жизненного пространства на востоке, второй вариант представлялся нереализуемым. Оставался первый. Он и был положен в основу принятой политики «коллективной безопасности». Сталин взял курс на антигерманский союз с Англией и Францией, идеологом и исполнителем которого был наркоминдел Максим Литвинов.

Но в то же время он оставлял двери открытыми для переговоров с Германией. Закулисный зондаж возможностей нормализации отношений с ней осуществлял Карл Радек. Этот остроумный, циничный политический авантюрист, интриган, автор и непревзойденный рассказчик еврейских анекдотов, в двадцатые и тридцатые годы, вплоть до своего ареста в 37-м, был главным экспертом Сталина по Германии. Он был близок к «хозяину» и выполнял его конфиденциальные поручения в отношениях с Берлином. За спиной Литвинова Радек занимался тайной дипломатией, и, по сути, был порученцем Сталина в советско-германских отношениях, выполнял его задания, шедшие вразрез с генеральным направлением внешней политики, с её официальной линией.

Советник германского посольства в Москве Густав Хильгер, чьи мемуары очень обогатили мои представления о германской политике Сталина в те годы, пишет: «Мы замечали у многих советских лидеров глубокую и неизменную ностальгию о былых днях германо-советского сотрудничества. Карл Радек, например, неоднократно подчеркивал в частных разговорах, что нельзя блокировать путь России к дружбе с Германией и идеологические разногласия не должны быть преградой. Но, добавлял он, Сталин человек упорный, осторожный и подозрительный, и ему не ясна позиция Берлина. Как может верить Сталин автору книги «Мейн Кампф», которую он читал в русском переводе?»

Тайные прогерманские маневры Сталина, продолжавшиеся и после ареста Радека, шли параллельно с выстраиванием отношений с Лондоном и Берлином. На сцене разыгрывался антигитлеровский спектакль, в соответствующем пропагандистском оформлении, а за кулисами шло осторожное зондирование возможностей улучшения отношений с Гитлером. Сталину ментально, классово был понятен, близок тоталитарный нацистский режим, а парламентская демократия органически чужда и враждебна. Он с пониманием относился к эксцессам гитлеровского режима, к методам и стилистике геббельсовской пропаганды и пр. «Ночь длинных ножей» – кровавая расправа Гитлера с однопартийцами, штурмовиками Рэма, летом 34-го, должна была вызвать у него одобрение, как пример решительности, утверждающего свою абсолютную власть диктатора. Вскоре он и последовал этому примеру.

Реакция Сталина на «Мюнхен»

«Мюнхен» был тяжелым ударом по самолюбию Сталина. Там ведь не только чехов, но и его «кинули»: собралась четверка вершителей судьбы Европы, а его не пригласили. Еще до «Мюнхена», вскоре после аншлюса,

Литвинов, разумеется – по поручению Сталина, звонил в Париж и Лондон и предлагал определить коллективные акции против Гитлера, т.к. было уже очевидно, что следующей его жертвой будет Чехословакия. Реакция на эту инициативу Сталина была негативной.

Негодование Сталина против мюнхенских капитулянтов было абсолютно мотивированным. В 1934-м Советский Союз и Франция заключили пакт о взаимопомощи Чехословакии, согласно которому СССР должен был прийти ей на помощь в случае нападения, но при условии, если Франция сделает это первой. Но Франция, которая, по словам Генри Киссинджера «утратила наступательный дух и смирилась с мыслью ожидать решения собственной судьбы, сидя за линией Мажино, и не идти ни на какой риск за пределами собственных границ», министр иностранных дел которой, Ивон Дельмас, заявил в 1936-м, что «надо уступать Германии, подкармливая её в мирное время, чтобы избежать войны», эта Франция пребывала в состоянии политической и психологической деморализации, шла в фарватере британской политики и, как и Англия, уклонялась от каких-либо обязательств военного характера.

Сталин озвучил свою реакцию на отношение к нему «мюнхенской четверки» в марте 39-го в речи на 18-м партийном съезде. В ней он обличал Германию, Италию и Японию, как агрессоров и, в то же время, обвинял Англию и Францию и США в потворстве им, говорил о слабости «западной демократии, и ясно дал понять, в чем видит истинную мотивацию их уступчивости Гитлеру, и свое отношение к этому: «Мы не для кого не будем таскать каштаны из огня». Он был оскорблен лично: ему указали его место в партере, а не на политической авансцене, где разыгрывалась мировая драма.

Лондон и Москва: взаимное недоверие

Сталин знал, что британский премьер, исполнявший ведущую партию в англо-французском дуэте, готов договариваться с Гитлером, но не с ним. «Мюнхен» продемонстрировал это. Он был убежден, что соглашательский настрой Чемберлена и Даладье в Мюнхене диктовался их стремлением столкнуть лбами двух диктаторов. Черчилль в «The Gathering Storm» пишет об отношении Лондона и Парижа к СССР во время Мюнхенского кризиса: «Советские предложения были по сути проигнорированы. Они не были приняты при выработке позиции в переговорах с Гитлером и были восприняты с безразличием – не сказать с презрением – что и было замечено Сталиным. События приняли такой оборот, как будто Советская Россия не существовала. За это мы дорого заплатили».

Чемберлен упорно сопротивлялся сближению с Россией. Биограф Чемберлена Кит Фелинг (Keith Feiling, «The Life of Neville Chamberline») приводит выдержку из письма британского премьера: «Должен признаться в моем глубоком недоверии к России. Я не верю в её боеспособность. И я не верю в её мотивы, которые не совпадают с нашими идеями. Её ненавидят малые страны, особенно Польша, Румыния и Финляндия».

Черчилль был не меньшим антисоветчиком, но он был реальным, масштабным политиком в отличие от этой тусклой посредственности из Бирмингема. Он настаивал на укреплении отношений с Россией ввиду германской угрозы, но он был не во власти. Провидчески сказал он Чемберлену, по возвращении из Мюнхена размахивающему перед толпой ликующих сторонников подписанным Гитлером соглашением: «Вам был дан выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье и вы получите войну».

Весной-летом 39-го, когда Гитлер, оккупировав Чехию, продемонстрировал, чего стоят соглашения с ним, в

политическом классе Англии, в прессе все громче стали звучать требования к правительству об улучшении отношений с Россией в предвидении конфликта с Германией. И, как ни упирался Чемберлен, он вынужден был дать на это «добро», в то же время продолжая искать возможности договориться с Гитлером, не оставляя надежду на спасительный для англо-французского тандема германо-советский конфликт.

Сталин с недоверием относился к поступавшим из Лондона и Парижа сигналам о возможности эксгумировать проект антигитлеровской коалиции с участием России. Действительно ли «мюнхенцы» отказались от политики умиротворения Гитлера? Не провоцируют ли они его, не втянут ли в конфликт с Гитлером, к которому он совершенно еще не готов, а сами останутся в стороне, потирая руки? К объективным основаниям для такого недоверия, как мне представляется, примешивался и такой субъективный мотив: в силу своей догматической марксистской ограниченности он не в состоянии был понять несовместимость базовых культурных ценностей западных демократий с нацизмом. А это, как ни говори, было фундаментальным фактором невозможности их партнерства с гитлеровской Германией, несмотря на благосклонное отношение к ней ряда британских политиков.

Сталин: вызовы после «Мюнхена»

Период между «Мюнхеном» и пактом «М-Р», т.е. с 30-го сентября 38-го до 23-го августа 39-го, был насыщен дезинформацией, закулисными переговорами, тайными встречами, политическим шантажом, инспирированными вбросами информации в прессу, которые использовали в своих целях и Лондон, и Париж, и Берлин, и Москва.

Вот типичный пример. В конце января 39-го лондонская News Chronicle публикует статью о наметившемся повороте в советско-германских отношениях своего дипломатического корреспондента Вернона Бартлетта (Vernon Bartlett), известного своей близостью к советскому послу в Англии Ивану Майскому, часто использующему его как канал для вбрасывания в западную прессу нужных Сталину публикаций. Содержащийся в статье посыл Лондону и Парижу был сформулирован четко: в то время, как Англия и Франция игнорируют Россию, Германия приступила к нормализации отношений с ней, начала торговые переговоры, и, в случае конфликта с ней союзников, Советское правительство не намерено оказывать им какую-либо поддержку. И Бартлетт заключает: недальновидно полагать, что существующие между Берлином и Москвой разногласия непреодолимы.

На следующий же день статья эта была целиком перепечатана «Правдой». Тем самым, Сталин не только послал месседж Гитлеру и западным лидерам, но и начал готовить свой народ к возможному повороту курса в отношениях с Германией.

Постмюнхенские реалии

В Лондоне реакция на этот ход Сталина была именно такой, на которую он рассчитывал. Уже в феврале сначала британский министр иностранных дел Галифакс, а чуть позже и сам Чемберлен со свитой посетили советское посольство. Были высказаны благие пожелания расширить торговые контакты и, вообще, сделать отношения более продуктивными.

Но... Идея антигитлеровской коалиции по-прежнему не находила поддержки у британского руководства. Сталин все больше убеждается, что флирт с ним союзников – не иначе как дымовая завеса, за которой они предпочитают сохранять *modusvivendi* в отношениях с Гитлером,

исподволь подталкивая его к нападению на Россию. В речи на 18-м съезде партии в марте 39-го он напрямую заявил, что союзники своим нежеланием участвовать в антигитлеровской коалиции поощряют агрессора, что их цель развязать войну Германии с Советским Союзом, которая, при любом исходе, истощит обе стороны и тогда Лондон и Париж смогут диктовать свои условия, разумеется, «в интересах мира», иронизирует Сталин, и заключает: «Было бы наивным проповедовать мораль людям, не имеющим понятия о человеческой морали.» (Не правда ли, впечатляет: Сталин о морали!) И все-таки, все-таки, он дает понять союзникам, что готов вернуться к сотрудничеству с ними в антигерманской коалиции, но одновременно делает завлекающие пассы Гитлеру, намекая на возможность реанимации бывших взаимовыгодных отношений. И эти его намеки были восприняты в Берлине со вниманием.

Политический пасьянс, который раскладывал Сталин после того, как «Мюнхен» обозначил крах надежд на создание антигитлеровской коалиции, требовал от него немалых интеллектуальных усилий. Англо-французский альянс проводит политику умиротворения Гитлера, уступая его напору и надеясь, что он приступит к исполнению его заветной цели – Drangnach Osten. На западе надвигается ни на жизнь, а на смерть война с Германией. На востоке назревает военный конфликт с милитаристской Японией. Союзников нет. Речь шла уже не о так упорно выстраиваемой им антигитлеровской «коллективной безопасности», а о надвигающейся германской угрозе безопасности Советскому Союзу по всему периметру западной и юго-западной границы. И ни на какие лояльные или нейтральные страны, отделяющие Союз от Германии, Сталин не мог рассчитывать в предвидении неизбежной войны с нею: настороженно-недружественные, мягко говоря, Польша, Финляндия и

три малые прибалтийские страны; перешедшие в прогерманский лагерь балканские страны.

Он продолжал свою двойную игру, несмотря ни на что, сохраняя ослабевшие контакты с Лондоном и Парижем, и одновременно очень осторожно прощупывая возможность размораживания отношений с Берлином.

Москва-Берлин: background

Взаимопритяжение Германии и Советской России началось вскоре после окончания Первой мировой войны. Оно развивалось медленно, нелинейно, по мере изменения ситуации в пост-версальской Европе. Двадцатилетний, насыщенный экономическими и социальными потрясениями интервал между двумя мировыми войнами был периодом сложных, со спадами и подъемами, взаимозависимых, взаимовыгодных отношений между веймарской, а затем нацистской, Германией и большевистской Россией; периодом становления и упрочения в них тоталитарных режимов. Факторы этого взаимодействия, как и его характер, менялись во времени.

Начиная со становления Веймарской республики (1919), главным, объединяющим Советскую Россию и Германию, фактором, была их маргинализация, отторжение от европейского политического мейнстрима, неприемлемость ими вынужденного признания пост-версальской политической карты Европы, непримиримость с отторжением от них территорий, с самим существованием Польши в её новых границах. Заключенный в начале 20-х годов прошлого века союз Германии и Советской России был «браком по расчету». Никаких иллюзий относительно друг друга не было. Главное, что связывало их при всех перипетиях, изменах, ссорах, разрывах – это противостояние Версальскому договору, своего рода фантомная боль после

ампутации восточных территорий довоенной Германии и западных – Российской империи.

Обе стороны этого странного союза были одержимы ирредентистской идеей реванша, возвращения отторгнутых в пользу Польши территорий: Германии – Померании, промышленной части Силезии, старого ганзейского Данцига, отделения от Германии «корридором» Восточной Пруссии, дающим Польше выход к Балтийскому морю; советской России – Западной Украины и Западной Белоруссии. Таким образом, стимулами к сближению были взаимопомощь в противостоянии победителям, Антанте, в восстановлении утраченных позиций и утверждение себя как равноправных игроков на европейской и мировой сцене. Финалом стало заключение Рапальского договора 1922 г., в основу которого был заложен «принцип наибольшего благоприятствования в экономических и правовых отношениях».

Взаимные интересы: для Германии Россия – потенциально важный рынок для германской промышленности и важнейший источник сырьевых материалов, а для России Германия-поставщик технологий и машин, кредитов, специалистов высокого уровня, не находящих применения в годы депрессии, поразившей Германию во второй половине этого периода, и крайне востребованных большевистским руководством в связи с курсом на индустриализацию. Сила взаимопротяжения в этот период преодолевала идеологическую несовместимость. Финал: упрочение связей Рейхсвера и Красной Армии и признание советским руководством Германии, как наиболее дружественной капиталистической страны.

В советско-германских отношениях имеет смысл выделить два макропериода: первый, когда советско-германские отношения не определялись лично и только лично Сталиным и Гитлером. Второй -когда внешнюю

политику определяли оба диктатора и никто иной. В первый период, в Веймарской Германии, эти отношения формировались трудно достигаемым консенсусом между правительством и руководством усеченного Версальским договором Рейхсвера, а в России – до 1927 г., т.е. до 15-го съезда ВКПб, на котором была окончательно разгромлена оппозиция и фактически была утверждена диктатура Сталина, советско-германские отношения определялись Лениным, Троцким, Чичериным.

Советско-германское сотрудничество в экономической, военной и дипломатической сферах в этот период было чрезвычайно продуктивным для обеих сторон, в немалой степени, благодаря важной роли в его становлении и развитии двух ярких, я бы сказал – уникальных в дипломатическом мире, личностей – наркома иностранных дел Георгия Чичерина и посла Веймарской Германии в Москве в 1922-28 гг., бывшего министра иностранных дел, графа Ульриха Брокдорф-Ранцау. Невозможно вообразить себе на нынешнем тусклом дипломатическом небосклоне двух таких аристократов, аристократов не только по рождению, но по духу, по интеллекту, по стилю жизни и поведения, двух эстетов (Георгий Васильевич Чичерин был не только высококлассным дипломатом, он был музыковедом, автором статей о Бахе, Вагнере, книги о Моцарте, он был полиглотом, свободно владевшим европейскими языками). Из упомянутых мемуаров советника немецкого посольства в Москве Густава Хильгера: «Этот маленький человек умел представлять интересы своей страны на международных конференциях с таким достоинством, такой замечательной эрудицией, блестящим красноречием и внутренней убежденностью, что даже его противники не могли не относиться к нему с уважением». Большевик Чичерин и немецкий консерватор-националист Брокдорф-

Ранцау, были друзьями, частыми собеседниками в часы отдыха, и не только на профессиональные темы.

Сталин намеревался продолжать курс военного и экономического сотрудничества, продуктивной для обеих сторон кооперации в военной сфере, налаживания и упрочения контактов между генералитетами обеих сторон, взаимной заинтересованности в сфере вооружений, военной индустрии, взаимных визитов высшего командного состава. Но с приходом Гитлера к власти в январе 1933 он столкнулся с непримиримой, откровенной враждебностью фюрера к большевистской России и прагматический «рапалльский период» делового сотрудничества закончился. Он сменился пропагандистской конфронтацией, резким ослаблением экономических связей и ликвидацией военного сотрудничества. Так продолжалось вплоть до заключения «Пакта Молотова-Риббентропа» в августе 1939-го.

Взаимный зондаж

С приходом Гитлера к власти мирное сосуществование двух экспансионистских тоталитарных государств, двух конкурирующих идеологий, двух внимательно следящих друг за другом и перенимающих опыт друг у друга «нацидеров», было объективно невозможно. Их военное столкновение было неизбежно. Сталин не стремился к войне, он комплексовал, он боялся гитлеровскую Германию. К ней стремился Гитлер, он не боялся сталинскую Россию, он был убежден в превосходстве Германии, её военной машины. Сталин, играя одновременно на двух досках – англо-французской и германской, стремился к устранению антагонизма в отношениях с Гитлером, стараясь сохранять при этом лицо и не теряя надежду на взаимность.

Несмотря на внешнюю враждебность, в течение почти всего конфронтационного периода Москва посылала Берлину сигналы, намекая на возможность нормализации

отношений, по крайней мере, в экономической сфере. В начале 39-го обе стороны стали проявлять осторожно позитивное отношение к идее установления взаимовыгодных бартерных торговых отношений и началось осторожное нащупывание платформы для сближения. В октябре 38-го, т.е. вскоре после «Мюнхена», германское посольство в Москве отметило и сообщило в Берлин, что Сталин гораздо больше возмущен мюнхенскими соглашателями, чем Гитлером. Он воздержался от каких-либо инвектив в адрес Германии. Затем, в декабре, состоялась встреча советского торгового представителя с германскими внешнеэкономическими чиновниками, в ходе которой те предложили очистить отношения от накопившегося негатива и приступить к работе над торговым соглашением.

На новогоднем 1939 г. приеме для дипкорпуса Гитлер демонстративно долго и благосклонно беседовал с советским послом Меркаловым (до того он подчеркнуто холодно обращался с ним). Это было оповещением не только Москвы, но и других столиц, что лед в отношениях двух заклятых врагов может быть сломан. Ну, если не сломан, то возможно его оттаивание. Так это и было воспринято западной прессой.

Спасительный бартер

Оба диктатора осознавали не просто выгоды, а крайнюю заинтересованность в широкоформатных торговых соглашениях. Сложилась довольно-таки любопытная ситуация: готовясь к войне друг с другом, они помогали друг другу вооружаться. Сталину была нужна продукция германского машиностроения, технологии, передовые по тому времени научные и конструкторские разработки её ВПК, которые в состоянии были поднять уровень советского ВПК.

Что касается заинтересованности Гитлера в сближении с Россией, то в первые месяцы 39-го им руководило не стремление застраховать себя от «проклятия войны на два фронта» – на западе и на востоке. Эта мотивация возникнет позже. Тогда же он был еще уверен в повторении «Мюнхенского сценария» в случае аннексии им Польши. Тогда он еще надеялся мирным путем превратить её в сателлита Германии, избежать военного конфликта с ней. Тогда его интерес к России определялся только возможностью поставок ею жизненно важных для гонки вооружений сырьевых материалов и продукции российского сельского хозяйства для поддержания жизненного уровня населения.

Германия была на краю суверенного банкротства. Её валютные резервы были почти исчерпаны, о чем глава Рейхсбанка Ялмар Шахт в конце 1938 г. предупредил Гитлера. Безудержная программа вооружения истощила казну. Не было средств на импорт необходимых сырьевых материалов. Было введено жесткое рacionamento продовольствия. В 1938 армия получила только треть её нормы на металлы на производство вооружений. Падало производство танков, пушек и пр. Из-за нехватки металлов были заморожены многие военные проекты. Концерн Круппа был не в состоянии выполнять программы по производству вооружений.

Ответственный за военную экономику Геринг настаивал на восстановлении резко сократившихся после прихода Гитлера к власти торговых отношений с Россией, огромные сырьевые ресурсы которой и сельхозпродукция могли спасти положение. При исчерпании золотовалютных резервов только бартер с Россией – германские технологии, машины и оборудование в обмен на российские руды черных, цветных и редких металлов, нефть, пшеницу, продукцию животноводства – был единственной реальной возможностью сохранения

заданных темпов военного производства и поддержания жизнеобеспечения населения.

Stop and go

Взаимная подозрительность, ожидания подвоха отличали взаимоотношения двух диктаторов. Вот типичный пример. После первых проявлений заинтересованности в разморозке отношений со стороны Гитлера в январе 39-го Сталин через посла в Берлине сообщил о готовности начать немедленно переговоры о заключении торгового соглашения в Москве. Именно в Москве. Тем самым он хотел продемонстрировать заинтересованность Гитлера в отношениях с Союзом. Но Гитлер, понимая, что Сталин хочет использовать это как карту в своей игре с Лондоном и Парижем, т.е. набить себе цену у них, не захотел сделать ему такой щедрый пропагандистский подарок. Дело застопорилось, но ненадолго.

Оба диктатора поручили своим представителям избегать определенности и позволять просачиваться в прессу нарочито преувеличенной информации о начавшемся взаимопритяжении, дающей пищу для будоражащих политические круги европейских стран спекуляций. Оба использовали эту карту в своих играх с Лондоном и Парижем, но, на самом деле, притормаживали движение, посылая друг другу противоречивые сигналы, боясь продешевить в уже намечаемых переговорах. Так, вскоре после упомянутой демонстративной беседы Гитлера с советским послом на новогоднем дипприеме, Риббентроп, всегда озвучивавший политические маневры фюрера, заявляет французскому послу, что целью германской политики является борьба с коммунизмом: «В отношении Советов мы будем оставаться непреклонными. Мы никогда не придем к пониманию с большевистской Россией.» (Robert Goralski, World War II Almanac). Не менее уклончивым было и поведение Сталина. В отчете о

встрече с Молотовым в мае 39-го германский посол в Москве Шуленбург писал, что Молотов, отражающий позицию босса, «был раздражающе осторожен» и посол так и не понял, чего же он хочет.

В начале мая Сталин снял с поста наркома по иностранным делам, активнейшего антигитлеровца, идеолога создания антигерманской коалиции, Максима Литвинова, заменив его Молотовым. Гитлер очень даже понял этот сигнал. Он понял, что Сталин осуществил поворот во внешней политике в сторону Германии, и тут же вызвал к себе в Берхтесгаден посла Шуленбурга и военного атташе генерала Кёстринга (вместо Шуленбурга прибыл ведущий эксперт по России советник посольства Хильгер), чтобы обсудить возникшую ситуацию. Он также приказал Геббельсу дать команду СМИ прекратить антисоветскую пропаганду.

Но, повторюсь, тогда Гитлер все еще настаивал только на торговом соглашении, в то время, как Сталин, соглашаясь на него, добивался и договора о ненападении. Это и было точкой преткновения. До конца июля Гитлер еще не принял окончательного решения напасть на Польшу. И хотя союзники подписали в начале апреля гарантии Польше, он не верил, что они начнут из-за неё войну с ним. Политический пакт со Сталиным был ему тогда не нужен, он испортил бы ему всю игру. Кроме того, сохранялись подозрения, что Сталин использует позитивный настрой Гитлера к «перезагрузке» в отношениях с ним, как карту в переговорах с союзниками. Наступила очередная пауза. Вот в таком ритме продвигались они к сближению.

Главная цель Сталина

Когда с германской стороны начали проявляться все более очевидные признаки готовности к смягчению климата в отношениях с Россией, Сталин понял, что Гитлера прижало. Он знал, конечно, о тяжелом

экономическом положении Германии, о срыве программ вооружений, и знал причину. Но интерес Сталина заключался не только и не столько в экономическом соглашении. В получении германских технологий он, конечно, был заинтересован, но совсем не в той степени, в какой Гитлер был заинтересован в получении российских нефти, металлов и сельхозпродукции. Используя, как рычаг, нужду Гитлера в российском экспорте, проявляя готовность к торгово-бартерным соглашениям, Сталин напирал на урегулирование политических отношений, имея в виду советско-германский договор о ненападении. В этом была его приоритетная цель.

Он не имел иллюзий относительно прочности такого договора с Гитлером, показавшим на примере соблюдения Мюнхенских соглашений, как он относится к международным договорам. Но, все же, такой договор давал ему больше времени для подготовке к войне. Гитлер же хотел ограничиться только экономическим соглашением. Он вел свою игру с Лондоном и Парижем и не хотел сжигать мосты, вступив в союз со Сталиным. Это изменило бы всю конфигурацию отношений в треугольнике «Лондон/Париж-Берлин-Москва». Причем изменило бы в пользу Москвы.

Чем больше Сталин убеждался в невозможности склонить Чемберлена к военно-политическому альянсу с ним союзников (английский премьер отделялся декларациями о намерениях), тем решительнее он склонялся к союзу с Гитлером. Чем больше убеждался Гитлер в несговорчивости поляков (особенно после получения ими англо-французских гарантий), тем больше укреплялась его заинтересованность не только в экономическом, но и в политическом союзе со Сталиным. Ему нужно было подстраховаться от войны на два фронта.

Позиция Сталина определяется и укрепляется

В летние месяцы 39-го Сталин впервые оказался в положении, когда Лондон и Берлин вступили, в некотором роде, в конкуренцию за укрепление отношений с Москвой. Гитлер знал, конечно, о пребывании в Москве англо-французских переговорщиков и это не могло не беспокоить его. Как говорится, «хороша та девка, что засватана». Но твердолобые британские decision makers не нервничали по поводу возможного советско-германского сближения: они не верили, что такое возможно. Чемберлен затягивал переговоры, одновременно делая далеко идущие предложения Гитлеру. А в это время становилось все более очевидным, что Москвой и Берлином действительно взят курс на сближение и что интенсивность следования этим курсом нарастает.

К концу июля, придя к заключению, что война с Польшей неизбежна, Гитлер дал команду форсировать подготовку соглашений с Россией. Сталин же все больше убеждался в бесперспективности ведущихся в Москве вялотекущих переговоров о военно-политическом соглашении с Лондоном и Парижем. Оба созрели для завершения затянувшейся разминки. Но тут они поменялись местами. Гитлеру теперь надо было торопиться: еще в начале апреля он утвердил план нападения на Польшу и назначил дату – 26 августа, перенесенную позднее на 1 сентября.

Надо полагать, что Сталин располагал информацией об этом. Он знал, что Гитлер не нападет на Польшу, не будучи уверен, по крайней мере, в нейтралитете России. Сталин не спешил, продолжал игру на двух досках. Гитлер был у него на крючке и Сталин хотел использовать выгодно для себя сложившуюся ситуацию в предстоящих переговорах с ним. Кроме того, он все еще продолжал переговоры с англо-французской делегацией, не надеясь на их успех, но тянул, тянул, играя на нервах Гитлера.

«Величайшая взятка в истории»

Не были для Сталина секретом и тайные махинации Чемберлена, который, опомнившись от опрометчиво данных Польше гарантий, начал поиск возможностей очередного компромисса с Гитлером. Чемберлен знал о готовности Рейхсвера вот-вот начать вторжение. Он искал возможность, повод повторить «Мюнхен». Ну, не воевать же с Германией из-за Польши, не начинать же вторую мировую войну! Можно себе представить состояние семидесятилетнего, тогда уже больного раком (ему осталось жить немногим более года), но всеми силами цепляющегося за власть, британского премьера. В ходе тайных встреч в Лондоне с доверенным лицом Геринга, Гельмутом Вольтатом, в июле 39-го, тайных и от членов его кабинета, и от французских партнеров, через своего «серого кардинала» Хораса Уилсона Чемберлен предложил Гитлеру самый тесный союз, покрывающий экономическую, политическую и военную сферы, он готов был аннулировать гарантии Польше, согласиться с аннексией Данцига, создать своего рода колониальный кондоминиум в Африке, решить вопрос с долгами Германии и предоставить её долгосрочные кредиты на 1 миллиард фунтов стерлингов (не знаю, сколько это в наше время, может быть в соотношении 1:10?). Потомственный коммерсант по натуре и по жизненному опыту, он надеялся таким образом купить согласие фюрера не нападать на Польшу.

Информация об экономической стороне этих тайных переговоров просочилась в британскую Daily Express под headlines «Величайшая взятка в истории». Разразился колоссальный скандал. Но детали, в частности, самый опасный для Чемберлена политический аспект его предложений, сводящийся, по сути, к созданию своего рода европейского «Священного союза» против России, оставались тогда неизвестными. Сталин, конечно, был проинформирован послом в Лондоне Иваном Майским

и «Правда» на первой странице опубликовала эту историю. В глазах британского общественного мнения Чемберлен был совершенно дискредитирован.

Что касается Гитлера, то тайная дипломатия Геринга была отвлекающей дезинформацией. Ему нужна была только война. В начале августа Риббентроп прямым текстом сказал графу Чиано, зятю и министру иностранных дел Муссолини: «Мы хотим войну!», имея в виду войну с Польшей (из мемуаров Чиано). Советско-англо-французские переговоры были обречены на провал и за два дня до подписания пакта «М-Р» они были прерваны. Летом 39-го Чемберлен, Гитлер и Сталин запутались в «рокировочках». Наконец, 23-го августа состоялось эпохальное событие: пакт подписан, у Гитлера развязаны руки и Сталин обеспечил себе резерв времени для стратегической и материальной подготовке к войне.

Предприняв краткий экскурс в историю советско-германских отношений 20-х–30-х годов прошлого века, я хотел показать, что Пакт «М-Р» был не плодом конъюнктуры, сложившейся летом 39-го, что он не был импровизацией, решением, принятым без предыдущей подготовки. Он был итогом сложной эволюции, начавшейся намного ранее.

Гитлер: дорога в Лондон лежит через Москву

Для Гитлера ситуация складывалась не лучшим образом. Война на «западном фронте» продолжалась и начинать войну на «восточном», т.е. против России, пока он не сломит иррациональное, в его понимании, упорство британцев было нарушением им же провозглашаемой заповеди: война на два фронта – ведет к поражению Германии. Гитлер ведь изначально не хотел развязывать новую мировую войну. Он был развращен податливостью оппонентов, своей поразительно успешной экспансией. Начальник генштаба Франц Гальдер вспоминает, что

Гитлер заверил своих генералов в невмешательстве Англии и Франции в конфликт с Польшей: «Я был бы идиотом, начав мировую войну, как эти придурки (morons) в 1914-м, из-за этого поганого Польского коридора» (Franz Halder, Kriegstagebuch).

Когда Кейтель и разработчик плана Польской кампании полковник Лоссберг принесли ему диспозицию нападения на Польшу, Гитлер сказал им: «Джентльмены из Лондона и Парижа ничего не предпримут против нас и в этот раз. Я уверен в этом. Этот Польский конфликт никогда, никогда, никогда не перерастет в Европейскую войну». (Bernhard von Lossberg, Imehrmacht fuhrungsstab).

Ошеломляющий, неожиданный для него самого по скорости успех французской кампании убедил Гитлера в своей гениальности, в непререкаемости его суждений и решений, и его генералов в его превосходстве, как военного стратега. В состоянии эйфории от одержанной победы, он был уверен в согласии Англии прекратить сопротивление и принять его предложения о мире. Но, получив категорический отказ Черчилля, он растерялся. В конце июля возник вопрос: что дальше? Вторжение в Англию – высадка войск через Ламанш при безусловном превосходстве британского флота была слишком рискованной. Осенью он от неё отказался. Осенью же была проиграна воздушная война, «Битва за Британию». Война с Англией принимала затяжной характер. Это разрушало его план, сложившийся после провала надежды на «второй Мюнхен», после разгрома Франции: оккупировав Польшу и стабилизировав под своим контролем континентальную Европу, установив устраивающий его модус в отношениях с Британией, развязать себе руки для стремительного марша на восток.

В день эвакуации англичан из Дюнкерка (2 июня 1940г.), когда победа над Францией была абсолютно очевидной и признание Лондоном

поражения представлялось неизбежным, он сказал фельдмаршалу Рундштедту: «Теперь Англия будет готова к разумному мирному соглашению и мои руки, наконец, будут развязаны для выполнения главной реальной задачи, конфликта с большевизмом». (Walter Warlimont, *Inside Hitler's Headquarters*). Ничего не вышло. Все застопорилось. Рассчитывать на скорое «принуждение к миру» Англии он уже не мог. К тому же он знал, что Рузвельт, будучи переизбранным на третий срок в ноябре 40-го, сделает все возможное, чтобы обеспечить непотопляемость Англии (в марте 41-го Конгресс принял закон о ленд-лизе). Он знал, что упорство Черчилля поддерживается его уверенностью в советско-германском конфликте.

Гитлер, как заклинание, повторял, что война на два фронта – погибель для Германии. Выступая перед своими генералами, прошедшими Первую мировую с её катастрофическим для Германии исходом, он цитировал Бисмарка и Мольтке, предостерегавших от одновременной войны на западе и на востоке (дневник начальника генштаба Гальдера за май 39-го, Franz Halder, *Kriegstagebuch*). В 39-м Геббельс записал в дневнике разговор с Гитлером, в котором он говорил о недопустимости войны на два фронта. Но такого рода высказывания Гитлера относятся к периоду до 1940-го. А вот после, начиная с лета этого года, точнее, с осени, после того, как он отказался от идеи вторжения в Англию, после того, как Люфтваффе проиграла «Битву за Англию» и окончательно погасла надежда, что Лондон признает поражение и согласится на мир на условиях Гитлера, он стал убеждать верхушку Вермахта, что дорога в Лондон лежит через Москву, т.е. убеждать в неизбежности, в оправданности войны с Россией одновременно с продолжением войны с Англией.

Почему спешил Гитлер

Из Политического завещания Гитлера: «Обстоятельства вынуждали нас спешить». Почему так спешил Гитлер? Да потому, что он знал, какую программу вооружений развернула Англия после «Мюнхена», инвестировав в неё все ресурсы империи; знал, какую гигантскую программу вооружений начала Америка с июня 1940-го (за 1940-41 расходы на военные нужды выросли в пять раз!) при её несопоставимом ни с чем экономическом потенциале; знал, что Сталин ввел режим мобилизационной экономики, превратив страну в трудовой лагерь, и это при неисчерпаемых сырьевых и огромных людских ресурсах, что инвестиции в советский ВПК в 1940м были за год увеличены в два раза, что Сталин извлек уроки из позорного опыта финской войны и лихорадочно реформирует армию, повышая её боеспособность. В Политическом завещании Гитлер объясняет, почему решил напасть на Россию в 41-м:

«Почему 1941?.. Потому, что мы не могли позволить себе малейшее промедление, т.к. наши враги на Западе стремительно наращивали их военную мощь. Но более важна была активность Сталина. Время работало против нас на обоих фронтах. Вопрос должен быть не «почему так рано?», а «почему не раньше?»... Я был охвачен страхом, что Сталин опередит меня».

Действительно ли Гитлер «был охвачен страхом» и потому решил напасть 22 июня или это попытка оправдать своё фатальное решение, представив его вероломное нападение, как вынужденное, превентивное? По моему мнению, Сталин готовил действительно превентивное нападение, именно превентивное, а Гитлер?.. Может быть. Шла игра на опережение. Гитлер действовал, исходя из отчетливого понимания, что время работает против него. Он ведь располагал информацией о темпах и масштабах вооружений России, Англии и США.

Почему спешил Сталин

Сталин спешил потому, что у него не было ни малейших иллюзий относительно надежности Пакта «М-Р». Он не сомневался в готовящемся нападении Гитлера. Но до июня 1940-го он надеялся, что война Германии с Англией и Францией будет затяжной войной на истощение воюющих сторон и, независимо от того, как она закончится, Германия будет настолько ослаблена, что напасть на Россию в обозримом будущем не решится. Он был потрясен поражением Франции практически за месяц. Демонстрация военной мощи гитлеровской армии, стратегическое и тактическое мастерство её генералов, поразительная для того времени оперативная мобильность не могли не породить у него ощущения беспомощности, страха. Как свидетельствует в мемуарах Хрущев, «...Сталин буквально перетрусил,.. посерел лицом,.. буквально дрожал перед Гитлером». Возможно, Хрущев преувеличивает, но, конечно же, основания запаниковать у Сталина были, особенно с учетом того, как показала себя в ходе финской войны обезглавленная им Красная Армия.

Но надо воздать должное Сталину. С присущей ему волей он собрался и начал действовать, напрягая до предела, и даже запредельно, себя, своих уцелевших в репрессиях наркомов, всю кадровую иерархию снизу доверху, вернув из лагерного небытия и задействовав ряд оставшихся в живых промышленных менеджеров, видных инженеров и военных.

Не трудно себе представить, как выкладывались, например, вернувшиеся из лагерей и «шарашек» Ванников и Туполев, Рокоссовский и Горбатов! Достаточно почитать сборник «Говорят Сталинские наркомы». О темпе подготовки к войне, заданном обоими диктаторами после заключенного Пакта «М-Р» говорят приведенные Марком Солониным в его «Мозгоимении»

данные. Летом 1939-го в составе Красной Армии числилось 100 стрелковых и 18 кавалерийских дивизий, 36 танковых бригад: к июню 1941-г – 198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковая и 31 моторизованная дивизии. Летом 1939 года в составе Вермахта была 51 дивизия, в том числе 5 танковых, а к июню 1941- го – 208, в том числе 20 танковых.

Сталин после Пакта

В течение шести лет между становлением нацистского режима и заключением Пакта Сталин проявлял себя, как прагматичный политик, как мастер маневрирования в сфере geopolitic. Он не надеялся на свои силы в предстоящем столкновении с Гитлером и потому искал опору в союзе с чуждыми ему по своей сути парламентскими демократиями. Но все это время он стремился к сближению с классово ему близким нацистским тоталитарным режимом, инспирируя тайные маневры, контакты с германскими дипломатами (еще в 1934-м Литвинов говорил германскому министру иностранных дел Нейрату, что идеологические разногласия не должны служить препятствием для соглашения), под прикрытием антифашистской риторики давая понять Гитлеру о своей готовности установить новый, позитивный модус в отношениях. Только окончательно убедившись в невозможности создать антигитлеровскую коалицию, он принял в августе 39-го оптимальное в сложившейся ситуации решение – подписать пакт «М-Р». Короче говоря, он адекватно реагировал на вызовы.

Но вот после заключения пакта, после раздела Польши, после капитуляции Франции Сталин вел себя непоследовательно, если исходить из его приоритетной цели – выиграть время для подготовки к войне.

Тогда, казалось бы, вся его тактика до поры до времени должна быть направлена на поддержание стабильных

отношений с Гитлером. Тогда, казалось бы, он должен был избегать каких-либо действий, побуждающих Гитлера ускорить нападение, транквилизировать его, избегать разногласий. Но Сталин вел себя прямо противоположным образом. Летом-осенью 40-го ему изменила присущая ему осторожность, оглядка на последствия. Союз с Гитлером, заинтересованность Гитлера в сохранении союза, хотя бы и временная, создавали благоприятные условия для безнаказанной экспансии, экспансии без войны, и грех был не воспользоваться ситуацией. Жданов: «Наш нейтралитет уникален – мы приобретаем территории, не участвуя в войне» (Sergey Slutsch, *Stalins Kriegszenario*).

Не буду здесь перечислять все конфликтные моменты, возникавшие за двадцать два месяца, отделявшие подписание Пакта от 22 июня 41-го. Часть из них провоцировалась Гитлером, но часть – Сталиным. Не было, например, насущной стратегической необходимости в аннексии Бессарабии, приблизившей Красную Армию к нефтяным месторождениям Плоешти – основному германскому источнику нефти, очень встревожившей Гитлера; не было вообще никакой необходимости захватывать Северную Буковину, что нарушало Секретные протоколы; можно было повременить с претензиями на Финляндию, с оккупацией Балтийских стран.

Судя по всему Сталин вынашивал грандиозный проект: превращение Болгарии в сателлита России и создания военно-морской базы на Босфоре, т.е. контроля над проливами, а затем... с давних времен заветная цель русских царей – «прибить щит на вратах Царьграда». Отчетливо проявившиеся претензии Сталина на Балканы были откровенным вызовом Гитлеру.

«Медовый месяц» закончился

Гитлер, с его обоснованной уверенностью в военной мощи Рейхсвера, объединивший в 1940-м в рамках Тройственного пакта военные потенциалы Германии, Италии и Японии, установивший своё господство над континентальной Европой, мог себе позволить не церемониться, по-гангстерски диктовать свои условия, предъявлять ультиматумы малым странам. Но военный ресурс Сталина, как показала позорная для Красной Армии Финская война 1939/40гг., был совсем не столь же велик, и он, в понимании Гитлера, вел себя «не по чину». Его напористость вызывала негодование Гитлера. В ответ на его предложение присоединиться к Тройственному Пакту (Германия, Италия и Япония), сделанное в ходе ноябрьского визита Молотова в Берлин, Сталин предъявил такие непомерные требования в обмен на свое согласие, которые могли означать только, что он больше не комплексует перед Гитлером, что никаких уступок ему больше не будет. Гитлер понял, что «медовый месяц» в отношениях закончился. Он сказал тогда Гальдеру, что «Сталин умный и хитрый. Он требует больше и больше. Он хладнокровный шантажист. Stalin is clever and cunning. He demands more and more. He is cold-blooded blackmailer». (Halder, Kriegstagebuch)

Но пока еще Гитлер не мог себе позволить нарушить, хотя и неустойчивое, но все же поддерживаемое обеими сторонами равновесие. Гальдер считал, что в 1940м Гитлер еще допускал возможность не форсировать нападение на Россию. Более того, из дневника Геббельса: «фюрер надеется, что ему удастся привлечь Россию к единому антибританскому фронту». Эта запись относится к 1 ноября, а 12 ноября в Берлин прибыл Молотов. Назревал кризис в торговых отношениях (немцы не выполняли обязательства по поставкам или выполняли их с опозданиями и не в полном объеме, в то время как советская сторона соблюдала условия договора.). Убеждая

генералов в необходимости блицкрига в Россию, Гитлер, похоже, тем самым убеждал себя. До визита Молотова он еще не созрел для окончательного, бесповоротного решения. Две встречи с Молотовым, дискуссии с ним, положили конец его сомнениям.

Настойчивость Молотова, его arrogantный, «профессорский» тон, которым никто с Гитлером не разговаривал, достоинство, с которым он держался, вызвали у фюрера сильное раздражение.

В оккупации Сталиным трех Балтийских стран, помимо проявления хватательного инстинкта, помимо стремления вернуться к довоенным границам Российской империи, был стратегический смысл: создание «буферной зоны» на западе в предвидении войны с Германией. Оккупация Эстонии, Латвии и Литвы Гитлер была согласована с Гитлером и включена в Секретный протокол. Сталин прекрасно понимал, чем объясняется уступчивость Гитлера: уверенностью, что он скоро вернет их (Erich Sommer, Memorandum). Но сдача Сталину Финляндии и Румынии, особенно Румынии – главного нефтяного резервуара Германии, была абсолютно неприемлема для Гитлера. На конференции с высшим генералитетом перед визитом Молотова Гитлер сказал, что он решится напасть на Россию, если ему станет очевидным, что Сталин хочет аннексировать Финляндию или Румынию (David Irving, “Hitler’s War”).

В ходе своей ноябрьской миссии в Берлине Молотов не оставил у него сомнений в намерении Сталина захватить Финляндию и большую часть Румынии. Можно ли допустить, что если бы Сталин не вел себя так напористо, если бы он был более осторожен, более гибок, более сдержан в своих амбициях, то Гитлер не решился бы напасть в июне 41-го? Иными словами, не ускорил ли Сталин нападение своими действиями летом-осенью 40-го? Не знаю, но такой вопрос правомерен.

По свидетельству адъютанта Кейтеля Оттомара Хансена после отъезда Молотова в рейхсканцелярии воцарилось «похоронное настроение», а один из адъютантов Гитлера записал: «Фюрер сказал, что он не ожидал многого от дискуссий с Молотовым, что они обнажили подлинные намерения Сталина, что Молотов «выпустил кошку из мешка», что теперь отношения с Россией -это даже не «брак по расчету», и что он, фюрер, окончательно освободился от своих сомнений.» (David Irving). 14 ноября Молотов покинул Берлин, а 18 декабря Гитлер подписал Директиву 21, план «Барбаросса». До 22 июня оставалось шесть с небольшим месяцев.

Визит Молотова в Берлин, его несговорчивость, целиком отражали на тот момент уверенность Сталина в возможности игры на равных с Гитлером. Его убеждение в сохраняющейся заинтересованности Гитлера в поддержании стабильных отношений, страхующих его восточный тыл в войне с Англией, плюс нужда в российских поставках, позволяли ему бросать вызовы Гитлеру на Балканах и в Прибалтике. Что он и делал. Но после ноября эта уверенность его оставила. Сталин осознал, что заигрался. Возможно, сигналом послужил такой факт: в Берлине Молотову было предложено присоединение России к антибританскому Тройственному союзу (Германии-Италии-Японии). Молотов (т.е. Сталин) уклончиво среагировал на это предложение. Согласие означало бы утрату нейтралитета и, следовательно, вовлеченность в войну с Англией. Гитлер ведь очень этого хотел: тогда, потеряв надежду на советско-германское столкновение, Лондон наверняка согласился бы прекратить сопротивление. Сталин прекрасно понимал, что затем наступила бы его очередь. Никаким союзам, договорам с Гитлером он не доверял, игру Гитлера просёк. Тем не менее, в конце ноября Сталин ответил на это предложение согласием, но поставил заведомо неприемлемые для Гитлера условия.

Ответа он не дождался, и молчание Берлина истолковал правильно, как зловещий знак. Поведение фюрера становилось все более враждебным, и это нервировало Сталина. Германская сторона все чаще нарушала график поставок по договору, но, несмотря на это, Сталин дал команду не только строжайше соблюдать сроки, но и поставлять требуемые немцам материалы сверх установленных соглашениями норм. Сталин, который два года тому назад с презрением говорил о «мюнхенских» умиротворителях appeasers, весной 41-го совершенно уподобился им, делал все возможное, чтобы не раздражать Гитлера, чтобы убедить его в своей неизменной лояльности, в своем непротивлении его агрессии. Теперь он всеми силами старался вернуть его расположение. Но было поздно.

Провал Балканской политики

Гитлер пресек настойчивые попытки Сталина превратить Болгарию в своего сателлита. В феврале Болгария присоединилась к Тройственному пакту и стала транзитной территорией для частей Вермахта. Ко всеобщему удивлению реакция Сталина была практически никакая. Еще более наглядным примером покорности Сталина служит его реакция на вторжение Вермахта в Югославию. Ранним утром 6го апреля был подписан советско-югославский пакт о дружбе, о чем Молотов известил Берлин, и в то же утро германские войска вторглись в Югославию, Люфтваффе варварски бомбили Белград и через 12 дней эта рекордная по стремительности операция завершилась капитуляцией Югославии. Сталин не реагировал и на сей раз. Когда Шуленбург лично известил Молотова о свершившемся факте, тот даже не упомянул о пакте с Белградом.

Можно себе представить в какое состояние пришел Сталин. План утвердиться на Балканах рухнул. Гитлер бесцеремонно осадил его, вернул к реальности, быстро,

решительно, без уведомления, грубо нарушив тем самым условия Пакта «М-Р». Это был «момент истины» для Сталина. Его политика на Балканах обернулась унижительным поражением, покорным принятием свершившегося факта: включения Балканских стран в про-германский лагерь. Военное превосходство Вермахта в мире к началу 41го было очевидным, впечатляющий блицкриг в Югославии и Греции еще раз это подтвердил. Непротивление Сталина хотя бы на вербальном уровне действиям Гитлера свидетельствовало об осознании им своего бессилия.

Похоже в апреле 41- го он пришел к выводу, что Гитлер может напасть до того, как решит вопрос с Англией. Почему в апреле? На апрель приходится активизация Гитлера на Балканах, размещение группы войск в Финляндии невзирая на протесты Молотова (Когда американский журналист Джон Скотт JohnScott спросил у германского военного атташе, с какой целью прибыли германские танки в Финляндию, тот с усмешкой ответил: «Для охоты на полярных медведей».

В то время, как Гитлер неуклонно шел к цели, Сталин, потерпев провал на Балканах, похоже, растерялся, утратил ориентиры. Об этом можно судить по работе советской пропагандистской машины, четко, в нюансах, реагирующей на исходящие от вождя импульсы. С августа 39-го до апреля 41-го она была настроена прогермански. В апреле 41-го, в ходе нападения на Югославию, тон её стал меняться, приобретая все более антигерманскую тональность. Знаковым моментом послужило возвращение в апреле на экраны откровенно антигерманского фильма Эйзенштейна «Александр Невский» со знаменитой, ставшей лозунгом, фразой: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!». Наконец, речь Сталина 5 мая на приеме выпускников военных академий, обозначившая готовность к войне и требующая

отказаться от представления о непобедимости германской армии.

Но в начале июня антигерманская кампания в прессе прекратилась и 14 июня публикуется знаменитое Сообщение ТАСС, полное заверений в неизменности советско-германских отношений в соответствии с Пактом «М-Р».

Из области психоанализа

Максим Литвинов, уже в качестве посла в Америке, в необычном по откровенности интервью «Нью Йорк Таймс» в декабре 41-го, сказал, что Советское правительство, т.е Сталин, получало немало сообщений о готовящемся нападении, но не воспринимало их всерьез, и не потому, что верило Гитлеру, а потому, что представлялось безумием с его стороны начать войну на востоке против России до того, как он закончит войну на западе. Но, весной 41-го, Сталин, по-видимому, был совсем не уверен, что Англия в состоянии в одиночку выстоять в войне. Шансы на то, что не выстоит, что согласится на мир с Гитлером, в этот период перевешивали. «Миссия Гесса» убедила его в том, что в Берлине и Лондоне начался поиск приемлемых для обеих сторон условий прекращения войны. Он не верил, что 10 мая 1941г. Гесс прилетел в Англию вести переговоры о мире по собственной безумной инициативе. Он был убежден, что Гесс выполнял поручение фюрера. Хрущев в мемуарах вспоминает, что Сталин говорил членам Политбюро, что не сомневается в этом.

Никакой паранойи тут не было. В самом деле, невозможно же было предположить, что третий человек в Рейхе, второй после Гитлера в партии, преданный фюреру, как собака, Гесс («тень Гитлера»), против воли босса решился на политическую авантюру такого значения. В приговоре Гессу Нюрнбергского трибунала сказано, что, улетаая в Англию, он вез с собой мирные

предложения, которые, как он утверждал, Гитлер был готов принять. Вполне резонно было Сталину заключить, что это были предложения Лондону закончить на приемлемых для него условиях войну и развязать Гитлеру руки для нападения на Россию. Вполне резонно было ему заключить, что у англичан, в их тогдашнем положении, есть достаточные основания благосклонно отнестись к такому варианту завершения войны. Он не мог не учитывать при этом тот очевидный для него факт, что не было для лондонских стратегов более вожаемой перспективы, чем столкновение гитлеровской Германии со сталинской Россией.

Из такой реальности, из готовности англичан пойти на сделку с Гитлером, должен был исходить реалист Сталин весной 41-го. Однако был пробел в логике его построений. Он ошибался: Черчилль, члены его военного кабинета, лидеры парламента слишком хорошо знали, чего стоят договора с Гитлером. И еще один немаловажный момент, который не принимал во внимание Сталин: он не понимал национальный характер англичан. Таким образом, даже если предположить, что Гесс выполнял поручение своего босса, то оно было обречено на провал.

Но ведь не только германская угроза нависала над Россией, еще и японская. Японские лидеры, включая подписавшего в апреле 41-го в Москве советско-японский договор о ненападении министра иностранных дел Мацуоку, контролирующее правительство милитаристы (особенно так называемая «квантунская клика»), вынашивали планы агрессии на советском Дальнем Востоке. Япония была ассоциирована с Германией в рамках двух, по сути антисоветских, пактов – «Антикоминтерновском» и Тройственном Tripartite Pact, и Сталин, информированный глубоко внедренным в круги токийского политбюро, приятелем германского посла Отта, советским агентом Рихардом Зорге, не мог не знать

об этом. Не мог он сомневаться в готовности японцев нарушить пакт. Не мог не учитывать высокую вероятность, что в случае нападения Германии японцы вознамерятся взять реванш за поражение на Халхин-Голе в августе 39-го. Таков был расклад в эти, считанные до 22 июня, недели. Зорге ведь только осенью 41-го сообщил в Москву о решении японского руководства направить их экспансию на юг, в сторону южных морей, на захват оказавшихся «бесхозными» летом 40-го обширных колоний Франции и Голландии, а не на север, т.е. на советское Зауралье, на Дальний Восток. Весной-летом 41-го война на два фронта – западном и восточном, война, которую он не мог выиграть, должна была представляться Сталину вполне реальной и близкой перспективой.

Один, вполне сценический, эпизод, происшедший на Ярославском вокзале Москвы 13 го апреля 41го во время проводов Мацуоки, подписавшего пакт о нейтралитете и ненападении между Японией и СССР, отражает состояние Сталина в этот период. После основательной попойки в Кремле с Мацуокой по поводу подписания пакта Сталин и Молотов к изумлению собравшихся для проводов дипломатов и журналистов появились на перроне (Сталин никогда никого не встречал и не провожал.). Оба были в возбужденном состоянии. Сталин подошел к германскому послу Шуленбургу и, обняв его за плечи, сказал: «Мы должны оставаться друзьями, вы должны сейчас сделать все, все для этого». Затем он нашел среди присутствующих и.о. военного атташе полковника Кребса и сказал ему почти то же самое.

Великий лицедей Сталин, надо полагать, разыграл эту сцену, чтобы произвести эффект на присутствующих и... как посыл Гитлеру. Скорее всего, это был осмысленный поступок, но можно допустить, что у него сдали нервы. Ведь за день до этого, 12 апреля, немецкие танки вошли в Белград, а 27го апреля над Акрополем взвился флаг со свастикой. А он-то надеялся, что вторжение в Югославию

с её труднодоступным горным рельефом, и в Грецию, которую защищали англичане, отнимет у Гитлера несколько месяцев!

Думаю, что психоаналитик диагностировал бы состояние Сталина весной 41-го как «когнитивный диссонанс», т.е. «дискомфорт, вызываемый противоречием между имеющимся устоявшимся представлением и свежей поступающей информацией, фактами». Убеждение, что Гитлер не нападет пока не решит вопрос с Англией, было «устоявшимся представлением» Сталина. Но нарастающий с каждым днем поток «информации, фактов» противоречил ему.

«Но разведка доложила точно» (Из песни 1939 г.).

Содержание плана «Барбаросса» (нападения на Союз) по свидетельству бывших начальников ГРУ генералов Ивашутина и Ладыгина было доложено Сталину уже через 11 дней после его подписания Гитлером. После учиненного Сталиным в 1937-38гг разгрома зарубежной агентуры, её дееспособность, главным образом агентуры ГРУ, была уже к 1940-му восстановлена. Проникновение в самые сокровенные сферы политики Рейха, включая гестапо (Willy Lehmann), было её несомненным достижением. Известно, что было всего 9 копий отпечатанного плана «Барбаросса», этого наисекретнейшего документа, 7 из которых лежали в сейфе Гитлера, приказавшего предпринять чрезвычайные меры предосторожности, ознакомив с ним только предельно минимальный круг лиц, только тех, кому это было необходимо для конкретной работы. Даже Риббентроп, если верить его предсмертным мемуарам, не был в их числе.

Объективно говоря, пришедшим на смену репрессированным, новым кадрам советской резидентуры в Германии досталось не такое уж тяжелое поле деятельности. Они унаследовали завербованную предшественниками агентуру – идейных антинацистов,

таких, как члены «Красной капеллы» офицер главного штаба Люфтваффе Harro Schulze-Boysen («Старшина») и консультант министерства экономики Arvid Harnack («Корсиканец»), поставившие бесценную информацию (за шесть дней до 22 июня они сообщили в Москву о предстоящем нападении). Среди тайных антинацистов были такие фигуры, как шеф военной разведки адмирал Канарис, второй человек в министерстве иностранных дел Вайцекер, дипломат Гизевиус, не говоря уже о менее высокопоставленных бюрократах и военных.

Что касается засекреченности плана Барбаросса, то в этом случае, как и в ряде других случаях, засекреченности стратегических операций, пресловутая нацистская контрразведка, была совсем не на высоте. Утечка информации шла по разным каналам. Так, Канарис сообщил весной 41-го о готовящемся нападении своей близкой знакомой, связанному с английской Intelligence члену польского Сопротивления некоей «madame J.» и попросил её передать эту информацию в Лондон (JanColvin, «Chief of Intelligence»). Другой пример: генерал Фридрих Паулюс, руководивший разработкой плана Барбаросса, поделился его содержанием с членами своей семьи. Фрау Паулюс, критически относящаяся к нацистскому режиму румынская аристократка, с негодованием встретившая сообщение мужа, имела друзей среди инфильтрированных советской агентурой аристократических кругов русской эмиграции в Берлине. Княжна Мария Васильчикова, прелестная «Мисси», приятельница Клауса фон Штауффенберга и его друзей-антифашистов, была среди них. Вполне можно предположить, что через них просочилось немало сведений, в том числе и о «Барбароссе». (Geoffrey Bailey, «The Conspirator»).

Разведка много чего докладывала точно, но Сталин ей не доверял. Делать оценки и выводы, противоречащие его мнению, а тем более настаивать на них, было опасно не

только для карьеры, но для жизни. Гитлер все же способен был иногда соглашаться с противоположной позицией (например, весной 1944-го командующий войсками на Западе фельдмаршал Рундштедт утверждал, что высадку союзников следует ожидать через Дуврский пролив, в Падде-Кале, а Гитлер интуитивно чувствовал, что в Нормандии, но уступил, на свою беду, мнению Рундштедта.) И он не расправлялся с теми, кто настаивал на своем вопреки его мнению.

Но не Сталин. Тому пример – трагическая судьба начальника ГРУ в 1939-40гг. генерала Ивана Проскурова, одного из немногих руководителей советской внешней разведки, даже, пожалуй, единственного, кто осмелился не только иметь собственное мнение, но и высказывать его. Основываясь на агентурной информации, он был убежден, что Гитлер нападет летом 41-го и отстаивал свою позицию перед Сталиным. Боевой летчик, Герой Советского Союза, красивый, смелый человек, посмел перечить Сталину. В 1940-м он был снят с должности и в 1941, после того, как подтвердилось его правота, расстрелян. Было ему 35.

Те из комсостава разведслужб, кто уцелел в репрессиях 30-х годов, извлекли урок из этого случая. Сменивший Проскурова Филипп Голиков, глава Наркомата госбезопасности Всеволод Меркулов, начальник Управления иностранной разведки этого наркомата Павел Фитин – каждый из членов этой тройки, на которых замыкалась вся агентурная информация, не стремясь повторить судьбу Проскурова, отбирали и интерпретировали факты таким образом, чтобы не противоречить известному им убеждению «хозяина»: летом 41-го Гитлер не нападет.

О том, какой поток информации о готовящемся нападении получал Сталин, написано немало. На мой взгляд, наиболее полно и системно это проанализировано в фундаментальной монографии бывшего шефа ЦРУ в

Берлине в 1950-е годы Дэвида Мёрфи «Что Сталин знал загадка Барбароссы» (David Murphy «What Stalin knew the enigma of Barbarossa»), опубликованной издательством Йельского Университета в 2005 г. Мёрфи рассматривает поступавшую информацию по источникам, по ведомствам (ГРУ, НКГБ, разведка погранвойск, железнодорожных войск и пр.) в территориальном и временном разрезе. Масса деталей, характер персоналий, авторские комментарии... Серьезный труд, по прочтении которого вопрос «почему Сталин не верил очевидностям?» все-таки остается без ответа. Точнее сказать, автор рассматривает разные версии, но ни одной из них не отдает предпочтение.

Сталин был убежден, что Лондон стремится столкнуть его с Гитлером и с этой целью фабрикует и поставляет ему соответствующую информацию. Сам мастер дезинформации, агентурных манипуляций, он был уверен, что не даст переиграть себя. В том, что Черчилль делает все возможное, чтобы ускорить зреющий советско-германский конфликт, Сталин был, конечно, абсолютно прав. Но он пал жертвой собственной изощренности. Всю агентурную информацию он воспринимал, главным образом, как усилия английской intelligence спровоцировать этот конфликт. Гитлер в своей дезинформационной игре с ним здорово использовал эту «идею фикс» Сталина. Хироаки Куромия (Hiroaki Kuromia) в книге о Сталине приводит такое высказывание вождя, относящееся еще к 1936 г. Куромия взял это из публикации перебежчика, видного чекиста тех лет, общавшегося со Сталиным, Александра Орлова. «Гипотеза, основанная на разведданных, может превратиться в самим собой созданную ловушку».

Не знаю, действительно ли это фраза Сталина, но она передает его восприятие агентурных данных. И боясь попасть в собственную ловушку, Сталин угодил в ловушку Гитлера. Как же Гитлеру удалось заманить его?

«Bodyguard of lies»

Мастерски, с выдумкой, была выстроена Гитлером и его подручными эта ловушка. Главным условием успеха планируемого блицкрига была неожиданность, внезапность атаки. Сообщив впервые, 31-го июля 1940 г., Кейтелю, Йодлю, Гальдеру и Браухичу о своем намерении напасть на Россию, Гитлер приказал создать непробиваемую завесу секретности и deception вокруг планов реализации этой идеи. Он поставил перед ними колоссальной сложности, не имеющую прецедента в мировой военной истории, задачу обмана противника с целью обеспечить «стратегический сюрприз», несмотря на огромную аккумуляцию военной силы на границе. Он сам ориентировал главных исполнителей, среди которых были, конечно же, и Геббельс, и разведывательные – контрразведывательные структуры, включая аналог ГРУ – Абвер, и Риббентроп, и Гиммлер, Гейдрих, и командование Вермахта.

Понятие «обман» не раскрывает полностью многосторонний смысл, значение проводимой на протяжении года (июль 40-го-22июня 41-го) операции. Скорее, это – «deception operation», что применительно к данной теме уместно перевести не только, как «обман», но более емко, шире, полнее: мистификация, хитрость, уловка, блеф, «сбить со следа», «заморочить голову»... Всё это вполне воспроизводит методы действий дирижируемых Гитлером военных, intelligence, дипломатических и пропагандистских служб Рейха с целью убедить Сталина, что летом 41-го нападение не произойдет.

Эта операция была чрезвычайно успешной. Германские историки считают её непревзойденной в истории войн. Не уверен, что это так. Серия deception операций, проведенных англичанами в ходе Второй мировой войны, с целью ввести противника в заблуждение относительно

места и времени высадки союзников в Нормандии, по изобретательности, по разнообразию сюжетов, по выдумке, по тщательности исполнения и конечному эффекту, не уступает германским. (Советую посмотреть английский фильм *The Man Who Never Was*, воспроизводящий реальную, проведенную английской разведкой, операцию по дезинформации перед высадкой союзников в Сицилии. Невероятная история, но все на фактах.)

Скупой на похвалы Сталин написал Черчиллю через несколько дней после высадки: «... Мои коллеги и я не можем не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения». Эта оценка по справедливости должна быть отнесена и к ряду искусно разработанных многоходовых операций, проведенных британскими спецслужбами для дезориентации германского командования при подготовке операции «Оверлорд» (вторжение в Европу) под кодовым названием «Bodyguard», т.е. телохранитель, заимствованным у Черчилля, который в ноябре 43-го на Тегеранской конференции сказал: «Во время войны правда настолько бесценна, что её необходимо окружить телохранителями лжи».

Английская *Intelligence Service* тогда превосходила все разведки мира. Не благодаря ли интеллектуальному уровню её сотрудников? На неё работали многие интеллектуалы, в том числе Сомерсет Моэм и Джон Голсуорси. В годы обеих мировых войн выпускники Кембриджа и Оксфорда – математики, логики, психологи, историки, лингвисты, этнографы – активно рекрутировались в разведслужбы.

Гитлеровская кампания дезинформации проводилась без единой режиссуры. Каждый, исполняя свою роль, действовал инициативно, и, зачастую, без согласования с другими её участниками. От фюрера исходили лишь

общие предназначения. В результате, как свидетельствует участник проводимых Геббельсом ежедневных оперативок Вернер Вахтер, сами игроки запутались и не в состоянии были отличить правду от обмана. (Willi Boelcke, ed. *The Secret Conferences of Dr. Goebbels: The Nazi Propaganda War, 1939-43*).

Гитлер, лидеры его *intelligence* и пропаганды понимали, что они не в состоянии наглухо заблокировать каналы, по которым могут поступать сведения о «Барбароссе», понимали, что они просочатся через агентурную сеть в Москву, Лондон, Париж и т.д., предвидели, что ведущиеся по нарастающей приготовления к вторжению такого масштаба не удастся утаить, что они будут освещаться в западной прессе и станут предметом пристального наблюдения и тщательного анализа советских разведслужб. Известные, апробированные мировой практикой и отработанные германским Генштабом еще в ходе Первой мировой войны (*Desinformation Service*), включенные в германскую военную доктрину главой Рейхсвера генералом фон Сектом в 1920-е годы, методы дезориентации, дезинформации противника с целью преподнести ему «стратегический сюрприз», вполне обоснованно были признаны неадекватными, применительно к условиям готовящегося блицкрига в Россию.

Гитлеровская *deceptive operation* была разнообразной по тематике постановкой. Среди прочих, доминировали две темы. Первая, по времени вброса и по влиянию, автором которой был сам фюрер: массивная дислокация войск на востоке – ни что иное, как подготовка к вторжению в Англию. Почему вблизи границ России? Да чтобы иметь возможность формировать, тренировать, вообще – готовить войска вне досягаемости английских бомбардировщиков и рекогносцировочной авиации! Вторая: создание оборонительного пояса на случай нападения России. Вторая тема воспринималась с гораздо

меньшим доверием. А вот первая обсуждалась в политических и медийных кругах Запада, как наиболее вероятный, наиболее мотивированный ход Гитлера в игре со Сталиным.

Дислокация войск на востоке, как подготовка к вторжению в Англию, была успешным трюком. Для придания ему убедительности применялись хитроумные приемы, многоходовые комбинации. Только несколько примеров. К воинским подразделениям были прикреплены англоязычные переводчики; было напечатано и направлено в подразделения большое количество карт Англии, английских словарей-разговорников; вдоль берега Ламанша были размещены баржи, якобы готовые к погрузке войск; проводилась аэросъемка прибрежной зоны Англии и т.п.

Солдаты, офицеры знали, что их готовят к вторжению в Англию, а дислокация на востоке – стратегический маневр. В берлинском ресторане два офицера-отпускника, якобы сильно «поддавши», громко говорят о том, как хорошо английское виски и как они уже в скором времени будут пить его сами и посылать друзьям. Более того, называют дату вторжения. На следующий день оба были арестованы («болтун – находка для шпиона») и слух об этом гуляет по Берлину. Такого рода эпизодов было множество. И множество слухов циркулировало среди населения. Среди них: Сталин должен прибыть в Берлин или в Кенигсберг для встречи с Гитлером и уже изготовлены советские флаги для вывешивания на Берлинском вокзале к его приезду. И, действительно, соответствующее предприятие получило заказ на флаги. Ну, и т.д. и т.п. Всё это находило потребителя в лице советской агентуры.

Где-то уже в феврале 41- го до сведения Москвы было доведено, что план «Барбаросса» сам по себе – это deception, с целью убедить Лондон в отказе от вторжения в Англию и в готовящемся нападении на Россию и, тем

самым, ослабить подготовку англичан к предстоящему германскому нападению. Это был двойной блеф. В начале мая в германские посольства, военным атташе, были посланы «секретные» сообщения, что все слухи о войне с Россией не имеют ничего общего с действительностью, а действительность такова, что восемь германских дивизий вот-вот будут переброшены на запад для подготовки приближающейся высадки в Англию.

А вот фигура высшего пилотажа. В июне 41- го, за десять дней до 22- го июня, Геббельс под своим именем опубликовал в «Фёлькишер Беобахтер» статью, «раскрывающую», что вот-вот состоится вторжение в Англию. Спустя короткое время этот номер газеты полицией нарочито поспешно был изъят из продажи. Все же, небольшая часть тиража мгновенно разошлась, птичка успела выпорхнуть. Сенсация: Геббельс проболтался! Для пущего правдоподобия в кругах нацистской иерархии был распространен слух, что руководством ОКВ, а может быть – и самим фюрером, Геббельсу было сделано «строгое внушение».

Таким образом, была организована «утечка информации», на которую клюнула иностранная пресса в Берлине и, надо полагать, советская агентура. «Утка» эта была продуктом творчества «талантливого», как сказал о нем Путин (и правильно сказал: гений и злодейство – абсолютно совместимы, примеров тьма), министра пропаганды, который на следующий день в своем дневнике написал, что был счастлив от того, как удался этот его трюк.

Четыре гипотезы

Густая, непробиваемая завеса изощренной дезинформации, как камуфляж, покрывала подготовку к нападению. Как воспринимал её конечный адресат? Сталин был сам себе intelligence аналитик. В течение

предшествующих катастрофе трех месяцев, когда уже отчетливо обозначился кризис в отношениях с Гитлером, он должен был сам себе ответить на вопрос о подлинных намерениях фюрера. Чего он, на самом деле, хочет? (Весной 41-го тема эта была в центре внимания европейской и американской прессы и контент-анализ её направлялся Сталину.) Из массы всего поставляемого ему в конденсированной форме объема информации он, как считает ряд компетентных авторов (Александр Некрич, Severin Bialer, Harrison Salisbury), вычленил следующие четыре гипотезы: Гитлер атакует не взирая ни на что; Гитлер блефует, т.е. в его намерения не входит война с Россией, его цель, демонстрируя военную силу, вынудить Сталина к дальнейшим экономическим и стратегическим уступкам; Гитлер обеспечивает защиту границы на востоке в преддверии вторжения в Англию; Гитлер нападет, но в том случае, если Сталин не выполнит условия ультиматума, который он ему предъявит.

Циркулировали в прессе, в дипломатических кругах и другие версии надвигающегося конфликта, порой совершенно фантастические, но эти четыре в большей мере соответствовали сложившимся к тем порам представлениям о характере и намерениях фюрера, о его методах достижения цели. Именно из этих четырех карт Сталин должен был выгащить одну и на неё сделать ставку. На первой гипотезе Сталин, полагаю, не задерживался. В силу его характера, его политической логики, его понимания цели, стратегии и тактики Гитлера, он не мог себе представить, что Гитлер: «атакует, не взирая ни на что», т.е. до решения вопроса с Англией. Ну, никак не мог он допустить, что Гитлер настолько безумен, что готовит «войну на два фронта».

Таким образом, оставались три карты: 1. блеф, т.е. не реальная готовность к нападению, а лишь демонстрация силы с целью добиться выполнения экономических, территориальных, политических требований; 2.

аккумуляция войск, как подготовка к вторжению в Англию, а не для нападения на Россию. 3. ультиматум с очень жесткими условиями, и нападение, если они не будут приняты. Только эта карта означала реальную угрозу нападения, т.е. войну с Германией.

Судя по всему, начиная с мая, Сталин стал разыгрывать третью карту. Мог ли он при этом исходить из того, что Гитлер нападет, получив отказ на ультиматум и не завершив войну с Англией? Повторюсь, весной 41-го Сталин был уверен, что Гитлер рассчитывает на скорое соглашение с Англией. Её положение весной 41-го было тяжелым: проиграны сражения на всех фронтах – Скандинавском, Балканском, в Северной Африке, угрожающая ситуация на Дальнем Востоке, потери флота. Сталин не мог не знать об оппозиции Черчиллю в британском политистеблишменте, о капитулянтских настроениях, усилившихся под воздействием бомбежек Лондона, Ковентри и т.д. Он подозревал, что между Лондоном и Берлином идут тайные переговоры. «Миссия Гесса» убедила его в обоснованности этих подозрений (мемуары Хрущева).

Гипотеза «ультиматума»

Сталина захлестывал поток агентурной информации, на достоверность которой он не может полагаться. Один только пример из мемуаров Валентина Михайловича Бережкова, который был в 40-41гг. первым секретарем советского посольства в Берлине: начиная с марта 41-го посольство, т.е., очевидно, резидентура, получало сведения, согласно которым нападение состоится 6 апреля, затем 20 апреля, затем 18 мая и, наконец, 22 июня. (В.Бережков. «С дипломатической миссией в Берлине»). Как, спрашивается, Сталин мог поверить в достоверность последней даты, если три предыдущие, полученные из источников одинаковой степени надежности, оказались фальшивкой? Дезинформаторы методично погружали

Сталина в этот поток, в котором реальные факты были неразличимо перемешаны с «дезой». Можно себе представить его растерянность, а это именно то, чего они добивались. Особенно настойчиво они старались внедрить в его сознание идею «ультиматума», переговоров, и, как производное: цель перемещения Вермахта на границы с Россией – оказание давления на него, чтобы он уступил требованиям Гитлера. Среди этих требований якобы были: право транзита германских войск через территорию СССР, сдача в аренду Украины, право контроля над Бакинскими нефтяными месторождениями и т.п.

Не только Сталин, но большинство политической элиты евро-атлантического мира и разведок, отвергало первую гипотезу. Исключение составляли очень немногие, постигшие природу Гитлера, в том числе Черчилль, Бенеш, Рузвельт. Даже лидеры Рейхсвера почти до конца не были убеждены в окончательности решения своего фюрера. Главком армией фельдмаршал Браухич, незадолго до вторжения доверительно попросил адъютанта Гитлера майора Энгеля выяснить, действительно ли фюрер решился или он блефует? (Gerhard Engel, *At the Heart of the Reich*). Но нет, не блефовал Гитлер.

Подавляющему большинству дипломатов, политиков, журналистов-международников, корреспондентов главных западных газет гипотеза «ультиматума» в мае-июне 41-го представлялась оптимальной для Гитлера, отвечающей известному в логике принципу Оккама: «если существует много объяснений какой-то проблемы, правильным обычно оказывается простейшее». Это, конечно, было известно Сталину. И, что гораздо важнее, ему было известно, что легендарная английская *Intelligence Service*, имеющая заслуженную репутацию самой надежной в мире по кадровому – агентурному и аналитическому – потенциалу, в большинстве своих оценок считала, что Гитлер будет «делать все возможное,

чтобы избежать войны на два фронта и, следовательно, не следует ожидать нарушения советско-германского договора пока Британия держится»,

Начиная с марта 41-го в рядах британской разведки наметился раскол. Один из её руководителей, глава Объединенного разведывательного комитета Виктор Кавендиш-Бентинк на основании собственного анализа пришел к выводу о вероятности германской атаки на Россию в близком будущем. Но коллеги по комитету скептически отнеслись к его мнению. В мае специально созданная аналитическая группа стратегических оценок в своем прогнозе сообщила, что следует ожидать германской атаки на Россию в интервале 20-25 июня. Но реакция руководителей разведки и военного руководства (Объединенного комитета начальников штабов) свелась к абсолютному неприятию этого прогноза. Они считали, что Гитлер не готов напасть на Россию, что его цель – демонстрация военной мощи, чтобы, предъявив ультиматум, вынудить Сталина к новым концессиям. Шеф военной разведки генерал Давидзон в апреле: «У нас нет оснований верить, что атака на Россию неизбежна» (J.Gwyer, Grand Strategy). Таково же было мнение министра иностранных дел Идена. Но, в середине июня он все же пришел к выводу о скором нападении. (Eden, The Reckoning).

Таким образом, наиболее влиятельные члены британского военно-политического и разведывательного истеблишмента, за редким исключением, были убеждены, что до предъявления ультиматума Гитлер на Россию не нападет. И Сталин был вполне осведомлен об этом. Следует полагать, что один из главных членов так называемой «Кембриджской пятерки» (группа советских агентов в Англии) Ким Филби, который в 1940-41г.г. был высокопоставленным сотрудником S.I.S. (Secret Intelligence Service), пресловутой М-16, исправно поставлял в Москву информацию на эту тему. Думаю, что

к оценкам английской разведки Сталин относился с доверием, может быть с большим, чем к оценкам собственной.

Вполне можно предположить, что ему были известны и оценки японской разведки, тоже не последней в мире. Стенфордский университет опубликовал в 1960-х протоколы заседаний японского кабинета министров. В одном из них, от 7 июня 1941г. , приведено высказывание военного министра, с октября – премьера, Годзио Тойо о том, что прежде чем объявить войну России, Германия сначала предъявит условия «...сначала предъявят условия, а затем объявит войну» (Nobutaka Ike, Japan's decision for War). Думаю, Зорге, у которого были связи на верхних этажах японской правительственной иерархии и который был конфиденнтом германского посла в Токио Отта, проинформировал об этом Москву.

По сценарию «ультиматума» Сталин вынужден будет согласиться с его условиями. Таким образом, Гитлер избежит войны на два фронта и получит «по максимуму» все, чего он хочет: и украинскую житницу и бакинскую нефть. Логично? Абсолютно. Можно ли допустить, что Сталин будет готов принять ультиматум? Гипотетически можно. Он — ленинец, и прецедент вынужденного Брест-Литовского мирного договора с предъявившей ультиматум Германией, заключенного Учителем в марте 1918- го, в критической ситуации уступившим немцам Украину, часть Белоруссии, Прибалтику, должен был служить ему уроком, примером единственно правильного в сложившихся обстоятельствах стратегического отступления, маневра, с целью выигрыша времени для подготовки к наступлению. В реальности – нельзя. Он сам готовил нападение.

Марк Солонин пришел к заключению – в июле; академик Юрий Пивоваров – в августе. Фактор времени был решающим. Но Сталин, как мне представляется, не хотел вероломно нападать первым. В том случае, если

сценарий «ультиматума» станет реальностью, а он, по-видимому, в это поверил, то он его отвергнет. Затем, до истечения срока ультиматума, он нападает первым. Если же Гитлер его опередит, то не застанет его врасплох, «сюрприза» не будет. И не он, а Гитлер будет агрессором. Немцы разминируют приграничную полосу, перерезают проволочные заграждения, укрепляют мосты через пограничные реки, приспособливают локомотивы и вагоны к российской, более широкой, чем европейская, железнодорожной колее, берут пробы российского бензина и дизельного топлива, проводят интенсивную аэросъемку приграничной территории... Множество неопровержимых свидетельств тщательной, с немецкой дотошностью, подготовки вторжения.

Что же Сталин? Он ждет ультиматума. Он не хочет провоцировать Гитлера. Идет интенсивное стратегическое планирование, проводятся стратегические командно-штабные игры, под видом учебных сборов частичная мобилизация (более 800 тысяч человек), разрабатываются планы стратегического развертывания, первых операций, одним словом, на май-июнь приходится последняя стадия подготовки к войне. Но Сталин готовится начать войну на своих условиях. Ему надо протянуть еще совсем, совсем немного!

Остается загадкой: почему он не верил, что нападение произойдет именно в июне? Об этом столько написано! Хватает и нелепостей. Солженицын, например, считает, что Сталин верил Гитлеру, а израильский военный историк Габриель Городецкий, утверждает, что причина – self-deception – самообман Сталина. Так и назвал свою книгу: «Self-Deception. Stalin and the German Invasion of Russia.» Самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз». Самообман, по Городецкому, заключался в том, что Сталин создал для себя «теорию раскола», т.е. что «армия и ревностные

нацисты настаивают на войне, а Гитлер и Риббентроп по-прежнему верны духу пакта с Советским Союзом...».

Комментировать такого рода откровения лишено смысла. Пока не раскрыты архивные документы, способные пролить свет на многие загадочные события весны-лета 41-го, остается только выстраивать разной степени вероятности гипотезы на эту тему.

Одной из них, отнюдь не лишенной правдоподобия, является относящаяся к жанру конспирологии гипотеза Марка Солонина. Он пытается объяснить загадочный факт: почему, когда уже создаются и выводятся на полевые командные пункты фронтовые управления, когда за несколько дней до 22 июня уже изданы приказы по дивизиям, корпусам и армиям (Солонин цитирует некоторые из них), неопровержимо свидетельствующие о приведении войск в состояние предельной боевой готовности, и вот, «... буквально за 1-2 дня до фактического начала войны в войсках западных приграничных округов начали происходить события, которые трудно характеризовать иначе, как преднамеренное снижение боевой готовности!». Отдаются приказы, отменяющие повышенную боеготовность, зенитные части перемещаются на тыловые полигоны, неожиданно объявляются выходные дни, войска укрепрайонов выводятся в тыловые казармы. Вечером 21 июня командование Западного военного округа наслаждается спектаклем, в воинских частях этим же вечером состоялись концерты приглашенных артистов... Очевидно, что с самого верха дан приказ расслабиться, притом демонстративно. (Марк Солонин, «Нет блага на войне»).

Не буду здесь пересказывать объяснение Солонина этой загадки. Его можно прочесть в его книге в онлайн. Замечу только, что Солонин, по моему мнению, один из самых, если не самый, добросовестный автор из пишущих на эти темы.

Среди нагромождения генерируемых машиной дезинформации множества домыслов, слухов, идея «ультиматума» воспринималась политическими кругами и разведками Запада, как абсолютно рациональная для Гитлера, вполне соответствующая апробированной им методике. Это было бы так, если бы Гитлер был тем, за кого они его принимали – циничным, рационально, реалистически мыслящим диктатором. Таким его воспринимал и Сталин. Осторожный, расчетливый Сталин наделял теми же свойствами Гитлера. Он был не в состоянии вообразить, что тот, воюя с мобилизовавшей все ресурсы Англией, получающей мощную и нарастающую американскую материальную подпитку, одновременно решится атаковать на огромном, сложнейшем по физико-географическим условиям фронте хотя и ослабленную репрессиями командного состава, но к тому времени превосходно вооруженную, как убедительно показывает в своих исследованиях Марк Солонин, Красную Армию.

Заключение

Занимаясь Сталинианой, я вовлекся в дрящееся уже многие десятилетия обсуждение двух тем: готовил ли он превентивное нападение на Германию и почему для него было неожиданным нападение 22 июня. Я попытался представить себя в его ситуации. Расхожее выражение по-английски: «If I were in his shoes», т.е. если бы я был в его ботинках», применительно к Сталину – в его сапогах. Думаю, что надев «его сапоги», самый что ни на есть искушенный политик вполне мог бы попасть в ловушку, мастерски сконструированную гитлеровскими deception makers.

Преодолевая биографически обусловленную ненависть к Сталину, должен признать, что исходя из цели – подготовки к войне с гитлеровской Германией – его действия в период между «Мюнхеном» и 22 июня были

совершенно обоснованными, рациональными, и в том геополитическом контексте, за немногими исключениями, совершенно оправданными. И заключение Пакта «М-Р» было единственно разумным решением. И вся его эквилибристика в отношениях с Гитлером с целью выигрыша времени была в целом логически осмысленной. Сталин попал в расставленную ему ловушку потому, что он не понимал характер, натуру Гитлера. Черчилль понимал, а он – нет. Сталин мерил Гитлера на свой аршин, не понимая, что Гитлер – игрок совсем другого темперамента. Сталин не способен был играть ва-банк, а Гитлер это не раз делал, руководствуясь интуицией, эмоциями, а не логикой и здравым смыслом. Сказал же он накануне вторжения Вальтеру Хевелу (Walther Hewel), что у него такое чувство, будто он открывает дверь в темную комнату, в которой никогда не был, не зная, что там, за этой дверью.

И в этом непонимании природы Гитлера, мотивации его политической стратегии и практики, в непонимании авантюрного характера Гитлера – маньяка, порой экзальтированного истерика, упоенного собой, своим провиденциальным предназначением фантазера, а не с холодной головой все взвешивающего прагматика, как он сам, заключалось самое серьезное, самое катастрофическое по последствиям заблуждение Сталина.

«Watson, you are coming along wonderfully. We have really done very well indeed. It is true that you have missed everything of importance, but you have hit upon the method. «Ватсон, у вас все прекрасно получилось. Мы действительно делали все очень хорошо. Правда, вы не учли самое важное, но вы правильно следовали методу».

Sherlock Holmes, in “A Case of Identity”.

P.S. Понимают ли верноподданные нынешнего российского «самодержца» его характер, что им движет, как далеко он может зайти, на что способен решиться, чтобы сохранить свою бесконтрольную власть, владеет ли он своими эмоциями, насколько контролирует себя? Все чаще приходится сомневаться в этом. Его одержимость, весь запущенный им украинский цикл с его текущими и, особенно, долговременными последствиями, неспособность или уже невозможность дать задний ход – все это наводит на исторические ассоциации из недалекого, по историческим меркам, прошлого. И в который раз вспоминается набившая оскомину максима Ключевского: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание своих уроков».

Борис Румер, москвич, экономист, до эмиграции в США в 1977 году публиковал статьи по экономике промышленности, инвестициям, региональной экономике в журналах “Вопросы экономики”, “Плановое хозяйство”, “Вестник статистики”. С 1978-го член Центра им. Дэвиса Гарвардского Университета. Работая здесь, выполнил ряд проектов. Издал несколько книг. Напечатал много статей по экономической и социо-экономической тематике в американских и европейских журналах.

Ведет блог в журнале Exclusive (Exclusive.kz), в котором делится впечатлениями о событиях в мире, в России, в Америке.

ВАДИМ ТЕЛЕШ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Где кончаются запястья
И руки текут извивы,
Проливая краску счастья
На печальные обрывы;

Где из самых тонких линий
Дождь выдумывал портреты,
Мне казалось, мы могли бы
Их узнать по силуэтам.

Время: суть – проникновенье,
Тонкой зыбью по воде,
То ли памятник движенью,
То ли повесть о себе.

Не одной хромою кошкой
Перемерены углы.
Время – старая дорожка,
Все обвалы, да валы.

Только память лоскутами
(Каждый тоньше и светлей)
Возвращается за нами
И ложится у дверей.

– Умоляю, не купейным,
Только в давке, у своих,
Где за звездочкой в портвейне
Волочится жалкий стих,
За дырявою косынкой,
В рыжем лампочки кругу,

Может лентой, может дымкой
Улыбнется на бегу.

Нежность слов перед дождем.
Тихий Бродский за углом.
Где-то лампочки горят,
Вечность просится назад.

У незапертых ворот
Друг не спит и не зовет.
Ветер пробует струну.
Звук печален.

Отвечает мне город взаимным отсутствием чувств.
Одинокие строчки, как плечи сутулых прохожих.
И сосут фонари бесконечную ночь его уст,
И кончаются улицы там же. И утро все то же.

Не проходит бесследно зима. С каждым годом острее
Мы вонзаем в несчастное небо антенны и шпили.
Тротуарам противно от ног, а глазам от огней,
Мы уходим от тех, что давно уже нас разлюбили.

Люблю тебя, Сальери, хоть и страшно
Предчувствие развития ролей.
Где капля изумруда не напрасно
Повиснет в паутине фонарей.

Все блюда на местах. Смешно и думать
Принять и выпить жизнь из тонких рук.

Что по себе оставляю? Только сумрак,
И ты в слезах, мой одинокий друг.

Ты не убийца, милый мой, я знаю.
Из тех же нот и счастье, и позор.
Люблю тебя! И чашу поднимаю:
– За музыку!.. За вечность!.. За простор!..

Дорог немного. Может быть – одна.
Без горизонта. Глаз не поднимая,
Сама в себе. Последняя страна.
Печальная и тихая. Простая.

Заветная. Из дыма и шагов,
Из ожиданий. Нераскрытых писем.
Пустых объятий, затаенных слов,
И детских невостробованных истин.

Тротуары под снегом мертвы, но автобусы ходят,
Мокрой цепью колес сводит сонные мышцы мостов.
И торчит минарет торжеством побеждающей плоти,
С необрезанной шапкой – мишенью для злых языков.

Тема зимнего вальса не знает ни сна, ни пощады.
Сигареты мокры, но упрямство рождает дымок.
Тихий город ворчит и скребет одиноко фасады,
И рука опускает окурочек в бездонный зрачок.

В стекле мелькали призраки коней
Железных. Пело пианино,
Придавленное вечностью вещей,
Которая была необходима.

Вливаясь новой нотой из окна,
Неся неуловимое посланье,
Не зная ни тепла, ни пониманья,
На небо возвращалась тишина.

Скользя вдоль желтой линии дорог
Где боль не превращается в пространство,
Мы больше не искали постоянства
И мир соединиться в нас не мог.

Ну вот и хорошо. Стрелу вонзая,
Ты придаешь абстрактности прямой
Границу точки. Этот вход от рая
Теперь принадлежит тебе одной.

Забудь ключи. Где хочешь. На комодке.
Под ковриком. В сугробе. На печи.
Размажь меня по каменной породе,
Закрась в мой рост на доме кирпичи.

Наполнись болью. Пусть не остановит
Ни снег, ни распроклятое такси.
И если мир такой любви не стоит,
Разрушь его. Забудь. И не грусти.

В город, который меня не принял,
Миру, который меня отринул,
Я не выкрикну благодарность.
Пусть забудет меня, как данность.

В этом слышится гордый Фатум.
Забываешь себя, как атом,
Пусть считается просто фактом,
Разделенным наполовину:

Этот город меня отринул.
Ни людей, ни огней не жалко.
Прояви-ка свою смекалку:
Нарисуй на песке русалку,

Помолись на далекий остров.
Из бутылки записку выкрасть
Для кого-то, возможно, хитрость,
Для изгнанника почта – дикость,

Здесь давно не звучала проза,
А на деле довольно просто,
Мхом покроется старый остов,
Вспоминая, что не сложилось.

Я гасил стеклом сигареты-стрелы,
Видел черных птиц на высокой крыше.
Мне далекий синий казался ближе,
Чем в одной руке одинокий белый.

Изгибаясь, пальцы водили углем,
Опускалась ночь, повинуюсь птицам.
И пугаясь тех, кем уже не будем,
Разбивался луч, попадая в лица.

Вадим Телеш закончил филологический факультет Белорусского Университета. Более десяти лет работал актером в минском театре «Живая планета». Один из основателей и первый главный редактор белорусской еврейской газеты «Берега».

В 2001 эмигрировал в США. Был радиоведущим на русскоязычном еврейском канале. Профессиональный фотограф. Стихи пишет с юности.

МАРК ТВЕРСКОЙ

ТАКОЕ МОГЛИ ПРИДУМАТЬ ТОЛЬКО В ОДЕССЕ

У евреев-ашкенази принято давать имена в память об умерших родственниках. Я, например, ношу имя моего деда, маминого отца. Точное имя деда установить сегодня невозможно, потому что документы Одесской хоральной синагоги пропали во время румынской оккупации города в годы Второй мировой войны. Могила деда на втором еврейском кладбище не сохранилась. В семейном альбоме моей тётки Берты долгое время хранилось фото могильной плиты, где можно было прочитать: Маркус Моисеевич Кушниревич, 1887-1931.

Из шести дедушкиных детей у всех в графе "отчество" было написано по-разному. Моя мама – Мордковна, её брат – Морисович, а все сёстры – Маркусовны. "За дедушку", как говорила моя мама, меня называли Марком, потому что в Киеве, где я родился, среди ассимилированных евреев было не принято давать новорожденным типично еврейские имена. Евреи сами себя стеснялись. Наверное, благодаря имени моя покойная бабушка Роза больше всех своих внуков и внучек любила меня. Впрочем, так думали о себе все бабушкины внуки и внучки. Она была очень добрая и мудрая, моя бабушка Роза. Говорили, что в юности она была самой красивой еврейской невестой в Одессе. К тому же, одной из самых богатых. Её отец – купец первой гильдии Аврум Рувимович Вайсберг владел сетью ювелирных магазинов и приносящей солидный доход фабрикой ковровых изделий. Кроме того, ему принадлежали три многоквартирных дома на Преображенской улице и две небольшие фабрики: кожгалантерейная на Пересыпи и засолочная на улице Разумовской.

Кроме любимой дочки, в семье Вайсберга рос его племянник, сын покойной старшей сестры Леи. Сына своего Лея нагуляла, встречаясь с каким-то смазливим студентом. Когда Лея в надежде на скорую свадьбу сообщила студенту о своей беременности, оказалось, что этот студент ещё в детстве был обручён со своей дальней родственницей, которая, выполняя волю родителей, ждала его все эти годы.

И студент, и Лея знали, что помолвка является по еврейской традиции важной составной частью бракосочетания. Некоторые еврейские мудрецы считают, что предпочтительней жениться, а потом развестись, чем расторгнуть помолвку. Религиозные евреи по сей день избегают брака с теми, кто был инициатором расторжения помолвки. Словом, окончив университет, студент укатил не то в Крыжополь, не то в Жмеринку, а Лея родила сына Моню.

Вся Одесса целый месяц только и судачила о том, что Лея Вайсберг опозорила не только себя, но и всю свою добропорядочную семью. Пересуды, язвительные улыбки, насмешки и колкости довели Лею до того, что она добровольно ушла из жизни. Похоронили её за забором кладбища, потому что на еврейском кладбище хоронить самоубийц нельзя. Можно было, конечно, у какого-нибудь доктора купить справку о том, что молодая женщина от горя лишилась рассудка и не ведала, что творила. Тогда с похоронами было бы всё в порядке. Но кто бы поверил этой липовой справке, если все вокруг знали, в чём дело.

Аврум Рувимович пожалел осиротевшего племянника и взял его в свою семью. Моня считал Вайсберга родным отцом и называл папой. Это продолжалось до тех пор, пока сердобольные соседки не рассказали ему всей правды. А Моня, между прочим, когда подрос, примкнул к большевикам и, чтобы выслужиться, привел трёх человек из ЧК в дом своего дяди и указал на тайники, где старик

хранил золотые слитки и бриллианты. Был составлен акт, и все ценности конфисковали в пользу рабоче-крестьянской власти. Этому сердце Аврума Рувимовича не выдержало. Срочно вызвали доктора Фрумкина из еврейской больницы, который осмотрел больного, извинился и сказал, что покойников он не лечит.

Хоронили Вайсберга по высшему разряду. Отпевал его известный кантор Пинхас Миньковский, а речь над свежевырытой могилой произнёс не кто иной, как сам заместитель председателя Одесского совета Саша Фельдман. Тот самый Фельдман, при посредничестве которого покойный Вайсберг пожертвовал в своё время кругленькую сумму на нужды партии анархистов, тот самый Фельдман, имя которого до 1941-го года носил Приморский (бывший Николаевский) бульвар в центре Одессы. Более того, имя Саши Фельдмана было присвоено клубу связи на улице Островидова 86. Это уже был явный перебор. Для памяти с лихвой хватило бы и одного только бульвара.

За что такие почести воздали щупленькому, низкорослому и сутулому молодому еврею? Было за что. В 1918 году по распоряжению секретаря Одесского губкома Яна Гамарника, с которым Саша Фельдман когда-то учился во второй одесской гимназии на Пушкинской 18, Саша был назначен комиссаром печально знаменитого 54-го Украинского полка имени Ленина. Личный состав полка состоял из одесских уголовников, сутенёров, щипачей, воров в законе и десятка боевиков-анархистов. А командовал полком именитый одесский бандит Мишка Япончик, он же Моисей Вольфович Винницкий.

Прибывшего комиссара встретили улюлюканьем, свистом и хохотом. Попытка Фельдмана наладить в полку политработу провалилась, чего и следовало ожидать. Здесь царили пьянство, азартные игры, грабежи и распутство. Ни о какой боевой подготовке не было речи.

Воевать никто не собирался. Добрая половина полка дезертировала и вернулась в Одессу.

О творящихся безобразиях Фельдман сообщил в штаб 45-й дивизии.

Комдив Иона Якир и без донесения Фельдмана был хорошо информирован о недопустимом положении в полку. Он решил избавиться от этого сброда и направил Япончику депешу срочно явиться в штаб 12-ой армии за новым назначением. Но Япончик приказа не выполнил и решил вернуться домой. Однако соответствующая телеграмма пришла в Одессу раньше, чем туда прибыл состав со свитой Япончика. Всем постам по пути следования поезда были даны соответствующие распоряжения. На станции Вознесенск поезд остановил красный кавалерийский дивизион под командованием Никифора Урсуляка, он же Никифор Иванович Урсулов. Командир дивизиона вошёл в салон-вагон, объявил Моисею Винницкому, что тот арестован, и потребовал сдать оружие. Япончик отказался и оказал сопротивление. Урсуляк успел выстрелить первым.

На следующий день к месту события прибыли комдив Якир и полковой комиссар Фельдман. Они хотели лично убедиться, что застрелен именно Мишка Япончик, а не кто-нибудь другой. За этот подвиг Никифор Урсуляк был награждён орденом Красного знамени. А спустя три месяца после смерти Япончика в Одессе на Большой Арнаутской улице возле дома №89 выстрелом в спину был убит "пламенный революционер" Александр Фельдман. Так бывший начальник штаба 54-го Украинского полка имени Ленина Мейер Зайдер, которому удалось выскользнуть из лап ЧК, отомстил за смерть ближайшего друга...

Все эти байки или, как говорят на идиш, майсес мне много раз пересказывал дядя Миша, старший брат моей мамы. Мама при этом ворчала:

– Мишка, не забивай мальчику в голову всяких выдумок.

Последние годы жизни дядя Миша жил в Москве, но при любом удобном случае с нескрываемой гордостью говорил, что он был и остался одесситом и болеет не за "Динамо" и даже не за "Спартак", а за "Черноморец". Отпуск дядя Миша обычно проводил в Одессе в бабушкиной квартире на Разумовской. Я на летние каникулы тоже всегда приезжал к бабушке "поправить здоровье возле моря". Я любил с дядей Мишей ездить пятым номером трамвая в Аркадию. Он разрешал мне доплывать до буйков и сидеть в воде, сколько душе угодно. Однажды я пошел с ним на Привоз – центральный городской рынок напротив зоопарка. Дядя Миша хотел купить "настоящую" скумбрию, потому что жареные бычки ему надоели. Какой-то приезжий покупатель выразил вслух недовольство, что, мол, рыба не свежая, и стал пререкаться с продавцом. Дядя Миша возмутился:

– Запомните, гражданин, и передайте всем своим знакомым, что в Одессе не бывает не свежей рыбы. Здесь вам не *кацапцина*, где пихают в рот всякую дрянь и вообще жрут всё подряд.

Слово *кацапцина* я прежде никогда не слышал и не знал, что это такое, но местный патриотизм своего дяди оценил по достоинству.

Вечером того же дня дядя Миша впервые поведал мне историю женитьбы своих родителей – моего деда Маркуса и бабы Розы. Эту майсу он потом повторял много раз. Кое что добавлял, кое что упустил, а я всегда с интересом слушал и старался запомнить...

Когда Маркус Кушниревич пришёл к Вайсбергу просить руки его дочери, тот даже не предложил ему сесть, а насмешливо спросил:

– Почему пришёл сам? Шо, у тебя нет денег заплатить шадхену?

– Нет, - чистосердечно признался сконфуженный жених.

– Ты шо, поспорился со своими мозгами или они у тебя с рождения повернуты не туда? Как ты себе представляешь? Неужели я выдам свою Розочку за нищего выкреста? От тебя же салом воняет за версту!

– Я не выкрест, я сын кантониста, которого в двенадцать лет оторвали от родителей и насильно крестили. Отслужив царю двадцать пять лет, он освободился и против правил вернул свои еврейское имя и фамилию, за что был заключён в Свято-Успенский монастырь. Оттуда он сбежал и скрывался от полиции до тех пор, пока император Александр второй не отменил призыв кантонистов. У нас в доме по субботам зажигали свечи, фаршировали рыбу и не мешали мясное с молочным.

– Жену и детей кормят хлебом с маслом. У тебя это есть?

– У меня есть руки и голова. Я не боюсь никакой работы.

– Была бы у тебя была голова на плечах и в ней сейхель (ум - идиш), как положено быть, ты бы не ишачил с биндюжниками в порту, а занимался коммерцией, как все умные евреи. И не ходил бы с пустыми карманами, руки в бруки. Так шо, господин хороший, бери ноги в руки и вон отсюда. Будет разумно с твоей стороны сделать так, шоб я тебя больше не видел.

Дед поклонился будущему тестю и ушел. Прошло две недели, и люди видели, что Маркус подкараулил Розу возле синагоги, проводил её домой и на прощание, срамота да и только, поцеловал.

А через день какой-то плешивый оболтус подошёл к деду на Колонтаевской и сказал:

– Послушай сюда, корешок. Я имею тебе сказать, что Лёвка Буйвол велел предупредить, чтобы во избежание сотрясения мозгов ты перестал женихаться к дочери Вайсберга. Ты всё понял?

– Отцепись и скажи Лёвке, чтоб занимался своим делом и не лез в чужой огород.

Прошло ещё несколько дней, и Роза через горничную передала Маркусу записку, что она угрожала отцу сделать, как тётя Лея. И папочка, скрепя сердце, дал своё добро на свадьбу.

Когда молодой Кушнирович второй раз пришёл к Вайсбергу, тот усадил его в кресло напротив себя и с улыбкой произнёс:

– Ишь ты, агрейсер гибер (большой герой - идиш), самого Левку Буйвола не испугался. А ведь я Лёвке заплатил, чтоб отвадил тебя. Думал - он человек слова, а оказалось, шо заурядный ганев (вор - идиш). Обвёл меня вокруг пальца, стервец.

– Я Лёвку знаю ещё с тех пор, как мы во дворе моей покойной бабушки Фрумы вместе строили домики в песочнике. Только он выбрал не тот путь. Помяните моё слово – он плохо кончит. Не пойму, зачем вам, солидному и всеми уважаемому человеку, надо было иметь дело с этим бандитом?

– Да леший с ним, с Лёвкой. Давай лучше о тебе поговорим. Как думаешь кормить семью? Моя Розочка привыкла жить красиво. Если мыслишь, шо я буду тебе в рот ложить белый хлеб с чёрной икрой, то очень даже ошибаешься. Всё, шо у меня есть, я заработал своим горбом и своими мозгами. Тебе в приданое отпишу квартиру на Разумовской и небольшую фабрику на Пересыпи. А потом крутись, как хочешь. Вот когда умру, всё Розочке оставляю. И Моню, конечно, не обижу. Тогда тебе и карты в руки. Если ты всё понял, то иди и готовься в ближайшую субботу прочитывать ойнфурн (молитва, которую будущий супруг читает в синагоге в ближайшую субботу перед свадьбой).

Так Маркус Кушнирович стал зятем купца первой гильдии Аврума Рувимовича Вайсберга. Маркус и Роза жили, как говорится, душа в душу. Роза родила восемь

детей. Двое умерли в раннем детстве. Остался сын – мой дядя Миша и пять дочерей.

Маркус доказал-таки тестю, что у него есть сейхель. Он увеличил фабрику, купил новое оборудование, расширил ассортимент выпускаемой продукции, открыл на производстве бесплатную столовую для рабочих. Жизнь была налажена, и все были довольны. Свалившаяся на голову мировая война не нарушила покой этой дружной семьи и даже пошла на пользу: фабрика стала получать выгодные заказы от военного ведомства. Но тут случился октябрьский переворот, и всё закрутилось в сплошном беспорядке. Богатые в одночасье стали бедняками, а бедняки, как мыкали горе, так и остались присвоих, но с лапшой на ушах – большевики накормили их досыта красивыми лозунгами и щедрыми обещаниями, а трудности житья-бытья объявили временными.

С фабрикой Маркусу пришлось расстаться – её превратили в рабочий кооператив. Дед со своим младшим братом Исааком посидели, подумали, порассуждали и решили, что большевики, как пришли, так и уйдут, а фабрика будет стоять, где стоит. Чтобы она оставалась в поле зрения, Исаак поступил туда сортировщиком готовой продукции. Рабочие, а на фабрике в основном трудились евреи, всё поняли без объяснений и для пущей важности избрали Исаака председателем местного комитета. Для этого ему пришлось формально отказаться от брата-капиталиста и вступить в партию. Через несколько лет кооператив снова стал фабрикой, где председателем завкома опять-таки избрали Исаака Кушниревича.

К слову сказать, Исаак проработал тут сорок лет. К одной из годовщин Октября его в числе прочих передовиков производства наградили орденом Трудового Красного Знамени. С годами он в партийных кругах стал числиться старым большевиком, и ему назначили персональную пенсию республиканского значения. Положение обязывает, и Исаак по путёвкам горкома

партии не раз выступал перед пионерами с рассказами о том, как в Одессе устанавливали Советскую власть.

Мой дед Маркус постепенно стал понимать, что большевики – это надолго. За фабрику он не беспокоился – Исаак осел там прочно. А дома шесть детских ртов требовали своё. Дед знал, если пойти честно работать, то на голое жалование детей не прокормишь. Время такое, что за честную работу платят копейки, а частную инициативу после отмены НЭПа преследуют.

Отчаявшись найти справедливость, дед пошёл к Лёвке Буйволу и попросил, чтобы тот взял его к себе. Буйвол угостил гостя заморской сигаретой, налил ему стакан дорогого французского вина и сказал:

– Не могу я тебя взять, Маркус. Прости, но не могу. По глазам вижу, что на мокруху ты не пойдешь – у тебя яйца всмятку и кишка тонка. Если согласен, могу тебя свести с человеком, который ищет напарника. Думаю, вы с ним столкнетесь.

Так дед познакомился с Яшкой Броней (Бронштейном), который приходился каким-то родственником самому товарищу Троцкому. Впрочем, в те годы, о которых речь, это родство ни к чему хорошему привести не могло. Когда Яшку спрашивали, он всегда отвечал: "Какой он мне родственник – седьмая вода на киселе. Я его не знаю и знать не хочу". До революции Яшка Броня был известен в воровских кругах Одессы как скупщик краденого. В "незабываемом 1919-ом" он вступил в партию, окончил курсы "червоных старшин", однако на фронт не попал – заболел сыпняком, а там и война кончилась. Броня вернулся в Одессу и принялся за старое. Его поймали на горячем, исключили из партии. Учитывая чистосердечное признание и раскаяние, судить не стали. Всё-таки не троцкист, а всего лишь уголовник, а значит социально близкий. В окружении Лёвки Буйвола Броню тоже не стали судить, потому что он никого не заложил, всё взял на себя.

Вырвавшись на волю, Яшка примкнул к артели рыбаков, но эта работа ему пришлась не по душе. Броня отремонтировал старый беспризорный баркас, поставил туда надёжный мотор и решил податься в контрабандисты. В стране всеобщего дефицита падких на контрабанду покупателей было навалом.

Для того, чтобы ходить в Турцию за товаром, нужен был надёжный напарник. Им стал Маркус Кушниревич. Они привозили в Одессу косметику, женское бельё, парфюмерию и, как писал поэт-одессит Багрицкий в своей известной поэме, "коньяк, чулки и презервативы". В Одессе в условленном месте их всегда встречал человек от Лёвки Буйвола, принимал товар и честно расплачивался. В один из дней деду пришлось возвращаться одному. Броня остался в Турции с тем, чтобы потом податься в Нью-Йорк. Там, спасаясь от революции и погромов гражданской войны, осело много одесских евреев. Броня надеялся, что они ему помогут стать на ноги. Бывшие земляки писали, что в Нью-Йорке можно прожить и без английского языка. Кто знает идиш, тот не затеряется.

Через год дед получил от Брони письмо. Яшка красочно описывал свою жизнь и звал друга в Америку. Обещал все расходы по переезду взять на себя и позаботиться первое время, пока дед не найдет своё место в новой стране. Одного не учёл Яшка: в Одессе уже наступил 30-ый год, а мышеловка захлопнулась ещё в 28-ом. Бежать в Турцию на мужнином баркасе Роза категорически отказалась – за детей боялась, не за себя.

А тем временем Буйвол прислал деду нового напарника – Ваську Триппера. Это был невысокий кряжистый мужичок лет сорока. Шляясь по публичным домам, Васька подхватил дурную болезнь, за что и получил соответствующую кликуху.

Несколько ходок за товаром прошли без приключений. Васька, конечно, был не чета Броне, но в целом дед новым напарником был доволен.

В ночь на 15 августа 1931 года Васька с Маркусом вернулись из Турции в Одессу и причалили в условленном месте. Дед сошел на берег, чтобы убедиться, что нужные люди не забыли их встретить и дать Ваське знак, что можно начать выгружать товар. Внезапно раздался щелчок выстрела. Маркус почувствовал удар в живот и жжение на месте удара. Он увидел, что к нему бегут люди в форме, хотел вернуться на баркас, но Васька Триппер, услышав стрельбу, быстро ушел в море. В то, что деду с пулей в животе удалось убежать от погони, трудно поверить. Тем не менее, это факт. Под утро дед не пришёл, а приполз домой и свалился в горнице на диван. Роза хотела немедленно побежать за врачом, но дед остановил её и сказал, что светиться ему нельзя, иначе загребут в каталажку, а там конец. Волноваться не надо – на нём все заживёт, как на собаке.

Вечером, когда раненому стало неважно, в дверь тихо постучали, и в квартиру собственной персоной вошёл Лёвка Буйвол. Он сказал, что лягавых навёл Васька Триппер, с которым уже серьёзно поговорили. Хоронить Ваську будут завтра в час дня. И ещё Буйвол сказал деду, чтоб собирался – надо в больницу ехать.

– Нельзя светиться, – возразил раненый.

– За кого ты меня имеешь? Я тебе не какой-нибудь фраер. Не бойсь. Я потолковал по душам с профессором Часовниковым, чтоб написал в истории болезни что-нибудь вроде аппендицита или защемлённой грыжи. Я популярно объяснил, что его ждёт, если будет артачиться.

Через пять дней после операции дед умер. Его нельзя было спасти – в те времена ещё не было антибиотиков.

О том, что от пулевого ранения в живот умер мой дед, знали только шесть человек: профессор Часовников, Лёвка Буйвол, моя бабушка и трое старших детей, в том

числе моя мама. Младшие всю жизнь думали, что их отец умер от прободной язвы, как написал в истории болезни лучший одесский хирург Павел Георгиевич Часовников. Что касается моей мамы, то она обманула Советскую власть: вступая в комсомол, написала в анкете, что её отец был рабочим. Проверять никто не стал, но мама прожила всю жизнь в страхе, боясь разоблачения. Когда через много лет мама узнала, что дядя Миша рассказал мне правду, она от испуга чуть в обморок не упала и взяла с меня слово, что я никогда никому не раскрою эту семейную тайну.

Бабушка Роза пережила мужа на тридцать лет. Она умерла в своей постели, окружённая детьми и внуками. Похоронили бабу Розу на третьем еврейском кладбище в Одессе на Слободке. Перед отъездом в Израиль в январе 1974 года я с женой и дочкой специально приехал в Одессу попрощаться с дорогой могилой. Напротив центрального входа на кладбище, очевидно, в назидание умершим красовался огромный транспарант: "Ленин всегда живой". Первой обратила внимание на транспарант моя тогда тринадцатилетняя дочка. Она улыбнулась и сказала: "Папа, посмотри. Такое могли придумать только в Одессе".

Марк Тверской – доктор медицинских наук. Жил и работал в Киеве. С января 1974 года – в Израиле. В течение 25 лет (1976-2001) заведовал объединением анестезиологии и интенсивной терапии в больнице города Цфата и руководил государственными курсами профессиональной ориентации (подготовка к экзамену) для врачей репатриантов. Автор нескольких книг документальной прозы и сборников юмористических стихотворений. Публикации в периодике России, Израиля, США, Германии. В 1983-84 работал в США – Fellow in Research. Член Союза писателей Израиля. Руководит литературной студией "Анахну" – Хайфа.

ИСААК ВАЙНШЕЛЬБОЙМ

ДРУГ АКАДЕМИКА САХАРОВА

Посвящается Римме Михайловне Фрадкиной, жене крупнейшего ученого, живущей в Нью-Йорке и сохранившей бесценный архив мужа, благодаря которому стало возможно написать этот очерк.

90 лет тому назад, 30 ноября 1924 года, в семье раввина небольшого еврейского местечка Щедрин Гомельской области родился выдающийся ученый, один из крупнейших физиков-теоретиков XX века Ефим Самойлович Фрадкин.

Его работы в области квантовой теории поля и квантовой статистики, а также другие масштабные открытия, способствовавшие развитию многих направлений теоретической физики. Фрадкин является основателем школы, внесшей общепризнанный вклад в мировую науку. Работы Е.С. Фрадкина удостоены Гумбольдтовской премии и других международных премий. А также золотой Дираковской медали Международного центра теоретической физики. Он был лауреатом Государственной премии, а также премии имени Игоря Евгеньевича Тамма. В 1996 году Российская академия наук наградила Фрадкина медалью имени А.Д. Сахарова №1.

Жизнь и научная деятельность Е.С. Фрадкина отражает богатую духовную и драматическую судьбу еврейского народа. Сын раввина из белорусского местечка, он пережил гонения советского периода и трагедию германского геноцида, прославил свой народ талантом и мудростью.

Фрадкин входил в группу молодых физиков-теоретиков лауреата Нобелевской премии Игоря Тамма, возглавлявшего теоретический отдел Физического

института Академии наук (ФИАН). В эту группу входили Андрей Сахаров, Петр Кунин, Владимир Чавчанидзе, Павел Немировский и другие талантливые аспиранты. Это были молодые люди, увлеченные самыми передовыми идеями современной науки.

Среди этого созвездия молодых дарований выделялся Ефим Фрадкин. Вот что писал о нем А.Д. Сахаров в своих «Воспоминаниях»: «Ефим, мы все его звали Фимой, появился в теротделе (теоретический отдел ФИАН) в конце 1948 года, после демобилизации. Вся его семья была уничтожена немцами, он был один. Из нашей компании Фрадкин ЕДИНСТВЕННЫЙ достиг «амплуа» высокопрофессионального физика-теоретика «переднего края», о котором мы все мечтали. У него огромные достижения во всех основных направлениях квантовой теории поля...» Далее Сахаров раскрывает сущность этих достижений и продолжает: «Ему первому, независимо от Ландау и Померанчука, принадлежит открытие «Московского нуля». Многие из полученных Фрадкиным результатов являются классическими. В методических вопросах Фрадкин не имеет себе равных и пользуется большой и заслуженной известностью во всем мире».

Как бывший ученик еврейского хедера из глухого местечка стал ученым, совершившим открытия, составившие эпоху в мировой теоретической физике? Можно ограничиться утверждением, что каким-то чудом необъяснимый случай подарил миру гения. Это мало объяснит феномен Фрадкина. Его многогранная личность – это не только достижения в науке, но и обладание высокими моральными и нравственными ценностями. В формировании личности ученого сыграли большую роль среда и духовная атмосфера, в которой он рос и учился. Несомненно, что немалую роль в шлифовке интеллекта будущего ученого сыграло многолетнее глубокое постижение библейской философии и мудрости Талмуда

под руководством отца, духовного пастыря еврейской общины и талантливому учителю.

Примечательна история местечка. Его основал в 1841 году лесопромышленник из Польши Хаим Гольдец. Для создания крупного предприятия он привлек большое количество евреев из бедных местечек округи. За короткое время поселение превратилось в местечко с населением 4222 человек, из них евреи составляли 95%. Русский язык в местечке не знали. События, происходившие в далеком мире, доходили до местечка с большим опозданием.

В конце марта 1917 года весть о революции в Петербурге привезли два молодых человека из Гомеля, по Щедрину пополз слух, что русский царь отказался от власти и что страной управляет адвокат Керенский. Молодые люди из Гомеля рассказывали о равноправии, об отмене антиеврейских законов. Посланцы из Гомеля призывали воспользоваться свободой. Старые люди были встревожены, боялись новшеств, они убеждали в синагоге, на базаре, везде, где собирались евреи, что с приходом любой новой власти евреям всегда становилось хуже. Часть молодежи, мечтавшей вырваться из замкнутого гетто, напротив, воспринимало новость с надеждой. Местечко бурлило.

Раввин Щедрина Фрадкин слыл добрым, мудрым, всезнающим. Его советы высоко ценились. Молодежь, бывшие ученики раввина, пришли к Фрадкину узнать его мнение о событиях в Петербурге.

– Молодые люди, – тихо начал раввин, – я разделяю вашу радость, но боюсь «мыльных пузырей», несбыточных фантазий. Нужно понимать, что до настоящей свободы евреям еще очень далеко, после рассеянья никакая власть евреям свободы не дарила. Вы, наверное, слышали, что в некоторых государствах Европы евреи имеют больше прав, чем мы в России, но Россия – это не Европа, да и в Европе мы чужие. Хотят – дают нам

кусочек свободы, хотя и отбирают и даже выгоняют. На чужей земле свобода невозможна. Свобода придет к нам только тогда, когда мы вернем себе нашу святую землю. Я буду рад, если новая власть позволит реализовать ваши способности и потребности. Хочется надеяться, что новая власть в Петербурге не будет преследовать сионистов России. Я верю, что вы воспользуетесь возможностью получить хорошие знания и профессии и не забудете, что нас ждет наша историческая родина.

О событиях тех лет, рассказанных отцом, академик Фрадкин часто вспоминал, удивляясь верности его прогнозов. О его вере в возвращение евреев на историческую землю он с особой остротой, горечью и гордостью вспоминал, когда прилетал в Израиль по приглашению Иерусалимского университета возглавлять семинары по современным проблемам теоретической физики. До встречи с Иерусалимом Ефим Самойлович Фрадкин побывал во многих ведущих научных центрах разных стран, но нигде не испытывал такого чувства родства, как в Иерусалимском университете. Он не переставал любоваться страной, ее свободными, раскованными и талантливыми студентами, успехами израильской науки. Сбылась мечта и вера отца о свободе еврейского народа. Те радостные дни на святой земле омрачались горькими думами о гибели отца в подвале НКВД в январе 1938 года...

Фимой стали звать Фрадкина в зрелом возрасте, до этого он носил родовое имя Хаим. У Хаима Фрадкина способности к наукам проявились в раннем детстве. В четыре года он с помощью сестры, старше его всего на два года, ярко одаренной, решал математические задачи. В этом возрасте он читал древнееврейские тексты и светские книги на идиш. К восьми года Хаим с легкостью одолел программу хедера и под руководством отца

продолжал изучать Тору, еврейскую историю и философию.

Когда отец заметил влечение дочери Сары к математике и интерес сына к занятиям сестры, он стал заниматься с детьми математикой. Успехи детей были настолько поразительны, что отец понял – они нуждаются в профессиональном учителе. В местечке уже действовала государственная еврейская школа, и дети раввина стали брать уроки у школьного учителя математики.. Через два года они успешно освоили весь школьный курс, и учитель заверил отца, что у них достаточно знаний для поступления в учительский институт или даже в университет, но для этого у них нет необходимых знаний русского языка.

К тому времени власти закрыли хедер и синагогу. Большая семья раввина осталась без средств. Рав Фрадкин поступил в ремесленную артель, где плел корзины из лозы. Заработка не хватало, семья жила впроголодь и Хаим помогал отцу плести корзины. Времени для занятий оставалось мало и всё же он ухитрялся самостоятельно изучать математику.

В начале января 1938 года арестовали отца. Рав Фрадкин отказался от некошерной тюремной еды. Фиме каким-то чудом удалось получить короткое свидание с отцом и разрешение передать ему буханку хлеба. Отец обнял мальчика и, сдерживая слезы, попросил беречь маму и ... учиться: «Это вас выведет в люди, а я обязательно вернусь, я ведь ни в чем не виноват».

Отец не вернулся. Лишь в 1989 году академик Фрадкин получил от прокурора Гомельской области справку, в которой значится, что «08.01.1938 года Фрадкин Самуил Фроимович осужден за антисоветскую религиозную деятельность и в соответствии с мерами по восстановлению справедливости посмертно реабилитирован». Отец был расстрелян без суда и

следствия и только за профессию раввина. Свидание с отцом было накануне расстрела.

Вскоре после ареста к Фрадкиным приехал родственник и забрал Фиму к себе в Гжатск, чтобы облегчить материальное положение семьи и дать мальчику возможность учиться. Жизнь у родственника была трудной, приходилось много работать по хозяйству. На учебу оставалось мало времени. В 1939 году Фиму увез в Минск дядя Абель. Это был добрый, умный и образованный человек. Он определил племянника в вечернюю школу.

Через год шестнадцатилетний Ефим Фрадкин был принят на физико-математический факультет Минского университета. Там уже училась сестра Сара. Успехи в математике брата и сестры Фрадкиных были настолько поразительными, что, когда в Минский университет для чтения лекций приехал известный математик профессор МГУ Израиль Моисеевич Гельфанд, будущий академик, Герой Соцтруда, профессор ведущих университетов США, его познакомили с молодыми дарованиями. Это знакомство переросло в дружбу на всю жизнь. Уезжая из Минска, Гельфанд предложил Фиме перевестись в Московский университет и вручил ему 100 рублей – деньги для студента огромные. (Позднее в Москве отношения между учеными были настолько приятельские, что Фима с юмором разыгрывал сцену возврата долга). 50 рублей они с сестрой отправили маме...

Через год грянула война. Никто подумать не мог, что продвижение гитлеровских войск будет столь стремительным. За короткое время немцы оккупировали почти всю Белоруссию. Местечко Щедрин было захвачено врагом в первые дни войны и там погибли мать, брат и сестра Фимы. Сара на второй день войны уехала в Щедрин к матери, намереваясь вывезти её подальше от фронта. Сара не успеха и оказалась в западне. Сам Фима

вместе с Минским университетом эвакуировался на восток страны. Он мог продолжать учебу, ему еще не было семнадцати лет – возраст не призывной, но он пожертвовал наукой, которая уже стала смыслом его жизни, и добровольно ушел на фронт.

Солдат Фрадкин угодил в самое пекло – на Сталинградский фронт. Он участвовал в боях, сражался недалеко от ставшего знаменитым *дома Павлова*. Немецкая пуля пробила Фиме щеку, челюсть, язык. Длительное, мучительное лечение в военном госпитале, когда жидкую пищу ему приходилось есть с помощью специальной трубки. Его выписали из госпиталя инвалидом, но он отказался от демобилизации и поступил в артиллерийское училище.

Математические способности позволили Ефиму досрочно окончить училище в звании лейтенанта. Ему предложили остаться на преподавательскую работу, но он, словно играя с судьбой, вернулся в действующую армию и продолжал воевать командиром артиллерийской батареи до конца войны. В Чехословакии лейтенант Фрадкин участвовал в последнем сражении войны, там и встретил Победу.

Дивизию, в которой служил Фрадкин, отправили во Львов. Казалось, что он, наконец, заслужил право на учебу. Во Львовской области шла война с бандеровцами и ему отказали в демобилизации. Он пытался поступить на вечернее отделение физико-математического факультета Львовского университета, но командование части не разрешило. Всегда дисциплинированный, на этот раз он нарушил запрет и стал посещать лекции на вечернем отделении физмата. Его преподавателей поражали успехи молодого офицера. В 1946 году была удовлетворена его просьба о демобилизации.

Меньше чем за два года Фрадкин сдал экзамены за весь курс физики и к тому времени уже написал два варианта дипломной работы. Одна из работ была посвящена

исследованиям сотрудника ФИАНа, будущего академика и лауреата Нобелевской премии В.Л. Гинзбурга. Виталий Лазаревич Гинзбург прочел в физическом журнале статью Фрадкина о его работе, которую тот представил как дипломную. И, как вспоминает сотрудница теоретического отдела Л. Парийская, Гинзбург пришел в восторг и тут же рассказал академику Тамму, что работа принадлежит студенту с поразительной эрудицией.

В Львовском университете однако не сумели оценить эту работу и засчитать ее как дипломную и предложили Фрадкину представить рецензию Гинзбурга.

К Гинзбургу пришел невысокий, крепенький паренек с курчавой головой, удивительно живой и подвижный, в старой офицерской фронтовой шинели со следами от погонов. Гинзбург, как всегда и во всем, не откладывая, познакомил Фиму с Таммом. И после непродолжительной беседы судьба Фимы была решена.

Владимир Лазаревич впоследствии писал: «Фрадкин стал аспирантом ФИАНа в самый разгар государственного антисемитизма»...

Сталин начал кампанию преследования евреев под гнусным предлогом «борьбы с безродным космополитизмом». Для евреев закрылись двери в престижные институты, тем более в аспирантуру, не говоря уже об элитных научных институтах Академии наук. Эта политика пришлась по вкусу зоологическим антисемитам и бездарям. Невозможно подсчитать, какой урон был нанесен стране...

Радость от предложения Тамма принять его в аспирантуру сменилась растерянностью – он ведь «сын врага народа», а это волчий билет. Что делать? Проблема казалась неразрешимой. Всю ночь Фима провел без сна, взвешивая варианты. Рассказать о судьбе отца Гинзбургу или не рассказать? Рассказать – означает отказаться от фантастического шанса. Поступление в аспирантуру другого института совершенно нереально, а его работа,

возможно, не будет должным образом оценена, как и во Львовском университете. А тут без всяких экзаменов, без обязательного знания английского языка (тут надо сказать, что английский он затем выучил всего за год и не только для чтения *Physical Review* и других научных журналов по физике, но и для выступлений на научных семинарах и конференциях). Впрочем, в институте, как и везде, существует так называемый первый отдел. Без разрешения *органов* прием на работу в институт на любую должность невозможен.

После долгих раздумий Фима решил промолчать. Рассказать означало поставить Тамма и Гинзбурга в неловкое положение, когда им придется как-то объясняться. Это было правильное решение.

(Через несколько лет Тамм косвенно подтвердил свою осведомленность о судьбе отца, когда хотел направить Фиму в закрытый город, на так называемый «объект», в котором создавалось термоядерное оружие. Фима ответил, что лучше его туда не посылать, Тамм согласился и не спросил о причине. Это было тогда, когда Фрадкин уже был автором выдающихся исследований).

А пока шло утверждение Фрадкина в качестве аспиранта, Тамм на очередном семинаре заявил: «У нас появился настоящий самородок, вы подумайте: парень из семьи еврейского колхозника прошел всю войну и без всякой помощи подобрался к самым вершинам теоретической физики». В этом заявлении была не только радость великого ученого. Это было заявление талантливого дипломата, он знал, что его публичный демарш тотчас станет известен в верхах, в которых решается судьба Фимы.

Нетрудно представить, каких усилий стоило Тамму добиться утверждения аспирантом самого престижного и самого закрытого института Академии наук СССР сына раввина, когда страну захлестнул государственный антисемитизм...

Роль Тамма в жизни и творчестве Фрадкина была огромной. В статье «Великий талант, уникальная личность», посвященной памяти А.Д. Сахарова, Фрадкин с восхищением писал об их общем наставнике и друге И.Е.Тамме: «Трудно переоценить нравственное и научное влияние этой уникальной личности, всех нас покоряла внутренняя духовная независимость Тамма, порядочность в науке и в жизни. В теоретическом отделе царила творческая раскрепощенность мысли, дружба, демократичность и нравственная бескомпромиссность».

В этой уникальной среде Е.С. Фрадкин проработал 50 лет, создав непревзойденные работы по теоретической физике. Его вклад в науку приобрел мировое признание. Высочайшая оценка вклада Фрадкина в науку дана А.Д. Сахаровым в начале 80-х годов в книге воспоминаний, написанной в горьковской ссылке. О мировом значении работ академика Фрадкина свидетельствует издание двухтомника исследований, статей и воспоминаний с библиографией работ об открытиях Фрадкина, выполненных до 1985 года. В работе над этим уникальным изданием приняли участие 94 автора из самых известных научных центров 16 стран. Через восемь лет после ухода Ефима Самойловича из жизни, в 2007 году, Российская Академия наук в серии «Памятники отечественной науки» издала большой том его избранных трудов по теоретической физике.

Но вернемся в его научную молодость. Одну за другой Фрадкин публикует статьи о полученных результатах по актуальным и принципиальным проблемам теории элементарных частиц. Он блестяще защищает кандидатскую диссертацию. После защиты диссертации Тамм поручает Фрадкину проверить расчеты группы Зельдовича, связанные с термоядерным проектом (водородной бомбой). Эта его работа оказалась настолько

значительной, что была отмечена Государственной премией.

Медали лауреата Государственной премией со сталинским профилем Фрадкин обычно не носил. Когда близкие друзья спрашивали, по какому поводу он появился с медалью на скромном пиджаке, он отвечал, что «выгуливает медаль».

В это время Фрадкин познакомился со студенткой Гнесинского института пианисткой Риммой. Отношения между молодыми людьми развивались быстро, как все, что делал Фрадкин, и вскоре Римма Михайловна Гальперина стала женой Фрадкина. Брак был счастливым. Фима вошел в интеллигентную еврейскую семью Гальпериных как родной сын. Он испытывал огромное удовольствие от общения с родителями Риммы на родном идиш и говорил, что тосковал по родной речи, без которой еще более омрачалась память о собственных родителях, о сестре и брате, погибших в Холокосте.

Молодая семья вскоре пополнилась двумя дочерьми, в которых Фима души не чаял. Девочки росли красивыми и талантливыми. Старшая дочь, как и папа, стала физиком, доктором наук, младшая – лингвист, кандидат наук.

Все годы учебы и работы в ФИАНе длилась дружба Фрадкина и Сахарова. После двадцати лет работы Сахарова в атомном проекте он возвращается в ФИАН академиком, трижды Героем Соцтруда и лауреатом всех высших премий страны. Фрадкин писал о своем друге: «Многочисленные почетные звания, регалии и награды не изменили этого скромного, искреннего, доброго человека, разве только он стал чуть медленнее говорить, не спеша обдумывал, каким словом точнее выразить мысль так, чтобы слово не расходилось с делом. Эта редчайшая гармония слова и дела, убеждений и поступков, мягкость и вежливость, честность и упорство при выполнении своего долга были неизменно присуще ему всю жизнь».

В годы совместной работы дружба Фрадкина и Сахарова еще более укрепились, выдержав испытания гонениями и преследованиями Андрея Дмитриевича, особенно во время его позорной ссылки в город Горький. Антисахаровская компания велась цинично и с огромным размахом, несмотря на протесты во всем мире. Для этой цели были мобилизованы все гнусные приемы вплоть до нелепых и страшных поклепов, с которыми выступили в газете «Известия» четыре академика, обвинившие Сахарова в том, что он якобы призывает использовать ядерное оружие, чтобы припугнуть советский народ» На личное окружение Сахарова и на научную среду шло массированное давление с целью его изоляции от других ученых и создания вокруг него невыносимой атмосферы чтобы заставить его сдаться.. Такому давлению подвергался и академик Фрадкин. Организаторам травли были хорошо известны дружеские отношения Фрадкина и Сахарова, авторитет и влияние Фрадкина на сотрудников теоретического отдела.

Несмотря на это, Фрадкин ездил к Сахарову в Горький чтобы поддержать его в тот тяжелый период. Каждый такой приезд вызывал у Сахарова подъем настроения. Одну из таких встреч наблюдал сотрудник института Борис Болотовский, оставивший яркие воспоминания: «Андрей Дмитриевич с жадностью и величайшим интересом выслушал всю информацию о событиях в ФИАНе и в мировой науке, которую привез Ефим. Сахаров задавал много вопросов, комментировал, спорил».

Андрей Дмитриевич часто не задавал вопросы, а писал их на бумаге, а Фрадкин отвечал мимикой, либо писал ответы. Бумагу с вопросами и ответами жена Сахарова Елена Георгиевна Боннэр сжигала. Квартира прослушивалась.

Ссылка Сахарова еще больше сблизила его с Фрадкиным. Думаю, что Андрей Дмитриевич был бы рад

узнать, что Фрадкину первому присудили золотую медаль его имени. Эта награда не только за научные достижения Фрадкина, но и за благородство, человеческое достоинство и гражданское мужество.

...Мое знакомство с Ефимом Самойловичем Фрадкиным было, к сожалению, весьма коротким и произошло незадолго до его кончины, но оно оказалось достаточным, чтобы подпасть под обаяние его личности. При всей своей значительности он оставался простым и скромным.

Завершая это очерк, необходимо напомнить, что ученый верил в возможность реализации термоядерного синтеза в мирных целях и получения важнейшего источника энергии для блага человечества. Он писал, что «термоядерный синтез остается проблемой века». Когда человечество достигнет этой цели, наряду с пионерами науки, заложившими основы ее достижения, будет названо и имя Ефима Самойловича Фрадкина.

Исаак Вайншельбойм родился в 1922 году в Украине. Участник Великой Отечественной войны. Был командиром пехотного подразделения, инвалид войны. До иммиграции работал адвокатом в Одессе. В Америке активно сотрудничает с русскоязычными СМИ, публикует эссе, рецензии на спектакли и концерты, обзоры художественных выставок, Он автор четырех книг художественной прозы. Недавно изданная повесть «Бегство из ада», о трагедии одесских евреев во время Второй мировой войны получила положительные отзывы критики.

Исаак Вайншельбойм с юнных лет увлекается живописью, которая стала его основным занятием в Америке. Участвовал более чем в тридцати выставках. Картина «Хула в гетто из цикла «Холокост» получила приз на выставке художников штата Нью-Йорк.

МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР

НА ГРЯДУЩЕМ ПЕРЕПУТЬЕ

СОЧЕЛЬНИК

Сплетен венок
на дверь повешен
глинтвейн по кружечкам разлит
а дух спокоен и утешен
и Рождеству благоволит

гирлянды елочной свеченье
Щелкунчика раскрытый рот
и запах свежего печенья
и принаряженный народ

на небесах звезды мерцанье
не дует Санта Клаус в ус
и песни с пестрыми концами
уже поются наизусть

по переулку ветер свищет
морозец щиплет за скулу
и хорошо одетый нищий
монеты кланчит на углу

НОВОГОДНЕЕ

Когда придет последний день
и старый год устало вздрогнет
и не отбрасывая тень
спускаться в прошлое по сходням
начнет
и мы рукой махнем
ему даруя отпущенье
и новым обольстимся днем

без жертво-недо-приношенья
звезды незамутненный глаз
все наши помыслы заметит
и тем
кто молится за нас
дорогу торную наметит

дай Бог слова молитвы той
услышать и дойти до сути
чтоб на грядущем перепутье
не обмануться запятой

Уходит туча
не проливши
дождя на ждущие сады
и лишь росой окропивши
их плодотворные труды

туман спускается неспешно
и липнет к вздрогнувшим бокам
но светлый лик луны безгрешной
путь освещает башмакам

туда где спят воспоминанья
о детстве солнечном моем
где радуга над мирозданьем
уперлась в плоский оком

и вербы тоненькие косы
висят над смутной головой
а ирис пахнет абрикосом
и спелой вишнею – левкой

СЕМЕЙНЫЙ СБОР

Февраль

пятнадцатое

вечер

спадает на пригорки снег

и не стихает ветра бег

а с вами – новая не встреча

я здесь

пью кофе утром рано

в пространстве-времени – разлом

а вы сидите за столом

в каком-то модном ресторане

барашка подаются ребра

бокалы налиты вином

и за свечей живым огнем

семейный круг степенный собран

в нем прибывает мест пустых

и их стихами не заполнить

но надо жить

и надо помнить

и не стесняться слез бесплодных

и слов – печальных и простых

БЕССОННИЦА

Не спится мне

а снегопад утих

деревья в белые убрались одеянья

и на бумагу ляжет новый стих

вдали слышав ветра завыванье

что налетит и красоту сорвет

к утру все будет сумрачно и голо

а я пишу

но сон ко мне нейдет
зато садится рядом Марко Поло
и говорит
иди в широкий мир
покинь предел чарующей веранды
и в грудь твою вольется эликсир
творимый непоседливой Мирандой
и я ему внимаю – и мечту
свою лелею и ращу в тетради
и законную вбираю красоту
отображенья – и не только – ради

РУСЛАНЕ

*Пока сердца для чести живы,
Мой друг! Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*
А.С. Пушкин

Когда друзьям завесили глаза
затмили мозг
и затворили уши
что можешь ты
когда кругом нельзя
не только зрить
но говорить и слушать

как крокус прорастает сквозь бурьян
и расцветает желто-синим цветом
взойдет твой голос
звонок и упрямя
не уклонясь от цели арбалета
и мы подхватим истинную песнь
плывущую из нашей Украины
рассказывая миру все как есть
что мы страна
которая едина

что мы земля
которая живет
пока сердца на ней для чести живы
и то
что мы –
воспрянувший народ –
не предадим прекрасные порывы

но если песнь не тронет никого
потом не рвите на груди рубаху
страшиться надо собственного страха
и сбросить с душ давно пора его

НАПУТСТВИЕ

А за окошком берендеев лес
деревья в снежное оделись одеянье

кому-то в голову вселился мелкий бес
и потянулись руки к злодеяню

и разделилась надвое страна
друзья – враги
и брат пошел на брата
муж на жену
о, Боже, помоги
не дай им сгинуть в бездне невозврата

кому-то петь
кому-то горько пить
кому-то лгать и сетовать на долю
кому-то смерть
а нам отныне – жить
не поступаясь верою и волей

АЛЛЕРГИЯ

Подарили цветок
под названьем *Пасхальная лилия*
обращен на восток
был пахучий раструб без усилия
и домой принесся
я его на окошко поставила
и в лилейном себя
я венке почему-то представила
но тяжел мне венок
задыхаюсь от запаха пряного
настигает зевок
отупения зев окаянного
и линяет закат
под завесой дождя изнеможенно
и дурманом объят
ощетинился мозг настороженно
догорая свеча
озарит мои белые волосы
и душа сгоряча
закричит неприрученным голосом
равномерно виток
завершают часы без усилия
и уйдет на восток
на рассвете цветущая лилия

ЛЕРМОНТОВСКИЕ МОТИВЫ

ПАРАФРАЗ «ГОРНЫХ ВЕРШИН»

Юлию Зыслину

Отроги горные
во тьме не спят
овраги полные
водой стоят
тропа негодная
по телу дрожь

и ты сегодня
не отдохнешь

ВЕНОК

Русалка плыла по реке голубой...

М.Ю. Лермонтов

Пустила венок по вечерней реке
и свечу на удачу зажгла
и поплыл тот венок на луны образке
и свеча в озаренье плыла

плескалась волна и толкала венок
на закланье неясной судьбе
и призывной свечи золотой огонек
в темноте устремился к тебе

и руку свою ты к венку протянул
и раденье свечи загасил
а потом пополам его взял и согнул
и лишил его жизненных сил

и запах волос незаплетенных кос
беззастенчивый ветер унес
и, тихо вздохнув, поглотила река
утонувшие плети венка

РИЖСКАЯ МОЛИТВА

Одну молитву чудную

Твержу я наизусть.

М.Ю. Лермонтов

В туманной ночи бдение
Луна погружена
и шепчет с сожалением
балтийская волна

над Рижской бухтой кружевом
летают облака
и голосом простуженным
сипит издалека
кораблик необыденный
спустившийся с небес
и парусом невидимым
укрывший темный лес

в молочной мгле не видно
что верится глазам
и я твержу молитву
зачем – не знаю сам

Марина Тюрина-Оберландер, филолог, поэт и переводчик. Родилась в Ленинграде в семье выдающегося ученого-почвоведца. С 2000 года живет в Вашингтоне.

Переводы печатались, начиная с 1976 года, в "Литературной газете", журналах "Иностранная литература", "Весь свет", "Крокодил", альманахе "Поэзия" (изд-во "Молодая гвардия"), антологиях "Современная датская поэзия", "Современная норвежская поэзия" (изд-во "Радуга"). Оригинальная поэзия печатается с 2008 года. Книга "На остром рубеже пространства" ("Водолей Publishers", 2008 г.), публикации в журнале "Большой Вашингтон" (2009-2010 гг.).

Недавно у Марины Тюриной-Оберландер в московском издательстве "Водолей" вышла новая книга поэзии и прозы, "Музыка слов".

ЛЕОНИД ГОЛЬДИН

ДОСТОИНСТВА ВЫБОРА

Недавний опрос, проведенный Антидиффамационной Лигой в 102 странах, показал, что негативное отношение к евреям и Израилю растет повсеместно. Нет ни одной страны, где в последние годы положение не стало бы хуже.

Драматические перемены происходят в Европе, где 66% евреев считают, что антисемитизм оказывает постоянное влияние на их жизнь. 77% не пытаются обжаловать антисемитские акции, которые их лично затронули, обращение к властям бесполезно. 75% отмечают, что интернет, "социал медиа" стали орудием антисемитов. Антисемитизм стал глобальным явлением.

Не так давно в Париже толпа мусульман атаковала синагогу во время субботней службы. У полиции не хватило сил сдержать погромщиков, спасли волонтеры Еврейской Лиги самозащиты. Неонацисты в Германии требуют освободить страну от еврейского влияния и пересмотреть послевоенные законы против антисемитизма. Недавно во время двухтысячной пропалестинской демонстрации во Франкфурте полиция предоставила участникам автомобиль с мегафоном, чтобы озвучить лозунги: "Израиль - детоубийца", "Аллах велик". Городская синагога была исписана оскорблениями и угрозами. В Брюсселе алжирский террорист стрелял в посетителей еврейского музея, и бельгийский доктор отказал в помощи девяностолетней еврейской женщине, посоветовав ей лечиться в Газе. Ирландский парламент обсуждал высылку из страны израильских дипломатов. В Амстердаме палестинские флаги и лозунги видны повсеместно. Но когда Лия Рабинович и Серафима Верховстадт вывесили на балконах своих квартир

израильские флаги, в окна полетели камни и "коктейли Молотова", женщины подверглись оскорблениям и нападениям, в письмах им угрожали: "Гитлер вернется", "Смерть евреям". В Греции, где евреев совсем немного, хотя отношения с соседями-мусульманами напряжены в течение столетий, 69% респондентов высказали негативное отношение к евреям.

Европейские правительства понимают, что антисемитские, антиизраильские настроения и акции лишь часть глобальной проблемы, но мало что могут сделать. Сегодня на Ближнем Востоке, по словам бывшего начальника отдела контртерроризма М-16 Англии Р.Барретта, в составе джихадистов и Армии Исламского халифата (ISIS) сражаются тысячи мусульман с европейскими паспортами. Только в Сирии 12 тысяч иностранных бойцов, больше, чем было в Афганистане во время советской оккупации. Премьер Дэвид Кэмерон сказал : "Это самая серьезная угроза британской безопасности... Эти люди могут вернуться в Англию и использовать свой опыт в нашей стране". Глава правительственной службы антитерроризма К.Дикк: "Вернутся люди с военной подготовкой и оружием, и они попытаются совершать акты насилия и втянуть других в насилие."

Газеты и журналы полны устрашающих статей: "Готовься к возврату Армии Ислама в Англию", "Угроза, которую нельзя игнорировать", "Британские джихадисты самые кровожадные", "Запад заплатит за потерю волю к борьбе". Но эти же авторы и издания отказываются видеть в борьбе Израиля за существование, в росте антисемитизма, свои собственные недалекие перспективы. Либералы-миротворцы, которые надеются, что компромиссы, просвещение и дипломатия смягчат ситуацию, могут оценить результаты своих многолетних усилий: на Ближнем Востоке и в Северной Африке три четверти населения видят в евреях корень зла во всем

мире. Мусульманский мир расколот и погружен в гражданские войны, но единственное, что этот мир объединяет, - враждебность к евреям.

В Турции, которую ранее приводили в пример прогресса и толерантности, лидер страны Эрдоган заявляет, что Израиль "умышленно убивает палестинских матерей, чтобы они не могли рожать детей, и преследует те же расовые цели, что и Гитлер". "Они (израильяне) утонут в пролитой ими крови", обещает глава государства - члена Европейского Союза и НАТО.

В Марокко, где евреи чувствовали себя в безопасности под защитой короля даже в годы Второй мировой войны, из 300 000 евреев осталось менее 7 000. Атаки на евреев и их собственность - часть повседневной жизни. Последний эпизод - раввин знаменитой синагоги в Касабланке публично избит у выхода из здания.

Конечно же, настроения в странах ислама связаны с израильско-палестинским конфликтом. Исследование АДЛ проведено до последних катастрофических событий, сегодня отношение стало еще более враждебным. Но как объяснить, что в демократической, экономически развитой, просвещенной, связанной общими интересами с США Южной Кореи антисемитизм охватил 53% населения?! Сюрреализм ситуации подчеркивает факт, что никто в мире столь часто не посещает музеи и мемориалы Холокоста, как южнокорейцы.

Многотиражные «Дневника Анны Франк», массовый успех «Списка Шиндлера», уроки Холокоста в школах, академические исследования природы и последствий антисемитизма мало помогли перестройке сознания и отношения. Моя студентка-отличница, которой пришлось прочитать «Анну Франк» по учебной программе, поделилась впечатлением: «Никогда не читала такой скучной книги». Моя «герлфренд», врач из Минска, убеждена, что евреи зациклились на антисемитизме, и когда я предложил ей почитать Василия Гроссмана о

врачах-отравителях, отказалась: “Ну сколько же можно, надоело”...

В обыденном разговоре можно услышать: «Индустрия Холокоста», «Евреи надоели со своими жалобами», и даже «Если их так ненавидят, значит, есть основания». Можно ли вести дискуссию при таких аргументах?

На фоне беспрецедентного усиления антисемитизма во всем мире США остаются самой толерантной и дружественной Израилю страной. Согласно опросам, всего лишь 9% американцев испытывают негативные чувства к евреям. Евреев в этой стране защищает закон, и их голоса слышны. Прояснению сознания помогает и то, что нынешнее поколение американцев во многом видит в отношении к евреям свою судьбу. Согласно последним международным опросам Гэллопа, США на первом месте как главная угроза миру, опережая Иран, Северную Корею, Пакистан, Израиль. «Почему они нас ненавидят?» - этот вечный еврейский вопрос стал экзистенциальным и для американского самосознания.

Можно особо отметить симпатии и поддержку Израиля со стороны американских христианских организаций. Но будучи развитой либеральной демократией с реальной свободой слова, США должны мириться с тем, что эта свобода порой обретает уродливые формы. Правовое государство не может контролировать обыденное сознание. Расхожая формула “Я не антисемит, у меня есть друзья-евреи” может и в Америке соседствовать с убежденностью, что у евреев слишком много денег и власти, что они контролируют прессу и культуру, что их лидеры и лобби служат интересам Израиля, а не своей страны.

Однако последнее десятилетие породило новую, ранее неизвестную американским евреям угрозу - распространение и усиление влияния мусульманских организаций, многие из них плодят атмосферу ненависти и провокаций. "Исламское общество Северной Америки"

рассматривается Минюстом США в качестве ветви “Исламского братства”, причастного к множеству террористических акций и ставящего целью уничтожение Израиля. Эта организация финансировала ХАМАС и джихадистов. Тем не менее, в прошлом году президент Обама прислал видеообращение к конференции “Исламского общества”, а в этом году бывший президент Картер дал согласие на личное участие. Численность мусульман в США быстро растет и уже опередила число евреев. Быть в меньшинстве евреям привычно, но, главное, исламисты сегодня полны яростной пассионарности, одержимы сверхидеями, готовы ради них на жертвы и страдания; таких страстей и энергии у американских евреев нет.

В отличие от евреев, мусульмане мало ассимилируются, имеют многодетные крепкие традиционные несмешанные семьи, сплоченно участвуют в политической и религиозной жизни и настроены бескомпромиссно по отношению к оппонентам. После трагедии 11 сентября они поутихли на время, но сейчас уже не испытывают опасений. Многие бизнесы и организации участвуют в бойкоте Израиля. Недалеко от моего дома в Бруклине расположился продуктовый кооператив “Парк-слоп”. Коммерческим успехом он не знаменит, но получил свои пять минут славы, когда шумно заявил, что отказывается закупать израильскую продукцию.

В последнее время регулярны сообщения о “хэйт-крайм” против евреев. Из полицейской сводки только одного дня. На Стейтен Айленде группы молодежи оскорбляли и бросали яйца и бутылки в членов местной синагоги. Пропалестинские активисты в Лос-Анджелесе, более трех тысяч человек, избили участников значительно меньшей числом произраильской демонстрации. В Боропарке свастики и антисемитские граффити не сходят со стен йешив и синагог, полиция и суды постоянно разбираются с актами вандализма и насилия.

Не только рядовые граждане, но и элита может ощутить дух времени. Конгрессмен Стив Израэл (повезло человеку с фамилией!) отправился с делегацией законодателей в Израиль и получил на Твиттере лавину комментариев: «Грязный расист», «Детоубийца», «Нацист», «Сионистская свинья», «Проститутка», «Предатель», не все из этой почты можно упомянуть в журнале для семейного чтения.

Чтобы мало не показалось нападков со стороны, глава хасидов-сатмаров раввин Аарон Тетелбаум постоянно говорит, что Израиль представляет угрозу духовной жизни и безопасности евреев. Он заявил, что в смерти трех израильских подростков от рук террористов повинны родители, решившие жить в поселениях, "населенных хищными животными".

Если бы дело ограничилось только сатмарами... Их никто не воспринимает всерьез. Но постоянная критика Израиля, во многих случаях прямая политическая и финансовая поддержка его противников со стороны евреев-либералов, сегодня оказалась центральной темой дискуссии в еврейской общине Америки. Евреи-либералы в Европе и других странах выучили свой урок и поняли, наконец, что антисемиты в их поддержке больше не нуждаются. Но еврейская интеллигенция в США все более агрессивна по отношению к еврейскому государству и его союзникам. Сегодня тон задают реформистские синагоги, «Институт открытого общества», спонсируемый Дж.Соросом, множество других подобных организаций, которые пытаются «дать голос всем сторонам» и доказать, что критика сионизма не есть критика Израиля.

В Бразерхуд синагоге в Манхэттене «бук клуб» решил обсудить книгу А.Шалита «Моя обещанная земля», которая понравилась противникам Израиля более, чем сторонникам. Председатель клуба, дама университетски образованная и начитанная, совершила вдвоем с мужем

двухлетнее кругосветное путешествие на паруснике, потом на мотоцикле по Европе. Вооруженная международным опытом и многознанием, она заявила: «Было время, когда англичане колонизировали Индию, Америку, полмира, но пришло время, и они ушли. Пора и Израилю понять свое время». Возражений не последовало.

По логике этой образованной леди, Газой и Западным берегом дело не ограничится. Нужно уйти из всей Палестины? Но по этой же логике, нужно вернуть Германии Судеты, Эльзац, Лотарингию, Кенигсберг (Калининград), откуда были изгнаны миллионы немцев, Японии - Сахалин, Курилы, Акинаву, Китаю - пустующие пространства Сибири и Дальнего Востока, когда-то бывшие частью Поднебесной империи. И не пора ли задуматься о пребывании членов этого книжного клуба и их соотечественников на земле, отобранной у индейцев, спивающихся в резервациях?

Норман Подгорец, автор книги «Почему евреи - либералы», видит причину в том, что пережив тысячелетние гонения, евреи симпатизируют слабым и бесправным. На мой взгляд, есть менее приятный, но более весомый аргумент самоослепления: не видя решений, страшась признать реальность, либералы утешают себя несбыточными иллюзиями. Я поделился этими мыслями с Подгорцем, ветераном консерватизма, он согласился. Можно понять и сочувствовать человеку, не видящему очевидного, готового к саморазрушению, даже самоубийству, но уважать его не за что.

Евреи, не потерявшие здравый смысл, серьезно озабочены позицией мейнстрим медиа и академических институтов. Даже «Нью-Йорк таймс» заняла в освещении последнего конфликта в Газе явно критическую по отношению к Израилю позицию. Беглый взгляд на заголовки и фотографии указывает, на чьей стороне симпатии редакции.

Особенно заметна перемена отношений в академической среде. Студенты-евреи повсеместно отмечают рост враждебности и остракизма. Такие группы, как "Студенты за справедливость в Палестине" определяют атмосферу во многих колледжах и университетах. Палестинские представители встречают восторженный прием, но израильские ученые, преподаватели, студенты практически лишены возможности выступить в университетах. Митинги, демонстрации, лозунги против Израиля стали самой приметной частью общественной жизни в кампусах. Студенты-евреи получают типографски распечатанные "уведомления о выселении". Назвать афроамериканца негром, мусульманина пособником террористов повлечет, как правило, весьма серьезные последствия. Но "кайк" (убийцы Христа) и "грязный еврей" остается без внимания.

Профессор Калифорнийского университета Т.Росман пишет : "Когда еврейские студенты вернутся на учебу осенью, они будут самой уязвимой группой в кампусах". При этом еврейские филантропы остаются самой активной группой в поддержке высшего образования в США. И в администрации и профессуре все еще много евреев. Но на развитие событий они уже мало влияют.

Знаменательным показателем смены настроений среди культурной элиты стала постановка в Метрополитен Опера произведения Дж.Адамса "Смерть Клингхоффера". Либретто основано на захвате палестинцами в 1985 году корабля, на котором американский 70-летний еврей в инвалидной коляске отправился с женой в юбилейное путешествие. Террористы его убили и выбросили в море. Автор либретто Алиса Гудман конвертировалась из иудаизма и стала священником протестантской церкви. Опера полна арий и хоров с текстами о жирных евреях, поклоняющихся денежным идолам, умеющих мошенничать, эксплуатировать простых и невинных. "Вся Америка это один большой еврей".

МЕТ наметил транслировать оперу в 2000 кинотеатрах в разных странах, но после протеста еврейских организаций пока отказался от глобального показа. Генеральный менеджер П. Гелб говорит, что смысл оперы "понять похитителей и их мотивы и увидеть человечность в террористах так же, как и в их жертвах". "Нью-Йорк таймс" и многие другие медиа расхвалили оперу, и театр, переживающий серьезные финансовые трудности, наверняка поправит положение этой постановкой. Голоса родственников Клингхоффера, возмущенных надругательством над памятью погибшего, остались без внимания.

Еще совсем недавно такая акция, достойная нацистского репертуара, была бы немыслима в Нью-Йорке. В других странах, начиная с 1991 г., опера была показана, но особого интереса не вызвала. Нынешний ажиотаж явно вызван не ее художественными достоинствами, а духом времени.

Евреи не могут рассчитывать на то, что в плюралистической, разнокультурной стране ход событий будет определяться исходя из их представлений и интересов, тем более, что и сама еврейская община разобщена и полна взаимных претензий. И дело не только во внутренних обстоятельствах, но еще более в том, что США как единственная сверхдержава с глобальными интересами волей-неволей выполняет роль мирового брокера и полисмена. Приходится искать общий язык, понимание и с теми, кто далек от мировоззрения и ценностей либеральной демократии. Выполняя эту роль, Америка часто исходит из представлений, чуждых тем, чьи проблемы она пытается решить. Это в полной мере проявляется в ближневосточной политике, хотя исламские страны по-прежнему видят в США защитника Израиля, а большинство евреев сегодня убеждены, что США пренебрегают интересами еврейского государства во имя утопических целей.

Отсюда надежды на бесконечные «аккорды», «Дорожные карты», «параметры», «квартеты», попытки соблазнить мусульман образом жизни, который этим людям ненавистен. Предлагаются планы, которые ничего не решают при любых условиях и уступках и усугубляют взаимоожесточение.

Можно спорить, идет ли мир назад, к средневековому мракобесию, или вперед, к постмодернизму и отказу от здравого смысла и цивилизации, но, как ни посмотри, никогда в истории "еврейский вопрос" не привлекал столько общественного внимания. И это при условии, что евреев в мире лишь малая доля процента, их политическое и финансовое влияние убывает, а ресурсы противников нарастают год от года. Впрочем, при отсутствии или нехватке евреев проблема находит решение: в их ряды зачисляются все, кто не оправдал ожиданий, не понравился суждением или обликом.

В Америке 75% евреев-не ортодоксов (их более 90% от общего числа евреев) в смешанных браках. Большинство либералы и настроены на уступки, даже среди ортодоксов (хасиды-сатмары) есть противники Израиля, поддерживающие палестинцев, но еврейская проблема обостряется повсеместно. Интернет, новые медиа раздули эту проблему до вселенского масштаба. Все локальное, если связано с евреями, немедленно становится глобальным. Нелепо винить медиа и технологию, если массового зрителя и читателя более занимает безопасность палестинцев в мечети или школе, откуда обстреливается ракетами Израиль, чем жизнь сотен тысяч тех же арабов, гибнущих в междуусобицах.

Веками евреи надеялись, что образование, культура, освобождение от тиранов изменят их судьбу. Демократия и просвещение, с которыми гуманисты веками связывали освобождение от предрассудков, сплошь и рядом возрождают дремучее мракобесие. Свобода слова на

постсоветском пространстве породила огромный поток антисемитских литературы, дискуссий и демонстраций, немыслимых во времена Сулова, когда власти строго держали в руках национальную политику. Не осталось ни одного давно позабытого навета, который не был бы возрожден в новых условиях.

В ельцинские времена, самые свободные в истории России, «Правда» опубликовала большую статью «Сатанинское племя» (5 мая 1993 года), в которой обвиняла хасидов в убийстве трех иноков в монастыре Оптина Пустыня в канун Пасхи. На следующий день я ответил на этот навет в «Известиях» – «Сатанинские игры в «Правде». «Правда» не признала абсурда своих домыслов, последовала отповедь в мой адрес, подписанная «Русские, украинцы, белорусы, казахи, азербайджанцы, армяне и евреи «Правды». Евреи замерли в ожидании погромов. История длилась год с участием Прокуратуры, судов, Президентов России и США, огромным мировым резонансом, пока, наконец, «Правда» не опубликовала мою статью «Невежество – демоническая сила» (кстати, слова Маркса) и не принесла извинений мне и читателям. Геннадий Селезнев, главный редактор (он вскоре стал спикером Госдумы), в разговоре со мной оправдывался, утверждал, что все случилось без его ведома. Сегодня при самых диких измышлениях никто извиняться и оправдываться не будет.

(В монографии Вильяма Корея «Русский антисемитизм» автор-американец посчитал мою позицию в полемике недостаточно твердой. Я рад за него, что он не был в Москве в ту пору, когда шла эта «полемика».)

Евреи и не евреи веками пытаются понять истоки антисемитизма. Проблема "избранного народа" и его отношений с миром не нашла решения ни в талмудических исканиях смысла и истины, ни в гуманитарных утопиях, ни в революционных движениях. Самое долговечное объяснение – вина за смерть Иисуса.

Роль римлян и еврейское происхождение Иисуса и его сподвижников этой версии не препятствовали, тем более что большинство о родовых корнях Сына Божьего и апостолах не знало. Помню, в студенческие годы в Москве, когда я упомянул, что Богородица – еврейка, это вызвало еще большее негодование, чем откровение о национальности родоначальника научного коммунизма. В парткоме эту информацию сочли сионистской пропагандой, ссылки на Энциклопедию не помогли. Шиллер прав: «Даже Бог бессилен перед глупостью».

По мере большей осведомленности и расширения гражданских прав, метафизическая ответственность за распятие отступила перед земными мотивами: евреи доминируют в коммерции и финансах, их деньги определяют их непомерное влияние в мире. Хотя в списках “Форбса” евреи отстают год от года, эта тема все еще популярна. Уйти с Уолл-стрита и хэтчфондов не поможет: когда евреи жили еще в большей нищете и бесправии, чем их соседи, как, например, в царской России, Польше, арабских странах, к ним относились не лучше. Когда в новой России еврей-олигархи уступили другим в богатстве, отношение не улучшилось, даже при условии, что три четверти евреев иммигрировали, и государство и его лидеры не проводят антисемитской политики. Сартр считал, что антисемитизм – проблема не евреев, а антисемитов. Суждение популярное, но удовлетвориться им в жизненных реалиях невозможно.

Евреи ищут свои объяснения. Среди ортодоксов (их около 10%) доминирует представление, что все беды от отступления от законов Торы. Для них каждая ракета, падающая на Израиль, – наказание за забвение синагоги и кашрута и езду на автомобиле в субботу. Некоторые считают, что проблемы Израиля предопределены тем, что государство создано сионистами-безбожниками до прихода Мошиаха. Секулярные евреи часто утешают себя тем, что дело в зависти к их способностям и достижениям.

Недавно я услышал этот довод от Ари Шавита, пожалуй, самого популярного ныне еврейского публициста. По такой логике, не высовываться, поубавить амбиции должно бы помочь. Но чему завидовать? Тысячелетиям гонений, унижений, бесправия? Нынешней безысходности, когда друзей почти не осталось, и объяснять и доказывать задача безнадежная? Нобелевские премии, известность в науке, бизнесе, культуре – не утешение за миллионы жертв, за тысячелетия дискриминации и унижения.

Большинство, однако, более склонно видеть себя козлами отпущения, на которых можно взвалить все общественные невзгоды, использовать для укрепления националистической идеологии. Действительно, от чумных погромов и «убийц в белых халатах» до нацизма и исламофашизма такая манипуляция массовым сознанием успешно работала. Для роли первовинников евреи подошли лучше, чем колонизаторы, капиталисты, социалисты, космополиты, сепаратисты, гомосексуалисты, получатели социальных пособий. Но почему эта роль выпала на их долю? Есть ли возможность ее избежать?

Ортодоксальный подход подразумевает, что все, что происходит, определяется замыслом и волей Божьей, которые человек не всегда может понять. В сознании верующего все имеет смысл и значение. Если верующий не находит ответа, это не ставит под сомнение его убеждения. “Сущность религиозного сознания – вера в недоказуемое. Вопросы веры не философские, социологические или психологические, на них нет научного, математического, юридического ответа”, – говорит крупнейший знаток Талмуда и каббалы раввин Адин Штейнзальц. Ребе Шнеерсон, самый влиятельный еврейский религиозный деятель нового времени, писал: «Иудаизм работает. Нас проверяли 3300 лет во всех возможных условиях, чтобы доказать это. Как и почему

он работает, не столь уж существенно»; «Бог стоит за всем, что происходит. Он слышит наш плач и видит наши слезы... Вы спрашиваете меня, почему Бог позволил этому случиться... Я могу ответить с болью – Бог один знает. Но то, что я не могу знать, я не должен знать».

Однако начиная с эпохи Просвещения стремление осмыслить немислимое стало идеей фикс западных интеллектуалов. Барух Спиноза пытался соединить средневековую философию с материализмом, рационализмом Декарта и социологическим учением Гобса, чтобы выявить «первопричины и происхождение всех вещей в природе и обществе». Радикальный детерминист, Спиноза ставил во главу познания опыт, включая негативный, и считал, что любое заблуждение содержит элемент истины. Он отвергал свободу воли, но верил в свободного человека, руководствующегося только разумом. В торжестве разума еврейский философ, изгнанный и проклятый своей общиной, видел спасение от зла и несовершенства общества и человека.

Карл Маркс был озабочен освобождением пролетариата всех стран и народов и социальной справедливостью для всех, и еврейская проблема никогда не была в центре его внимания. Однако в 1844 году он написал полемическую работу «К еврейскому вопросу», которую многие даже симпатизирующие основоположнику научного коммунизма считают антисемитской. «Евреи Германии хотят эмансипации, какой эмансипации они хотят?» Политическую эмансипацию евреев как и любого религиозного человека Маркс видел в освобождении государства от любой религии, ликвидации частной собственности и связанных с ней привилегий. Эта работа молодого Маркса содержит много критических суждений о иудаизме и еврейском бытии и мышлении, подчиненным буржуазным ценностям, но эта критика в равной степени относится к любой религиозной идеологии и морали. Маркс считал что подлинная свобода

и равенство для каждого возможны лишь при коммунизме где человек освободится от эгоистических и классовых ограничений. Эти идеи побудили миллионы евреев во всем мире поддержать коммунистическое движение, но в постсоветские времена на спасение по рецептам Коммунистического Манифеста верят совсем немногие. Однако и в победные для социализма времена антисемиты видели в марксизме еврейский заговор с целью мирового господства.

В дискуссиях об еврейском вопросе есть аспект, в котором сходятся различные точки зрения. “Мы помним евреев... Если бы их не замечали, они бы наверняка давно исчезли. Потому что они были презираемы и гонимы, они тянулись к своим святым книгам. У них не было выбора. Даже те, кто хотел раствориться в большинстве, были отвергнуты». (Из рецензии в «Нью-Йорк таймс»). Пока непохоже, что возможны перемены. Мир выступает гарантом того, что евреи остаются евреями.

Сегодня в будущее предпочитают не заглядывать. Антисемитизм не поддается логике и рациональному осмыслению. Еврей для ненавистника не связан с реальностью, он мифологема из той же категории, в которой демиурги, инопланетяне, колдуны, зомби, вампиры, занимающие поныне сознание вполне здравомыслящих людей.

“Что такое еврей?”, задавался вопросом Лев Толстой. Он размышлял, что это за создание, которое ненавидят и преследуют, но которое не исчезает. Писатель видел в евреях символ, воплощение вечности. И если евреи уйдут или их вытеснят из коммерции, науки, политики, искусства и литературы, общественной активности, если даже исчезнут в ассимиляции и смешанных браках, они останутся в общественном сознании и эмоциональном отношении как вечно актуальный феномен, потому что, как говорил Толстой, они принесли миру веру в единого Бога. Монотеизм с его суровой моралью и тяжелой

ответственностью, с чувством человеческого несовершенства и греховности, непостижимостью таинства мира и вечным страхом Божиим требует колоссальных усилий воли и духа. Мир живет от кризиса к кризису, полон зла и несправедливости, молитвы чаще безответны, но при любой жестокости и страданиях вера Авраама повелевает умами и сердцами больше чем любая другая идеология. "Или сделай мир чтоб я его понимал моим разумом, или дай мне разум, способный понять твой мир", просил праведник. Мольба осталась безответной, но вера не пошатнулась.

Атеизм тоже не спасение. Атеизм никого не спас от сомнений, страха, предубежденности. Сегодня о Боге напоминают не столько церковь и синагога, для большинства ставшие клубами по интересам, сколько тупиковые проблемы общественного и личного бытия, непредсказуемость событий, утрата доверия к земным авторитетам, нескончаемая гонка по жизни без смысла и цели, одиночество, отчуждение. «Рич энд фэймос» не более счастливы, чем офисный планктон, непомерные амбиции, культ самооценки и самодостаточности не спасают от депрессии и ущербности, Пусть и не думая о религии, и атеист, и агностик не могут обойти мораль и общественные отношения, которые не оторвать от первоосновы.

Когда-то у талмудиста спросили, в чем сущность Торы. «Люби ближнего!». Христос расширил этот завет до отношения к каждому человеку, даже врагу. Это высшее моральное кредо известно и тем, кто никогда не брал Библию в руки. Но где взять терпение и волю, чтобы следовать этому требованию на деле, если человекоустройство ближе к Сартровскому определению: «Ад – это другие». Трудно оспорить Ницше: с этой заповедью связаны «самая большая ложь и лицемерие», и несет она «смертную тяжесть всему миру».

Человек создан по образу Божьему, но ему не даны мудрость и силы Создателя. И «свобода воли» мало что объясняет и не утешает. Бог не либерал, и правит миром не по правилам доброго короля из «Маленького принца» Экзюпери: «Если я прикажу генералу стать чайкой, и он не послушается, это не генерала вина, а моя». Возможно, наполеоновский подход «Требуй невозможного, получишь максимум» ближе к замыслу Творца. Штейнзальц тоже считает, что Бог проверяет свой проект в самых трудных условиях.

Но какие бы оправдания, объяснения, ссылки на новое время ни использовать, подсознание, родовая память не могут одолеть чувство вины и греха, и никакие аналитики и антидепрессанты здесь не помогут. И сколь ни тяжка земная доля, еще тревожней жить с мыслью о Суде небесном. Травмированное чувством вины сознание ищет утешение в предрассудках и ненависти. Даже противники Фрейда согласны с ним, что глубинная причина неврозов, психологических и социальных аномалий – конфликт между биологической природой человека и нормами культуры и цивилизации. Напомним еще раз о первоосновах норм, определяющих общественные отношения и требования к человеку.

У евреев здесь особое положение: они добровольно приняли Тору, им не на кого жаловаться. 613 мицв жизнь не упрощают, но для иудея это родовое наследство, своя ноша, и потому не в тягость. И при всех каждодневных трудностях, непредсказуемости будущего, у евреев нет оснований сомневаться в достоинствах выбора – Тора спасла, сохранила и укрепила их перед лицом невиданных в истории испытаний. Можно заметить, однако, что в отношении секулярных евреев к ортодоксам, строящим жизнь на догматах и запретах Галахи, видны не только претензии к их малому вкладу в общественное богатство и безопасность, но и явные комплексы духовной неполноценности и экзистенциальной тревоги. Другая

черта еврейского самосознания – видеть антисемитизм во всех проблемах и неудачах; утешение слабое, но привычное.

Есть ли основания для оптимизма для тех, кто не надеется на спасителя – Мошиаха? Рационального ответа нет, но есть вечность, из которой евреев не вычеркнуть, и есть судьба всех и каждого, неотделимая от иудейских законов бытия и морали, с которыми жить трудно, но без них невозможно.

Леонид Гольдин – философ, социолог. Окончил Московский университет, где защитил кандидатскую и докторскую диссертации по философии. Тридцать лет заведовал кафедрами в академических и учебных институтах Москвы. Автор и соавтор 14 книг, нескольких сот статей. 20 лет преподаёт в Нью-Йорке. Организовал Русско-Американский центр общественного мнения, в котором 10 лет был президентом.

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ: ТРИ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЬМА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

На исходе XX века Тель-Авивский музей «Бейт Шолом-Алейхем» издал отдельным томом почти все эпистолярное наследие писателя – 713 писем, написанных за всю его жизнь. Тем не менее, и поныне еще удается найти некоторые его письма, не известные ни литературоведению, ни читателям.

Особое чувство испытываешь, когда держишь в руках подлинное послание, написанное рукой великого писателя, как бы еще хранящее тепло его прикосновения к этому листу бумаги. Рискну сказать, что в данном случае манера письма, почерк автора интересны не меньше, чем главное – содержание текста. В этих письмах Шолом-Алейхема, написанных на скорую руку, почерк отчетлив и красив, а слова в строчке часто сливаются в одно сплошное целое, между словами нет отступа. Видно, рука спешит угнаться за мыслью. Письма эти – деловые: об организации переводов, оформлении издательских документов, обращениях в редакции. Но сколько в них человеческого тепла, доброго юмора, ценных суждений Шолом-Алейхема о своих произведениях и писательской манере.

Написаны эти письма по-русски, и это несколько не удивительно. Ведь после хедера Шолом-Алейхем окончил русскую гимназию. А после гимназии стал работать частным учителем русского языка. Свой первый рассказ «Еврейский Робинзон Крузо» Шолом-Алейхем написал по-русски. И другие рассказы, тоже на русском языке, он посылал в различные периодические издания, но отовсюду получал отказы. Его первой публикацией стал рассказ «Мечтатели», напечатанный в Санкт-Петербургском «Еврейском наблюдателе».

И в этих, ранее не известных посланиях Шолом-Алейхема можно найти фрагменты, написанные превосходной русской прозой. Например, про только что законченную им книгу о мальчике по имени Мотл: «...Вообразите, мой маленький путешественник уже по пути в Америку (Броды – Лембург – Краков – Вена – Лондон – Саутгемптон – Нью-Йорк). Боже! Сколько впечатлений! А пребывание его в Америке! И все в веселом тоне. Без единой слезы. Слезы – это дело Динензона. Ах, как он умеет плакать! Просто завидно. Я же не гожусь в плакальщики. Я смеюсь. Смеется читатель. Если же порой читатель и проронит слезу, так это не моя вина. Виновата та безотрадная действительность, которую приходится воспевать современному еврейскому Гоголю или, как они называют меня, Марку Твену».

Письма эти долгие столетия (!) хранились непрочитанными в семейном архиве американского журналиста из Филадельфии Эндрю Касселя, на протяжении многих лет писавшего для англоязычных газет Массачусетса, Северной Каролины, Флориды и Филадельфии. Тематикой его статей были, в основном, экономические новости. Эндрю знал, что дед его, Бернард (Барух-Хаим) Кассель страстно интересовался литературой на идише, поддерживал дружеские отношения с Шолом-Алейхемом и переписывался с ним, сам тоже что-то сочинял. Но разобраться в писаниях и архиве деда не мог, так как единственный язык, которым Эндрю владел, был английский. Лишь в возрасте сорока лет Эндрю Кассель стал учить родной идиш, чтобы иметь возможность прочесть еврейские сочинения деда, глубже проникнуть в свою родословную, узнать подробней о местечке Кейдан. До русского языка очередь у него так и не дошла.

Несколько слов об адресате этих посланий. Бернард Кассель родился в 1877 году в местечке Кейдан, в Литве. Отец его был портным. Мальчик учился в хедере, а когда

подросток – служил в русской армии. Мир местечка стал ему тесен, он переехал в Ригу. В годы молодости Барух-Хаим стал активно вникать в культурное наследие своего народа, начал собирать фольклорные песни. Вместе со своим другом, которого звали Арон Пик, они собрали 140 народных песен, изданных впоследствии отдельной книгой в 1901 году в Петербурге под названием «Еврейские песни России»

В 1904 году Бернард Кассель эмигрировал в США. И за океаном сохранил он интерес и любовь к литературе, хотя основной для него стала коммерческая деятельность. В 1906 году Кассель познакомился с Шолом-Алейхемом во время первого визита писателя в Америку. В течение 1906 – 1908 годов Кассель получил от него целый ряд писем на идише, три – на русском. Речь в них шла о переводе некоторых новых произведений Шолом-Алейхема на английский язык («Мальчик Мотл», «Потоп», «Первая еврейская республика» и др.), об их публикации, а также о подготовке к изданию собрания сочинений писателя. Еврейские письма Шолом-Алейхема к Касселю были опубликованы в журнале «Идише култур» («Еврейская культура») в 1991 году, в номере за ноябрь-декабрь.

Три письма на русском языке Эндрю Кассель передал бостонскому ученому Иосифу Лахману который перевел их на идиш и опубликовал в выходящей в Нью-Йорке еврейской газете «Форвертс» в номере от 29 августа 2014 года..

В русском оригинале эти три письма Шолом-Алейхема печатаются впервые.

**Публикация, вступительная заметка и комментарий
Михаила ХАЗИНА**

15 июля 1907

Любезный друг Кассель!

Посылаю Вам при сем письмо, которое Вы будете любезны прочесть на вечере в честь

Д-ра Магнуса. Что касается «бумаг», то пришлите мне отдельную бумагу по поводу моего романа «Потоп». Я считаю это более рациональным – для каждого случая отдельное письмо, которое я сумею, в случае надобности писать на любом языке. Ведь нотариус может переводить и заверить правильность перевода. Это еще лучше выглядит. А то выходит, что я бессловесное существо, прячущееся где-то за кулисами. Живя в Швейцарии, я могу иметь своего представителя в Америке. Что касается «Мабел» (романа «Потоп» – М.Х.), – напишите, пожалуйста, письмо. То есть 2 письма: одно на представительство, другое на гонорар. Прибавьте в 1-м письме лишь, что полученные деньги за перевод на мой счет внести в мой депозит у J. Mercus'a. Кроме того, Вы напишите мне письмо от Вас того же содержания. Адрес г. Ричарда известен Фрейдису. Дома я утром и вечером.

Ваш Ш. Алейхем

Geneve (Suisse) RueDanset, 1

25 июля 1907

Любезный друг Кассель!

Прежде всего простите, что пишу Вам на ходу (буквально). Не забудьте, я живу в Швейцарии. В горах. А кто здесь сидит дома? Больной или дурак.

Я надеюсь, что Вы мое письмо получили и, наверно, г. Ричард к переводу моей «Республики» приступил. Как жаль, что так долго идет обмен мыслей между Швейцарией и Америкой. Если бы я знал, что к делу приступлено, я бы выслал Вам все 10 картин «Республики» для г-на Ричарда. А то ведь жаль. У меня всего один экземпляр рукописи. Когда Вы получите сие письмо, в «Тагеблате» будет уже, надеюсь, первая

половина напечатана. Пока г. Ричард переводит первую половину, 2-я подоспеет. Но если бы я получил от Вас письмо более утешительное и положительное, то я бы, конечно, не замедлил выслать Вам рукопись до конца. Могу Вам лишь сказать, любезный друг, что в то время, когда я писал конспект для английского издания, работа была лишь в наброске, т.е. в уме. Теперь же, когда я ее окончил, она вышла куда удачней, чем я ожидал от автора. Вышла добродушная сатира не только на нашу национальную разрозненность и партийность, но и на общечеловеческую благоглупость, которую люди называли политикой, классово-борьбой, государством и тому подобными прекрасными именами.

Таким образом, я бы полагал, что для дебюта в английской журналистике нельзя было придумать более подходящую вещь. Но если бы меня спросили с точки зрения чистого художества, я бы, разумеется, рекомендовал юмористическую автобиографию моего мальчика, сына Кантора, которому я отдаю часть моего Я. Вообразите, мой маленький путешественник уже по пути в Америку (Броды – Лембург – Краков – Вена – Лондон – Саутгемптон – Нью-Йорк). Боже! Сколько впечатлений! А пребывание его в Америке! И все в веселом тоне. Без единой слезы. Слезы – это дело Динензона. Ах, как он умеет плакать! Просто завидно. Я же не гожусь в плакальщики. Я смеюсь. Смеется читатель. Если же порой читатель и проронит слезу, так это не моя вина. Виновата та безотрадная действительность, которую приходится воспевать современному еврейскому Гоголю или, как они называют меня, Марку Твену.

Что это я до сих пор не имею мандат от американских сионистов? Я ведь уже собираюсь в Гаагу. Буду раньше в некоторых Бадах. Через неделю едет в Нью-Йорк мой Беркович. Он выезжает на пароходе Сент-Луис из Шербурга в первую субботу августа месяца. Выезжает 3-

го. Приезжает 10-го. Нужно забросить английский и
приняться за французский язык. Жена шлет Вам привет.

Ваш Ш.Алейхем

Geneve (Suisse) RueDanset, 1

14 июня 1908

Любезный друг Кассель!

Спасибо за письмо. Не откладывая ответа, спешу оправдаться, что исправить «Потоп» для английского издания совсем не так легко, как мы предполагали. Я Вам сделал другое предложение насчет «Республики» и я жду Вашего ответа. Поступайте, как я: не ждите ответа на данное письмо, а отвечайте немедленно по получении. Как только г. Ричард, наш общий друг, возьмется за дело и Вы будете иметь благоприятный ответ от издателя, я Вам немедленно вышлю все 10 глав «Республики» в манускрипте. Но время так быстро идет, а почта так медленно, что я смело могу надеяться, что к тому времени у Вас будут уже все 10 картин моей «Республики». Последнюю (10-ю) картину, или главу я отправил в «Тагеблат» вчера. Таким образом, до 4 – 15-го августа «Республика» будет уже напечатана вся. После «Республики» мы дадим «Историю одного маленького эмигранта», или «Историю одного еврейского мальчика». Вы догадываетесь, конечно, что это собрание рассказов моего симпатичнейшего младшего друга Мотеля, сына Пейси Кантора, который нынче у меня уже направляется в Америку. (Глава 12-я называется: *Дается название на идише*. – М.Х./ По-русски это значит: Ура! Мы летим в Америку.) Он, видите ли, пройдет у меня за один год все стадии американской жизни, как маленький «зеленый» среди взрослых «зеленых». Это будет именно то, что нужно преподнести американской публике. Маленькая, тесная семья, состоящая из мальчика, его матери (плаксивой женщины), наивного брата Ильи с его женою

Брохой, их товарища Пини (поэтичная натура) с его косоглазой женой Табл, добрейшей в мире женщины, будет совершенно достаточно, чтобы при курьезных встречах и злополучных столкновениях с злополучной действительностью, дадут полную картину еврейского галута /*рассеяния* – *М.Х.*/ в обширном океане жизни... К тому не забывайте, в какой уморительной форме все это излагается, каким потешно-отрывистым, донельзя наивным языком все это рассказывается! Тем временем мы подготовим «Мабл» /*Потоп*» – *М.Х.*/ в переработанном виде – дадим нечто новое, цельное, законченное.

Ладно, значит!

Что до «Нимца», то Вы меня удивляете. Как это Вы до сих пор не поинтересовались повидаться с капиталистом или хоть с посредником. Скажите ему, что пока Вы не увидите с лично, Вы даже и писать не будете мне. Или вот что. Я Вас, действительно, уполномочиваю вести переговоры с капиталистами или их представителями об издании полного собрания моих произведений. Во всякое время сумею снабдить Вас доверенностью и самим материалом. Не ждите моего приезда, а повидайтесь непременно с с капиталистом. Куртаж /*доход* – *М.Х.*/ г-н Гонтар получит, конечно, хороший, в зависимости от условий. На прощание жму Вашу руку и руку г. Гонтара. Да благословит Вас Господь устроить все мои дела в Америке. Мой привет г. Ричарду, нашему другу и переводчику.

Ш. Алейхем

Моя жена кланяется сердечно, а Ньюма блаженствует.

КОММЕНТАРИЙ

Динензон, Яков (1856, Ковно – 1919, Варшава) – еврейский писатель. Создатель сентиментального дидактического романа в еврейской литературе.

Доктор Магнус – нью-йоркский врач, знакомый Шолом-Алейхема. Писатель получил от него приглашение на

прощальный вечер по случаю его отъезда из США в Палестину. В письме к Касселю, написанном на идише, Шолом-Алейхем выражает удовлетворение по поводу того, что такой хороший человек, как доктор Магнус, отправляется жить и работать в страну наших предков.

«Потоп» – роман Шолом-Алейхема о революционных событиях 1905-го года и их влиянии на еврейские судьбы. Примечательно, что роман этот был запрещен к публикации цензурой царской России, а впоследствии, после Октября 1917 года – опять же запрещен советской цензурой.

«Первая еврейская республика» – сатирико-фантастическая проза Шолом-Алейхема о евреях, олицетворяющих чрезмерно обширный спектр политических и общественных воззрений и жестоковейно спорящих друг с другом.

«Что это я до сих пор не имею мандат от американских сионистов...». В 1907 году из уважения к писателю Шолом-Алейхем был избран одним из делегатов США на Восьмой сионистский конгресс в Гааге. Шолом-Алейхем сочувственно относился к сионистскому движению, хотя как писатель и не был пылким сторонником участия в политических баталиях.

Беркович И.Д. – зять Шолом-Алейхема и переводчик его произведений на иврит.

«Тагеблат» – газета, выходившая в Нью-Йорке на идише.

МАРК ГИНЗБУРГ

ТРОПОЙ СЕФАРДОВ

«Да, под властью ислама испанским евреям жилось так привольно и хорошо, как не жилось никогда после крушения их собственного царства ... Большие трёх столетий длилось такое процветание.

Затем налетела грозная буря и разметала всё».

Л. Фейхтвангер, «Испанская баллада»

Недавно я перечел рассказ Дины Рубиной «Весна в Толедо». Яркое взволнованное повествование о поездке по нескольким крупным городам Испании – от Барселоны до Толедо. Красной нитью проходили жадно ловимые приметы древней еврейской жизни, близкие образы, в которых Рубина узнавала себя.

Но вот незадача! Как и у других авторов, без внимания незаслуженно остались сотни городков по всей Испании, в которых столетиями текла полнокровная жизнь еврейских общин. Многие из них славны знаменитыми мыслителями, учеными, поэтами, путешественниками, государственными деятелями, особыми отношениями с властями, гражданским статусом. Даже те, кому, вроде, полагалось бы знать о богатейшем наследии сотен еврейских общин в средневековой Испании, о нем и не подозревают.

К примеру: Не так давно корпорация Google и испанская организация Reddelas Juderias («Сеть еврейских кварталов») запустили совместный проект по возрождению почти утраченного еврейского наследия 24 испанских городов. Идея проекта принадлежит главе подразделения Google по международным связям в Европе, на Ближнем Востоке и Африке Уильяму Эчиксону, побывавшему в Сеговии. Во время презентации программы он признался: «Меня удивило,

что в Сеговии есть старинная синагога и еврейский музей. Раньше я думал, что еврейское наследие Испании ограничивается несколькими городами – в первую очередь Гранадой и Толедо».

Возможно, через несколько лет мир получит яркие картины средневековой еврейской Испании, вспомнит, что период с 9 по 12 век был истинным ренессансом, давшим великих поэтов, философов, врачей, политиков, путешественников, дипломатов, опередившим европейский ренессанс на четыреста лет. Был уникальным временем мирного и плодотворного сосуществования ислама, христианства и иудаизма.

Совместными усилиями в Испании была создана высокая культура, о которой и мечтать не могли в других странах средневековой Европы. Судьбы еврейских общин похожи одна на другую – сотрудничество с арабами и христианами, административная независимость и покровительство властителей, взлет и процветание и... – немногим более 500 лет тому назад – разгром, насильное крещение и изгнание. Во многих городках и малых поселениях следы евреев покрылись пылью веков, почти стерлись, изредка проявляясь – в названиях улиц, в развалинах синагог, в преданиях.

В двух основных королевствах тогдашней Испании – Арагоне и Кастилии – перед евреями открывались широкие экономические и политические возможности. Правители обоих королевств, получающие чрезвычайные выгоды от деятельности евреев, прилагали большие усилия к сохранению прав и образа жизни евреев. Вот привилегия, выданная королем Яковом I евреям Валенсии в 1239 г.

«Да будет известно всем, что мы, Яков, Божьей милостью король Арагона, Мурсии и Валенсии, наместник Барселоны и Орджиля, властитель Монпелье, от нашего имени и от имени всех наших наследников даем вам и наделяем вас, наши подданные евреи, живущие в Валенсии

и ее окрестностях, как тем, которые уже живут там, так и тем, которые придут там поселиться, на веки вечные, чтобы были у вас все права и обычаи, какие имеют евреи Сарагосы.

В особенности для того, чтобы вы могли производить суд между евреем и евреем, не будет над вами и всем, что вам принадлежит, никакого обвинения с нашей стороны или со стороны иного лица, кроме обвинения в убийстве которое мы оставляем в нашей власти, а по поводу всех других обвинений будете вы судить по вашим законам.

Христианин не сможет доказать вашу вину ни в каком иске, если не будет в составе суда христианина и еврея. И если захочет еврей принести клятву христианину, то будет он клясться на книге Моисеевой.

И если еврей будет требовать чего-нибудь у христианина, то будет это по христианскому закону. И если христианин будет требовать чего-то у еврея, то будет это по еврейскому закону. И если захочет еврей обжаловать это решение, то сделает это в христианском суде.

И если еврея арестуют по решению христианского суда, он будет освобожден и сможет пойти домой в каждую пятницу после обеда до восхода луны на следующий день; и он обязан оставить залог, что вернется в тюрьму. И нельзя требовать от еврея, чтобы он отвечал судье в субботу или в дни еврейских праздников.

Более того, мы принимаем вас всех и каждого из вас в отдельности, а также ваше имущество под наше особое покровительство, охрану, попечительство и защиту так, чтобы вы могли жить и свободно передвигаться по всей территории нашего королевства и наших владений на море и на суше; и да не посмеет ни один человек чинить препятствий вам или вашему имуществу нигде, напасть

на вас или арестовать вас, разве что только за долги и прегрешения ваши.

.....
А если кто-нибудь совершит противное, пусть знает, что обратил на себя гнев наш и должен будет заплатить штраф в 1000 мараведи.

Выдано в Валенсии 6 марта 1239 года.

А через полтора года, в 1391 г. в большинстве испанских общин разразились жестокие погромы, приведшие к их полному упадку. Многие приняли мученическую смерть во имя веры. Значительная часть евреев – главным образом, зажиточные и образованные – перешла в христианство

В 1972 году в Испании были выпущены восемь почтовых марок. На каждой надпечатка Caminos de sefarad – «тропа сефардов», так называют цепочку 24-х городов, которые оставили заметный след в истории испанских евреев. На двух марках – знаменитые синагоги в Кордове и Толедо, о которых уже много написано. На шести других – свидетельства о не столь известных средневековых еврейских общинах в городах Жироне, Сеговии, Туделе, Рибадавии, Касересе и Гервасе.

Расскажем о городах, упомянутых в последних шести марках, и о двух неупомянутых.

Жирона

Первые евреи поселились в Жероне еще в римскую эпоху после разрушения II храма. В 890 г. в Жирону приехало 20 еврейских семей. Среди приехавших были врачи, ювелиры, ремесленники, торговцы и т.д. Они расселились в улочках около кафедрального собора. Во время осады в соборе пряталось все население городка. В период расцвета еврейского квартала Эль-Каль в нем проживало около тысячи евреев. Квартал находился под защитой короля. Общинные дела управлялись коллегией

20 лиц. Здесь был даже собственный мэ́р. Евреи не зависели от губернатора города, не платили местных налогов а подчинялись только королю. Взамен кроме обычных значительных ежегодных податей евреи платили большие суммы при каждой коронации и при завоевании новых земель. А в конце 14 в. евреи понесли половину расходов по сооружению городских укреплений.

В 1194 г. в квартале рождается Рамбан (сокращение от рабби Моше Бен-Нахман) – один из величайших авторитетов Галахи, комментаторов Торы и

Талмуда, врач, поэт, философ и каббалист. Он становится главным раввином Жироны, а Жирона – центром каббалистики.

Арагонский король Хайме Первый навязывает ему публичный диспут в Барселоне. Рамбан подверг критике догмат, утверждавший, что с появлением Христа уже исполнилось предсказание пророков о пришествии Мессии. Он блестяще выиграл диспут – король заметил, что «никогда не слышал такой умной защиты неправого дела», и подарил ему 300 золотых монет.

Но церковь не могла допустить, чтобы такое публичное выступление прошло безнаказанным. Духовенство возбудило судебное преследование, и Рамбан был изгнан из Испании. А в городе последствием диспута стал погром евреев, прекращенный вооруженной силой по приказу короля.

В конце мая 1348 г. в разгар эпидемии чумы чернь вырыла еврейские трупы из могил и сожгла их вместе с трупами убитых евреев. А погром 1391 г. разрушил основы общины и окончательно разорил ее. Вооруженные крестьянские толпы ворвались в еврейский квартал, напали на безоружных евреев, избили их самым жестоким образом и сожгли их дома и имущество. Толпа растерзала 40 иудеев, а остальные были заперты в башне. Все бедствия, постигшие город – и страшное землетрясение, и падение старой башни в 1404 г. –

приписывались евреям. В праздники и во время церковных процессий жизнь евреев находилась в постоянной опасности. Во время такой процессии в 1418 г. молодые священники с толпой народа ворвались в синагогу, разбили ее окна и двери и разорвали священные книги. В последующие годы и вплоть до изгнания иудеев из Испании квартал Кале превращён в гетто, его жители ограничены в правах. В 1486 г. была установлена отличительная одежда для евреев при их выходе за пределы квартала.

В 1492 г. все почти евреи оставили Жирону. Опустевший квартал заселили бедные христианские семьи. Поскольку денег на обустройство домов у новых обитателей не было, еврейские дома дошли до наших дней почти без изменений. В средние века это были многоуровневые каменные здания с арочными сводами, романскими окнами. Все комнаты группировались вокруг внутреннего дворика, а на улицу выходили стены, сложенные из грубо отесанных камней.

В настоящее время Каль – один из лучших всех сохранившихся еврейских кварталов Испании.

На первой из шести марок изображен Музей истории евреев в Жироне, открытый в середине 90-х. в центре квартала Каль. Помимо других экспонатов, книг и рукописей, в музее хранится самое большое в Испании собрание средневековых еврейских надгробий. Когда-то рядом располагалась синагога. Ее здание было разрушено в 1285 году, когда город готовился к обороне против французской армии, а наемники-кастильцы вероломно ворвались в еврейский квартал, грабя и убивая евреев. Вновь отстроенная синагога, перешла в 1494 г. в церковную собственность.

Сеговия

На второй марке предстает внутренний зал церкви Тела Христова ("CorpusChristi"), расположенной в здании бывшей главной синагоги Сеговии.

Сеговия, расположенная к северо-западу от Мадрида, была основана племенами кельтиберов около 3 тысяч лет назад и завоевана римлянами в 80 г. до н.э. В 714 г. город был взят арабами. В 1085 г. Альфонс Кастильский захватил город и превратил его в королевскую резиденцию. Уже тогда здесь существовала многолюдная еврейская община, образуя самый большой еврейский район в Испании. Евреи занимались торговлей и ремеслами, особенно успешно – дублением кожи и производством сукна; обладали существенными средствами.

В 1410 г. евреев Сеговии обвинили в осквернении просфоры, и двое из наиболее видных членов общины были казнены. Неудовлетворенный этим исходом, епископ обвинил евреев в попытке подкупить его повара с целью отравить епископа. Вследствие этого многие евреи были убиты, многие бежали из Сеговии. С ложным обвинением связан и эдикт королевы Екатерины о выселении евреев из старого их квартала. В 1412 г. решением королевы главная синагога была отдана под церковь, которая позже получила название церкви Тела Христова ("CorpusChristi"). А в следующем году и меньшая синагога была преобразована в монастырь.

В середине 14 в. по стране прокатилась эпидемия «черной чумы», и разразились еврейские погромы. В Сеговии они начались в 1391 году, повторяясь в 1449 и 1471 гг. Был принят закон, запрещающий людям с еврейской кровью занимать высокие должности в управлении города. В 1474 г. евреи Сеговии вновь подверглись кровавому погрому. Но еврейское население было еще столь значительным, что смогло откупиться баснословной суммой в 11 тыс. мараведи.

Близ квартала Juderia на склоне холма «Cuestadelos Noyos» было расположено еврейское кладбище. В 1886 г. здесь были найдены скелеты в пещерах, высеченных в скале. По преданию евреи Сеговии бежали в эти пещеры в 1492 г., когда истек срок их пребывания в городе; многие из них умерли в этом убежище, другие крестились. Сегодня памятником когда-то процветавшей общины служат развалины большой и красивой синагоги, которая была построена одновременно с синагогой в Толедо и в том же стиле. Она была превращена в церковь и сгорела в 1899 г.

Тудела

Уже в 1114 г. при взятии города Альфонсом Смелым в Туделе было много евреев. Через год их права были оговорены специальным юридическим документом. Не доверяя последнему, евреи решили эмигрировать, но остались после обещания короля, даровать им широкие права. В 1170 г. король Санчо Мудрый подтвердил льготы, дарованные Альфонсом.

Еврейский квартал лежал в укрепленной части города; там же находилась большая синагога и несколько меньших. Правление общины состояло из двух председателей и двадцати представителей, облеченных широкими полномочиями. На евреев был возложен официальный контроль за правильностью мер и весов. В 1363 году представители общины призвали энергично действовать против доносчиков и клеветников. Это решение было прочитано в Иом-Кипур во всех синагогах.

В общине были земледельцы, виноградари, стеклодувы, портные, сапожники, мелкие торговцы, богатые купцы. Сохранившиеся документы упоминают о сыромятниках, плативших ежегодную подать за право пользования водой из реки Эбро. Сапожники и золотых дел мастера имели свои отдельные лавки на отведенном

для них месте, за что они вносили большой налог. Отсюда родом были многие выдающиеся ученые, писатели, философы. Среди них – философ, врач и писатель Ибн-Шапрут и путешественник Вениамин Тудельский.

Еще молодым человеком Ибн-Шапрут был вынужден вступить в публичный диспут о первоначальном грехе и возмездии с кардиналом Петром де Луна, впоследствии папой Бенедиктом XIII. Диспут происходил в 1375 г. в присутствии епископов и ученых-теологов. В 1380 г. он закончил свое полемическое сочинение против крещеных евреев. Чтобы помочь евреям в полемиках, Шапрут перевел части Евангелия на еврейский язык, снабдив переводы едкими замечаниями.

Всемирную известность заслужил Вениамин Тудельский. В XII веке Вениамин посетил Рим, Салоники, Константинополь, Бейрут, Дамаск, Иерусалим, Багдад, Александрию, Каир и огромное множество менее значительных городов. Он описал религиозную, экономическую и культурную жизнь еврейских общин, указал их численность и сообщил немало интересного о религиозных сектах (не только еврейских). Он провел в путешествиях около 13 лет и все это время вел путевой дневник, где подробно описывал страны, которые видел, а также те, о которых ему рассказывали. В дневнике приводятся и услышанные им сведения об Индии, Хиве, Самарканде, Китае, России. Латинский перевод его книги был популярен в Европе в XVI в. Русский перевод появился в печати в 1881 г. в Санкт-Петербурге под названием «Путешествие рабби Вениамина Тудельского».

Закат общины пришел, как и во всей Испании, с ростом антисемитизма. В 1235 году в Туделе вспыхнул мятеж, направленный против властей, при чём пострадало очень много евреев. В 1321 году евреи Туделы подверглись нападению толпы, и многие были убиты. Война с

Кастилией и эпидемия 1379–1380 годов довели еврейскую общину до крайней нищеты; 200 семейств, составлявших её, не могли уплачивать налоги.

В 1498 году, несколько позже, чем в целом по всей Испании, не пожелавшие принять христианство евреи были изгнаны из Наварры. 180 семейств Туделы приняли крещение, многие затем эмигрировали во Францию.

Трудно сказать, чей бюст изображен на марке. К сожалению, портреты Вениамина Тудельского не сохранились.

Объемы журнальной статьи не разрешают подробно остановиться на трех последних марках. Ограничимся содержанием их изображений.

Рибадавия. Ворота Порте-Нова, в городе Рибадавия, изображенные на четвертой марке, защищались евреями и христианами от вторжения англичан. Джон Гаунт, Герцог Ланкастерский, женатый на дочери короля Кастилии, претендовал на кастильский престол. В 1386 году он во главе 20-тысячного войска высадился в Кастилии. Но общими усилиями евреев и христиан вторжение было отбито.

Касерес. В 15 веке в еврейском квартале города жили около 140 еврейских семей. Старый город и еврейские кварталы, окруженные крепостной стеной, прекрасно сохранились и объявлены историческими объектами, защищаемыми ЮНЕСКО. На пятой марке изображена старинная синагога, ныне объединяющая небольшую еврейскую общину Касереса.

Гервас

Город возник в 12 веке трудами тамплиеров. Евреи селились здесь с 15 века. В средние века в городе было две синагоги. Их разграбили, и сейчас никто не знает, в каких же домах они находились. Память о них сохранилась в наименовании улицы Calledelas Sinagogas (улица синагог),

указанном, на уличных таблицах. И не исключено, что в существующем жилом доме, изображенном на марке, когда-то размещалась одна из двух синагог Герваса.

Приведем истории еще двух городов, не менее поучительные, чем истории городов, отмеченных на марках.

Сарагоса

Евреи жили в Сарагосе, уже в первых веках н. э., В 11 в. в городе было два еврейских квартала – старый, размещавшийся в римских городских стенах и населенный евреями еще в мусульманские, а то и вестготские времена, и новый, *Judería*. В городе действовала талмуд-тора.

После перехода Сарагосы под власть короля Арагона Альфонсо I (в 1118 г.) евреи получили ряд привилегий; им передали значительную часть недвижимости, которой ранее владели мусульмане. Среди ближайших советников короля был еврей Эл‘азар. Со времен мусульманского господства евреи Сарагосы пользовались общинной автономией; король Хайме I предоставил им и судебную автономию. В приведенной выше «привилегии» Якова Первого еврейское право Сарагосы упоминается как образец.

В Сарагосе в 1250 году случился первый в Испании кровавый навет. Через 44 года по городу вновь пошел слух, что евреи якобы похитили христианского ребенка и извлекли его сердце и печень для совершения магических обрядов. Городские власти тут же назначили «эксперта» по магии для расследования обвинения, но, к счастью, пропавшего младенца удалось найти до того, как «эксперт» успел вынести ожидаемый вердикт.

В 13-14 в.в. численность еврейского населения Сарагосы достигла пяти тысяч семей. Это были портные, граверы, скорняки, золотых дел мастера, мойщики шерсти, кузнецы, сапожники, вышивальщики. Ремесленники были

объединены в цеха, каждый из которых имел свой устав; иногда король предоставлял этим цехам разного рода привилегии.

Сарагосские евреи занимались также торговлей, финансовыми операциями, врачеванием; владели в окрестностях города полями и виноградниками. При этом евреи должны были платить в государственную казну чрезвычайно высокие подати, как обычные ежегодные, так и особые, а в 1363 г. им пришлось дополнительно внести колоссальную сумму на снаряжение армии, готовившейся к войне с Кастилией. За сбор податей отвечали руководители общины, которые вводили для этого прямые и косвенные налоги (последними, в частности, облагались коммерческие сделки, дневные заработки ремесленников, ссуды, недвижимость, приданое, а также мясо и вино). Размер налога для каждой семьи определяла особая комиссия общины, оценивавшая ее имущество.

В 1386–1410 гг. общину Сарагосы возглавлял Хасдай Крескас – глава испанского еврейства, один из наиболее самобытных еврейских и вообще средневековых философов. Его новаторские взгляды о бесконечности и природе, пространстве и времени способствовали антиаристотелевскому перевороту в натурфилософии. Под его предводительством город стал центром еврейской жизни в Испании. До Крескаса в 1350–70-х гг. во главе общины Сарагосы стояла семья де ла Кабальерия, члены которой, в частности, брали на откуп (вместе с христианскими компаньонами) чеканку золотой монеты и сбор налогов во всем королевстве.

Волна погромов, прокатившихся по Испании в 1391 г., не затронула Сарагосу, поскольку в городе находился король Арагона Хуан I, а еврейская община организовала под руководством Хасдая Крескаса отряды самообороны. В 1415 г., после того, как монах Феррер выступил в Сарагосе с антиеврейскими проповедями, в городе

возникла угроза погрома, однако его удалось предотвратить благодаря мерам, принятым по распоряжению короля. Тем не менее, с этого времени некоторые евреи Сарагосы, включая членов влиятельных семейств, начали переходить в христианство, особенно после диспута в Тортосе, в котором участвовали два представителя сарагосского еврейства. По предписанию властей новым христианам пришлось покинуть еврейский квартал; при этом многие семьи были разлучены.

В 1419 г. общине были возвращены синагоги и экземпляры Талмуда, конфискованные после диспута в Тортосе. В 1420 г. евреев Сарагосы обвинили в том, что они проявили неуважение к королю, выйдя встречать его не со свитками Торы, как им было предписано, а с пустыми футлярами от них; однако проверка, произведенная в присутствии монарха, показала, что свитки находились в футлярах.

В 1420-х гг. около двухсот евреев Сарагосы ежегодно переходили в христианство. Экономическое положение общины непрерывно ухудшалось. Особо в результате эпидемии чумы. Альфонсо V был вынужден освободить евреев Сарагосы от уплаты налогов на десять лет; он также объявил членам общины общую амнистию и гарантировал им защиту от незаконных преследований со стороны церковных и светских властей.

В 1479 г., когда арагонская корона перешла к Фернандо, сарагосским евреям приказали носить отличительный знак. В мае 1484 г. в городе начал действовать трибунал инквизиции; 10 мая во время первого аутодафе были сожжены четыре маррана. В ноябре 1484 г. кортесы Арагона, находившиеся под влиянием новых христиан, которые занимали высокие посты, обратились к королю с требованием упразднить инквизицию. Король отказался закрыть трибунал, но фактически он на время перестал работать. Однако после того, как 14 сентября 1485 г. в кафедральном соборе

Сарагосы был убит инквизитор де Арбузе, преследования новых христиан возобновились: на аутодафе, проводившихся с декабря 1485 г. ежемесячно, многие из них (включая высших государственных чиновников и членов влиятельных семейств) были сожжены или прошли ритуал «примирения» с церковью.

Незадолго до истечения срока, определенного королевским декретом об изгнании, некоторые евреи Сарагосы приняли христианство; остальные покинули город и спустились на лодках по реке Эбро в порт Тортоса или направились в близлежащее королевство Наварра. Главная синагога Сарагосы была превращена в склад, а с 1560 г. – в церковь.

Город Авила интересен, в частности, документами, защищающими евреев от произвола чиновников и частных лиц. Например: письмо председателя королевского совета (от 1 марта 1479 г.), касающееся жалобы еврейской общины Авилы на незаконное требование налогов; распоряжения от 18 сентября 1479 г. и от 8 января 1480 г., подтверждающие привилегии евреев Авилы, согласно которым воспрещалось брать у евреев в залог дома, одежду и другие объекты, причём евреи освобождались от городских налогов и повинностей; приказ главного капитана эрманды (вооруженная организация по охране общественного порядка) о предотвращении насилия над евреями Авилы (1480 г.); королевское распоряжение от 15 марта 1483 г., защищавшее еврейский квартал от нападений соседей-христиан, разрушавших его ограду; наконец, грамота от 16 декабря 1491 г., обеспечивавшая безопасность личную и имущественную, выданная той же общине. И другие документы того же порядка.

И в то же время...

За два года до изгнания трибуналом в Авиле разбиралось дело о местном ритуальном убийстве канонизированного затем "ребенка из Ла-Гуардия". Двадцатилетний башмачник Юсе Франко, его престарелый отец и братья обвинялись в этом убийстве и были инквизицией приговорены к сожжению на костре, что и было исполнено 16 ноября 1491 г.

За этим процессом последовали избиение и разгром евреев фанатичною толпою. Неистовства громил дошли до того, что король должен был издать специальный эдикт, которым евреи брались под защиту короны.

А спустя год – изгнание.

В последние годы в стране, где в сотнях городов сохранились дома с мезузами и надписями на иврите, наблюдается взлет интереса к еврейскому прошлому. Будем надеяться, что долгосрочный проект корпорации Google и организации Reddelas Juderias по возрождению еврейского наследия испанских городов окажется успешным.

(Тем неприятнее тот факт, что антисемитизм присутствует и в этой стране, где почти нет евреев – всего 14 тысяч. После победы в этом году в финале европейского первенства тель-авивского баскетбольного клуба “Маккаби” над мадридским “Реалом” в интернете появились тысячи (!) антисемитских высказываний испанских болельщиков. – Ред.)

А пока – пусть мелькнут хотя бы отдельные искры, высекаемые прикосновением к сердцам таких далеких и таких близких предков. Которые жили, любили, радовались и страдали и которые протягивают нам руки сквозь пыль и пепел столетий.

Марк Гинзбург в СССР руководил разработкой государственных информационных систем. Автор около 100 научных работ и изобретений, нескольких монографий. В США преподавал в колледжах математику и иудаизм. За циклы лекций в штатах Массачусетс и Нью-Джерси отмечен премией «Корона Торы». Автор книг «До, После, Над», «Берег моря суеты», «10 лет с правом переписки», «Этический иудаизм».

Книги и статьи Марка Гинзбурга издавались в Америке, России и Германии.

Живет в Бостоне.

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ

Полвека со дня смерти Генриха Густавовича Нейгауза

В конце 1946 года профессор Нейгауз – великий педагог и великий пианист – концертировал в Баку.

Баку того времени привлекал многих выдающихся музыкантов. Большая заслуга в этом была и тогдашнего администратора филармонии Горнштейна, доброго знакомого нашей семьи. Именно он внял моей просьбе и пропустил в пустой зал, где по утрам репетировал Генрих Густавович. Я учился тогда в Бакинской консерватории у очень хорошего музыканта и педагога профессора М.Р.Бреннера, но мечтал быть учеником Генриха Густавовича.

Незаметно сел в дальнем ряду. Генрих Густавович продолжал играть, поглядывая на меня, потом спросил, музыкант ли я. «Да, – ответил я, – и очень хочу учиться у Вас». – «А что вы могли бы мне сыграть?» – «Первую балладу Шопена». – «Пожалуйста», – пригласил к роялю. Чувствуя себя почти святотатцем, я сыграл.

Генрих Густавович сделал несколько замечаний и сказал, что возьмет меня в свой класс, если я сумею выполнить формальности, связанные с переездом в Москву.

Я не верил своему счастью.

Необходимые формальности в виде письма из Бакинской консерватории в Московскую были выполнены. И в январе 1947 года я, предварительно напомнив о себе по телефону, позвонил в дверь квартиры Нейгауза на улице Чкалова. Поскольку в середине учебного года поступать в консерваторию было практически невозможно, Генрих Густавович счел лучшим вариантом открыть для меня свой класс в музыкальном училище при консерватории в Мерзляковском переулке. Но занимался со мной и

готовил меня к вступительным экзаменам в своем классе в консерватории.

Так начался счастливейший период в моей жизни – общение с Нейгаузом.

Его уроки были не только школой музыки. Само соприкосновение с его личностью, его огромной эрудицией, безупречным вкусом, особым мышлением и удивительной благожелательностью было ошеломляющим. И при всем том ему удавалось не подавить личность ученика, а, напротив, раскрыть в нем новые возможности, влить в него какую-то трансцендентную энергию.

Всегда приветливый, он ничем не выдавал своего утомления. А ведь в то время он преподавал и в Ленинграде. И по утрам после ночи в «Красной стреле» появлялся в классе элегантно, подтянутым и доброжелательным, вызывал подъем и предчувствие очередного волшебства.

На каждый его урок приходили почти все его ученики. Никто не знал, кого он выберет для очередного занятия. Кончив заниматься с одним, он оглядывал сидящих и выбирал следующего.

Все возможное время я проводил в его классе, впитывая каждое его слово. Это был поток каких-то неожиданных сравнений, точных замечаний, ярких картин, экспромтных красочных лекций о стиле композитора, об его эпохе, об архитектуре произведения.

Когда объяснения не достигали цели, Генрих Густавович садился за рояль. Насколько я помню, он не любил показывать, как надо исполнять, не хотел, чтобы ученик формально подражал ему. Но пытался своим исполнением ввести ученика в нужное настроение, помочь посмотреть на произведение изнутри и в целом.

Я помню, как одна из студенток играла вторую часть какой-то бетховенской сонаты и никак не могла понять, чем недоволен Генрих Густавович (кстати, я тоже не мог

понять – вроде играла она очень неплохо). Генрих Густавович сел к роялю и переиграл отрывки из вторых частей многих бетховенских сонат. И мне стало ясно, какого настроения он добивается. Поняла это и ученица. И Нейгауз остался доволен.

Обычно он сидел в мягком кресле, но иногда во время игры ученика подсаживался ко второму роялю и деликатно, почти незаметно включался в игру. Второй рояль был немного выдвинут вперед, и было не очень заметно, когда Генрих Густавович опускал руки на клавиатуру.

Раз это случилось, когда он занимался со мной. Я не сразу заметил его участие и не сразу сообразил, почему я чуть изменил темп и почему инструмент стал звучать иначе. И вообще, почему я стал лучше играть даже тогда, когда Генрих Густавович перестал «водить меня за руку».

Об его образном мышлении и необычайно красочном воображении можно вспоминать и вспоминать.

Например, об элегии Рахманинова. Он спросил: «Вы знаете, какое небо в Италии? (Я честно признался, что не знаю). А вот представьте себе, небо прозрачное и синее-синее, как может быть только в Италии, черный кипарис чуть-чуть покачивается».

Или о вступлении и начальных тактах первой части 14-й рапсодии Листа: «Из темной и мрачной комнаты вдруг распахиваются двери в ослепительно сверкающий зал. Великолепные женщины в бриллиантах, мужчины во фраках и ярких мундирах».

Кто-то, по-моему – Тамара Гусева, играла концерт (или сонату) Кабалевского. Генрих Густавович дослушал до конца и с некоторой досадой произнес: «гора родила мышь».

О каком-то произведении Прокофьева заметил: «Бетонные плиты аэродрома, а в щелях между плитами пробивается живая зелень».

...Я был тем самым студентом, кого Генрих Густавович

упомянул в книге «Об искусстве фортепианной игры»:

«Однажды в моем классе произошло следующее. Один ученик – он впоследствии бросил музыку и стал превосходным инженером – так невыразительно сыграл два последних протестующих «выкрика» в Первой балладе Шопена, что я ему поневоле сказал: Это звучит, как будто бы девушка в красной шапке в метро крикнула “От поезда отойдите».

Я тогда готов был провалиться сквозь землю, а он продолжал: «А знаете, почему так получается? Потому что вы шлепаете рукой, как цапля по болоту».

У Генриха Густавовича было много хороших учеников, увы, я не был среди этого большинства и, видимо, этим ему и запомнился.

Я, каюсь, осмеливался терзать Генриха Густавовича вопросами о разрешенном репертуаре. Это было время борьбы с космополитизмом во всем, в музыке – в частности. Как-то в классе в ответ на вопрос, можно ли исполнять определенного (не помню уж какого) композитора, он ответил: «Я сегодня еще газет не читал, но наша допустимая программа – как резиновая игрушка-пищалка (надувной чертик) «Уйди, уйди» (И показал руками, как сжимается раздутая игрушка). И с непередаваемой иронией добавил: «А вообще, зачем нам Брамс, когда у нас есть Калинин».

По глупости как-то спросил: «Генрих Густавович, а кого вы ставите выше - Гилельса или Рихтера?» Он ответил: «Слава – музыкальный гений. Но первый пианист – Миля».

Потом вернулся к Рихтеру: «Удивительное чувство целого. На произведение смотрит с высоты птичьего полета. Иногда, пока он играет, с ним не соглашаешься. Но когда кончает, видишь, иначе нельзя».

Так прошло несколько месяцев. Большею частью я занимался с ассистентом Генриха Густавовича. Время от времени он приглашал меня к роялю. И постепенно

эйфория стала уступать место тревоге. Если в Баку на общем фоне я был одним из многообещающих студентов, то в классе Генриха Густавовича я невольно сравнивал себя с другими его учениками (среди которых было много “звездочек”) и приходил к невеселым мыслям. Технических проблем у меня не было, но не было, видимо, чего-то главного, того проникновения в музыку, без которого пианист не может увлечь слушателя.

Я полагал, что можно быть посредственным инженером, или (хуже) посредственным врачом, но посредственным музыкантом (особенно мужчине) быть невозможно.

Приближалось лето, и я попросился для решительного разговора. Генрих Густавович пригласил меня домой. Он слушал радио – такой большой деревянный коричневый ящик, и сделал мне знак: давайте дослушаем. Передавали симфонию Шостаковича. Передача закончилась, и Генрих Густавович с улыбкой сказал : «Это может нравиться или не нравиться, но написано это мастерски!».

Я начал: «Генрих Густавович, вы знаете меня уже несколько месяцев. Я низко оцениваю свои успехи. Прошу вас, скажите мне, что, по-вашему, может из меня получиться и что мне стоит делать дальше. Плохой прогноз не будет для меня катастрофой, потому что у меня есть неплохие способности к математике и техническим наукам, я уже проучился несколько семестров в техническом институте и весьма успешно».

Генрих Густавович немного подумал и ответил: «Золотые россыпи перед вами не рассыпаны. Искра Божья возможно в вас есть, но раздуть ее очень трудно. Трудно бороться с вашим испорченным вкусом. Трудно, но можно. У вас хорошая голова и четкое мышление. А то, что вы собой недовольны, – хороший признак. Из вас может выйти неплохой преподаватель в провинциальной консерватории».

Мы еще немного поговорили, и Генрих Густавович спросил: «Что же вы намерены делать?». Я ответил: «Буду

готовиться к экзаменам». – «Очень хорошо», – заключил Нейгауз, но я продолжал: «Готовиться к экзаменам не в консерваторию, а в Московский университет. Думаю, так будет лучше».

Генрих Густавович развел руками: «Приходите, я буду рад видеть вас на моих уроках». И тут же написал записку, как бы пропуск в консерваторию: «Разрешаю посещать занятия в моем классе. Нейгауз».

Я приходил, когда мог, на его уроки, слушал и получал свою долю радости.

Полвека назад, 14 октября 1964 года, Нейгауза не стало. Жива моя благодарность Генриху Густавовичу за счастье общения с ним и за его деликатность и доброту. Я думаю, что уже со встречи в Баку, когда я играл Первую балладу, ему стало ясно, что «золотые россыпи передо мной не рассыпаны». Но все же он хотел, как сейчас принято говорить, дать мне шанс.

М. Г.

БАУРЖАН ТОЙШИБЕКОВ

АФОРИЗМЫ

*Вера означает не то, что Бог берёт на себя часть твоей ответственности, а то, что ты берёшь на себя часть ответственности Бога.

*Иногда овца считается паршивой лишь потому, что отбилась от стада.

*Тиран: человек, готовый расстаться с властью над людьми, лишь истребив их всех до одного.

*Верьте покупателю, хвалящему товар, но только не тогда, когда он делает это по телевизору.

*Совість мучает только тех, у кого она есть.

*Свобода не только в том, чтобы не быть рабом чужой воли, но и в том, чтобы не быть её господином.

*Обещанный плов не имеет ни запаха, ни вкуса.

*Можно быть самому себе врачом, но не патологоанатомом.

*Что для низов борьба за кусок хлеба, то для верхов борьба за кусок пирога.

*Хуже, чем рыть яму другому, может быть только вырыть могилу себе.

*Истинная сила – это всё, кроме насилия.

*Данные статистики – это такие, которым следует доверять тем меньше, чем они лучше.

*В готовности умереть за идею нет ничего дурного – но лишь до тех пор, пока она не соединяется с такой же готовностью убивать ради неё.

*Да, люди – это Божьи дети, но мир – это всё-таки не детский сад.

*И мозоль на заднице может быть трудовой.

- *Карлик, чьё окружение помогает ему играть роль великана, - вот что такое тиран.
- *Немногие люди обладают настоящим чувством юмора – если подразумевать под ним умение смеяться не над другими, а над собой.
- *Писатель – это врач, который лечит больных тем, что рассказывает им историю собственной болезни.
- *Человек, держащий нос по ветру, – это не человек, а флюгер.
- *Нет на свете более дешёвых вещей, чем те, которые можно купить за деньги.
- *Главное занятие живущих в оазисе – творить миражи для живущих в пустыне.
- *Если философ усиленно размышляет о деньгах, это может означать только то, что они у него кончились.
- *В искусстве высота – это продолжение глубины ввысь, а глубина – это продолжение высоты вглубь.
- *Хуже навязчивых идей могут быть только навязанные идеи.
- *Настоящая литература – это всё, кроме бестселлера.
- *Глупость делает человека беспощадным к промахам ума в той же мере, в какой ум делает его снисходительным к промахам глупости.
- *Глупец – тот, кто, заблудившись в трёх соснах, не находит порой ничего лучшего, чем повеситься на одной из них.
- *В этом мире не спотыкаются только трое: тот, кто стоит, тот, кто сидит и тот, кто лежит.
- *Люди делятся на два разряда: тех, кто относится по-человечески к скоту, и тех, кто относится по-скотски к человеку.
- *Не было ещё на свете такого общества, которое, будучи принуждаемо ходить строем, в конце концов не зашло бы в тупик.
- *Свободомыслие является редкой вещью – и не потому, что в дефиците свобода, а потому, что в дефиците мысль.

*Там, где люди размахивают знамёнами, значение начинают приобретать не цвета полотнищ, а толщина древков.

*Всякий бездомный в конце концов обретает крышу над головой – или, по крайней мере, крышку.

*Когда Сизиф узнал, что боги приговорили его к бессельному труду, он возблагодарил их за то, что они не приговорили его к безделью.

*Слух рождается мышью, а умирает слоном.

*Купаясь в лучах славы, можно и утонуть.

*Лишь адский труд заслуживает райского отдыха.

*Если в тебе заговорила совесть – не перебивай её.

*Мудрость – это тот же ум, только помещённый в сердце.

*Хорош лишь тот учитель, в котором ещё не умер ученик.

*В войне против бедности богатые, как правило, соблюдают нейтралитет.

*Банальные истины не перестают быть истинами от того, что они банальны.

*Когда юноша впервые в жизни говорит: «Я должен», – он становится мужчиной.

*Самым строгим твоим критиком должен быть тот, кто сидит в тебе, а не рядом.

*Лучшие войны в истории человечества – те, что человечеству удалось избежать.

*Рецепт творчества: возьмите одну порцию чернил и смешайте с тремя порциями пота.

*Девушка – это роза с шипами, женщина – это роза без шипов, а старуха – это шипы без розы.

*Иногда у человека не может быть лучшего друга, чем одиночество, и лучшей подруги, чем тишина.

*Если вы хотите, чтобы ваша речь имела успех, поместите её конец в начало, а начало выбросьте.

Бауржан Тойшибеков родился в 1955 году. По образованию историк, живёт в Казахстане. Стихотворец, сочиняет афоризмы.

Имеет публикации в периодике и в Сети (www.florida-rus.com, aphorism-list.com, aphorism-citation.ru, aforizm.info и др.) Кроме того, отдельные вещи публиковались в сборниках афоризмов, таких, как «Антология мысли в афоризмах», М, 2008, «Мудрость Востока», М, 2011, «Мудрость России», М, 2011, «Лучшие афоризмы», СПб, 2010 и др.

Автор обложки

ТВОРЧЕСТВО – ЕДИНСТВЕННАЯ БОЖЕСТВЕННАЯ ЧЕРТА В ЧЕЛОВЕКЕ

“Именно эта черта оставляет надежду, впрочем, весьма незначительную, что наше существование на свете имеет хоть какой-то смысл”, – утверждает Валерий Бочков.

В прошлом номере журнала мы познакомили читателей с его творчеством, опубликовав отрывок из романа “К югу от Вирджинии”. За это произведение автор получил российскую “Русскую премию” 2014 года.

Но Валерий служит не только литературе. Он – профессиональный художник. Увлекается графикой. И мы решили дать ему возможность представить свою работу на обложке этого номера.

Бочков родился в Латвии в семье военного лётчика. Вырос в Москве, на Таганке. Окончил художественно-графический ф-т МГПИ в Москве. С 2000 года живёт и работает в Вашингтоне.

У него более десяти персональных выставок в галереях Амстердама, Лондона, Лос-Анджелеса и Вашингтона. Дважды приглашался на Эдинбургский фестиваль искусств с персональными экспозициями. Его картины работы находятся в галереях, музеях, частных коллекциях. В полиграфии представлен агентством "Donna Rosen". Среди его клиентов – ведущие периодические издания США, в том числе “Нью-Йорк Таймс”, “Вашингтон Пост”, “Форбс”, National Geographic. Ряд заказов выполнены для Конгресса США, Национальной Оперы Вашингтона

На Франкфуртской книжной ярмарке Бочков представлял изд-во «Protestant GmbH» книгой с иллюстрациями к «Евангелию от Иоанна».

Немало работ он выполнил для России. Еще в 90-х принимал участие в концептуальной разработке и издании ряда журналов ("Дилижанс", "Терра Инкогнита", "Туризм"); главный художник и партнёр компании "Информбанк".Его иллюстрации постоянно публиковали журналы "Мэри Клер", "Космополитен", "Домашний Очаг".Он плодотворно сотрудничал с издательским домом "Коммерсантъ" с момента его создания.

Бочков проиллюстрировал и оформил сотни книг, от первых российских изданий формата покет-бук до полноцветных подарочных изданий сказок Пушкина, братьев Гримм, Карла Мая.

Валерий – основатель и креативный директор "The Val Bochkov Studio" – творческой студии, сотрудничающей в сфере визуальной коммуникации с ведущими рекламными и PR агентствами США. Для канала «Дискавери» Валерий разрабатывал визуальную концепцию популярных шоу «Dirty Jobs», «Shark Week», «Tanked» и других. Участвовал в создании сериала «Prisoner», канал ABC (USA). За проект «Greedy TV» награждён «ADDY Award».

Он – автор международного проекта «New World Money» («Новые Деньги Мира»). Проект весьма оригинальный: после мирового финансового кризиса шесть лет назад Бочков выступил с предложением заменить все существующие деньги на новые – в результате появилась серия графических работ плакатного формата. Концепция проекта заключается в том, чтобы создать международную валюту, заменив портреты политиков и монархов на портреты людей, которых мы все знаем, любим и уважаем: Джон Леннон, Роберт Редфорд, Нельсон Мандела, Курт Воннегут, Марлен Дитрих, Билли Холидей, Фредди Меркьюри, Сальвадор Дали. Коллекция постоянно пополняется, сейчас в ней более сорока работ.

Работа, представленная на обложке, носит название «Сентябрь» (холст, масло) и выполнена в 2002 году. Она была сделана по заказу редакции вашингтонского журнала «Government Executive».

После террористического акта 11-го сентября психологический климат в стране изменился – многие были готовы пожертвовать свободой ради безопасности, забывая слова мудрого Бенджамина Франклина: «Если между свободой и безопасностью народ выбирает безопасность, в конечном итоге он теряет и то и другое».

Д.Г.